КАНИКУЛЫ 1844 ГОДА.

КАНИКУЛЫ 1844 ГОДА,

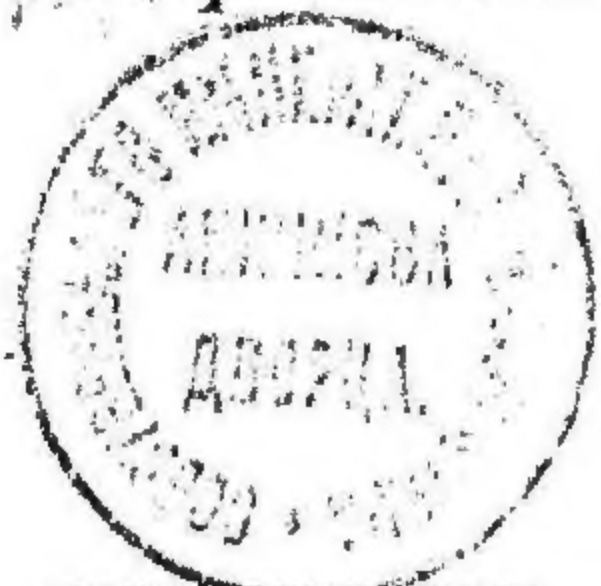
Д 79/766

ИЛИ

ПОѢЗДКА ВЪ МОСКВУ.

СОЧИНЕНІЕ

Александры Ишимовой.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

13205-45

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы *по отпечатаніи* представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 4 Декабря 1845 г.

П. Ивановскій.

2007099235

КАНИКУЛЫ.

Наконецъ, любезная сестрица, давнишнее желаніе твое исполнилось: я начинаю писать журналъ мой. Сколько разъ ты просила меня объ этомъ, и сколько разъ я принималась исполнить твою просьбу, и опять оставляла это намѣреніе, не отъ того, чтобы у меня было мало терпѣнья на это дѣло, но, право, скучно писать, когда никто не будетъ читать написаннаго. Ты вѣрно побранишь меня за это чувство, совершенно женское; пожалуй брани, только я съ моею, можетъ быть слишкомъ искреннею душею, всегда удивлялась журналу.

для себя писанному. Какая цѣль его? Счастливые дни и часы мы помнимъ до самой смерти не записывая ихъ, а несчастные—чѣмъ скорѣе забудутся, тѣмъ лучше! Потомъ, скажи мнѣ, какой конецъ такого журнала? Не надобно ли будетъ со временемъ сжечь его? Какая же польза въ существованіи его, никому неизвѣстномъ?... Но какая разница съ журналомъ, писанным для кого нибудь! Прежде всего надобно сказать объ удовольствіи, какое онъ доставляетъ тому, для кого пишется: на примѣръ, я воображаю, какъ ты будешь рада, получивъ этотъ мелко-исписанный почтовой листокъ мой. Потомъ, какая польза и радость для того, кто пишетъ этотъ журналъ! Если онъ ошибается въ своихъ мнѣніяхъ, — его поправляютъ; если онъ говоритъ о пріятныхъ впечатлѣніяхъ своихъ, - они дѣлаются для него еще пріятнѣе, потому что ихъ дѣлять двое: если ему случится погрустить о чемъ нибудь — его утѣшаютъ участіемъ, и снова міръ Божій посвѣтлѣетъ для него, и слѣдующіе листки журнала его заговорятъ съ прежнею веселостію. Вотъ, сестрица, въ какомъ случаѣ я любила бы писать журналъ. Правда, тутъ много значитъ съ кѣмъ переписываешься: это долженъ быть другъ испытанный и снисходи-

тельный, другъ, какихъ мало на свѣтѣ, но какого Богъ послалъ мнѣ къ тебѣ, моя милая сестрица. Я давно желала писать для тебя журналъ мой, но это странно было-бы, пока мы жили вмѣстѣ и видались почти каждую минуту. Теперь же, когда я разстаюсь съ тобою на цѣлый мѣсяцъ, теперь это самый удобный случай исполнить и твое, и мое желаніе, тѣмъ болѣе, что я поѣхала только для удовольствія, и что тебѣ вѣроятно не придется ни бранить, ни утѣшать меня: и то, и другое скучно. Я сдѣлала для себя каникулы, по примѣру почти всѣхъ Петербургскихъ жителей, въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ: и оставивъ всѣ занятія мои, ѣду смотрѣть древнюю столицу нашу, которую такъ давно хотѣлось мнѣ видѣть; ѣду со всѣми удобствами путешествія непродолжительнаго; желаю сохранить всѣ впечатлѣнія, какія, безъ сомнѣнія, произведетъ на меня видъ драгоцѣнныхъ для насъ памятниковъ старины Русской; желаю передать ихъ душѣ, одинаково со мною чувствующей, и—тебѣ остается только читать длинныя посланія мои, и, если хочешь, передавать ихъ иногда дѣтямъ твоимъ: вѣдь они такъ просили меня при отъѣздѣ описывать какъ можно подробнѣе все, что я увижу въ Москвѣ. И

такъ, читай имъ изъ журнала моего то, что для нихъ можетъ быть любопытно и интересно, а нашей старшей, нашей умненькой Аннютѣ, такъ какъ ужъ ей 16 лѣтъ, — ей ты можешь читать всё, что я буду описывать: она вѣроятно не будетъ скучать за этимъ чтеніемъ.

Вотъ тебѣ какъ водится, у всѣхъ писателей, и предисловіе къ моему сочиненію Теперь приступаю къ началу журнала моего, съ той минуты, какъ мы разстались съ тобою.

ПЕРЕѢЗДЪ ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО НОВГОРОДА.

Ты помнишь, тогда было дождливое утро. Какъ жаль, что ты не могла проводить меня до нашей милой Ольги Дмитріевны, изъ дома которой, мы сѣли въ дилижансъ Первопачальнаго Заведенія Ты увидѣла бы какъ покойно мы помѣстились въ этой прекрасной каретѣ. Но я постараюсь дать тебѣ объ этомъ самое вѣрное понятіе. Вообрази дилижансъ въ три отдѣленія. Въ первомъ сидѣли: Ольга Дмитріевна, главная распорядительница въ нашей поѣздкѣ. Лиза и я. Никогда не ѣздивъ въ дилижансѣ, можетъ быть, ты подумаешь, что намъ тѣсно бы-

ло сидѣть. Ни мало: не только тоненькая наша Лиза, но даже кто нибудь гораздо потолще ее могъ бы сидѣть съ нами очень покойно. Во второмъ или среднемъ отдѣленіи, сидѣлъ Валеріанъ, и съ нимъ его дядя, другъ, наставникъ и неутомимый изыскатель—историческихъ древностей, Николай Дмитріевичь. Крѣпкая стѣна раздѣляли эти оба помѣщенія, но мы отодвинули двѣ задвижки, подняли раздѣлявшую насъ стѣнку и очутились въ экипажѣ, чрезвычайно похожемъ на линейку желѣзной дороги. Не могу описать тебѣ, какъ весело ѣхать такимъ образомъ въ этой маленькой комнаткѣ и въ самомъ пріятномъ обществѣ. Николай Дмитріевичь ѣхалъ въ седьмой разъ по этой дорогѣ, и потому ты можешь представить себѣ, что при своей любознательности и наблюдательномъ умѣ, онъ помнитъ почти всякое замѣчательное мѣстечко. Кромѣ того, у насъ есть еще маленькая книжка, гдѣ описано въ короткихъ словахъ все, что есть примѣчательнаго на этой дорогѣ. Но я еще ничего не сказала тебѣ о третьемъ отдѣленіи нашего дилижанса: оно уже не закрыто, какъ карета, но походитъ болѣе на коляску. Въ ней сидитъ наша общая теперь горничная, Катерина, а въ отдѣльной отъ нея,

пресмѣшной будочкѣ — кондукторъ нашъ. Теперь, милая сестрица, воображеніе твое можетъ живо представить тебѣ нашъ домикъ, очень быстро движущійся, и вотъ мы выѣзжаемъ за Тріумфальныя ворота. Здѣсь пока еще такъ все знакомо тебѣ, что вовсе нечего разсказывать. Но вотъ первая примѣчательность на 8-й верстѣ: бывшій *Чесменскій дворецъ*. Хотя ты знаешь его, но ужъ вѣрно не такъ подробно какъ теперь я, благодаря ученому спутнику нашему. Такъ какъ мы взяли весь дилижансъ только для себя, то можемъ останавливаться, гдѣ хотимъ; и такъ какъ мы ѣдемъ съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ нашего путешествія всю пользу и всѣ пріятности, какія оно можетъ доставить, то мы не хотѣли проѣхать Чесьмы, не остановившись посмотрѣть ее. Молоденькіе наши путешественники, Лиза и Валеріанъ, очень обрадовались случаю выйти изъ кареты, и побѣжали съ дядюшкой своимъ впередъ. Мы съ Ольгой Дмитріевной старались также не отставать отъ нихъ, и подошли къ нимъ въ то самое время, какъ Николай Дмитріевичъ только что началъ разсказъ свой. Повторю его: Чесменскій дворецъ основанъ въ 1770 году по приказанію Императрицы Екатерины II-й въ воспоминаніе

славной побѣды, одержанной въ этомъ году Русскимъ флотомъ надъ Турками, при Чесьмѣ, въ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи 24 Іюня. При дворцѣ есть и небольшая церковь во имя Крестителя. При входѣ въ нее представляется черная мраморная доска, вдѣланная въ стѣну. Золотыми литерами означены на ней два важные дня для дворца Чесьменскаго: *первый*, день заложенія его самою Императрицею Екатериною, въ присутствіи Шведскаго Короля Густава III го, гостившаго у насъ въ то время подъ именемъ *Графа Готландскаго*, и *второй*, 1780 года Іюня 24, день освященія церкви. Въ это время у Государыни былъ другой гость, Императоръ Римскій, подъ именемъ *Графа Фалкенштейна*. Въ день храмоваго праздника бываетъ здѣсь гуляньe и ярмарка. Какая разница для Чесьмы въ празднованія этого дня прежде и теперь! Расказываютъ, что въ прежнее время, Государыня Сама пріѣзжала сюда со всѣмъ Дворомъ Своимъ, присутствова при обѣднѣ, и потомъ гуляла по ярмаркѣ. Этого еще мало: чтобъ оживить дѣятельность ничтожной ярмарки, Она покупала здѣсь на нѣсколько тысячь рублей разныхъ галантерейныхъ вещей, и дарила ими Своихъ при-

ближенныхъ. Всего этого теперь нѣтъ, но за то теперь въ Чесменскомъ дворцѣ возносятся къ Богу молитвы, неслышныя тамъ прежде: Государю Императору Николаю Павловичу угодно было помѣстить здѣсь *Военную богадѣльню*. Какъ хорошо нынѣшнее назначеніе Чесменскаго памятника отвѣчаетъ первоначальной мысли его основанія: воспоминаніе Государыни о славной побѣдѣ прекрасно сливается съ мыслію Государя, успокоить старость заслуженыхъ воиновъ.

Въ заключеніе описанія дворца Чесменскаго скажу тебѣ, что мѣсто на которомъ построенъ онъ, называлось въ старину *Каперекекcино*. Это значитъ: *столица лягушекъ*. Знаешь ли на какомъ языкѣ? На Финскомъ. Недавно Николай Дмитріевичъ выучился и этому языку, во время путешествія по Финляндіи. Если бы ты видѣла, сестрица, какой у него даръ всему легко выучиваться и учить другихъ, ты очень пожалѣла бы, что твои старшія дѣти не путешествуютъ вмѣстѣ съ нами. Не только наши молодые спутники, но даже и мы съ Ольгой Дмитріевной надѣемся возвратиться изъ этого путешествія съ большимъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Не подумай, чтобы онъ соединялъ съ этою уче-

постью большую серьёзность, или что нибудь похожее на важный учительскій тонъ Совсѣмъ нѣтъ! Ничего не можетъ быть проще его разсказовъ и объясненій, и кромѣ того, онъ такъ мало думаетъ придать имъ какую-либо важность, что иногда прерываетъ самое глубомысленное разсужденіе при видѣ или красиваго мѣстоположенія, или какой нибудь веселой сцены. Такъ, напримѣръ, случилось у насъ вчера: проѣзжая одну деревню мы увидѣли нѣсколько дѣвушекъ и мущинъ, которые пѣли хороводную пѣсню и презабавно кружились подъ голосъ ея. Николай Дмитріевичъ разсказывалъ въ это время что-то очень серьёзное, и вотъ при видѣ веселой толпы, онъ вскричалъ: «А! да что это, полно учиться! Запоемъ-ка лучше и мы пѣсню, или будемъ любоваться прекраснымъ вечеромъ! Стыдно такъ мало любить природу: посмотрите какая чудная погода теперь, а мы и не замѣчаемъ ее и не радуемся ей, какъ эти добрые люди!» И вотъ онъ въ такія минуту готовъ былъ и пѣть, и плясать, еслибъ только это возможно было въ дилижансѣ. Такая живость драгоцѣнна въ человѣкѣ ученомъ, и особенно полезна для молодыхъ спутниковъ нашихъ: они безпрестанно переходятъ съ нимъ отъ

серьёзнаго къ забавному, и опять отъ забавнаго къ серьёзному.

Но возвратимся къ нашему путешествію: боюсь, что оно гораздо тише подвигаться будетъ въ описаніи, нежели двигалось въ дѣйствительности. На 11-й верстѣ отъ Петербурга, видѣли мы большой каменный домъ, который нѣкогда былъ загороднымъ дворцомъ Императрицы Елисаветы Петровны; теперь въ немъ гостинница. Замѣчательно, что кромѣ четырехъ разныхъ дорогъ (въ Петербургъ, Москву, Царское село и Петергофъ) которыя здѣсь расходятся, и которыхъ направленіе означено четырьмя руками на столбѣ, отсюда Петръ 1-й предполагалъ провести прямо въ Москву просѣкъ. Говорятъ, что нынѣ при точнѣйшихъ измѣреніяхъ для Московской желѣзной дороги избрана почти та же самая линія.

Въ Ижорѣ намъ въ первый разъ перемѣнили лошадей, и такъ скоро, что мы не успѣли нагуляться, сколько бы хотѣлось. Ты знаешь, какъ Ольга Дмитріевна любитъ природу. И такъ неудивительно, что она часто встрѣчаетъ мѣста, которыя восхищаютъ ее, а останавливаться для нихъ невозможно. Вотъ это—по ея мнѣнію—важное неудобство дилижансовъ. Лиза,

напротивъ того, находитъ это очень полезнымъ для ея тётушки.» Иначе, ma tante, говоритъ она, вѣдь вы остались бы цѣлый день на какомъ нибудь хорошенькомъ пригоркѣ, или на берегу свѣтлой рѣчки.» Это и правда: я не знаю, что будемъ мы дѣлать съ нею, когда начнутся мѣстоположенія, гораздо красивѣйшія нежели тѣ, какія мы проѣзжаемъ теперь. Говорятъ что около Валдая есть прелестные виды, вовсе непохожіе на наши первыя станціи отъ Петербурга къ Новгороду. Однакожъ я еще не кончила разсказа моего о самой первой изъ нихъ, объ *Ижорѣ*. Она въ 30 верстахъ отъ Петербурга и получила названіе свое отъ рѣки Ижоры, напоминающей побѣду Александра Невскаго надъ Шведами. Сраженіе происходило на полѣ за 22 версты отъ столицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ижора впадаетъ въ Неву. Я не прошу извиненія за такія подробности: ты сама просила меня не пропускать ихъ для дѣтей твоихъ. Впрочемъ, для чего бы и взрослымъ людямъ не вспомнить съ удовольствіемъ о славныхъ происшествіяхъ нашей исторіи, проѣзжая по мѣстамъ, гдѣ совершались они? Для всѣхъ насъ было это очень пріятно, и замѣтивъ такое расположеніе, Николай Дмитріевичъ разсказалъ

намъ даже и то, что въ деревнѣ Ижорѣ былъ нѣкогда дворецъ, построенный изъ Шведскаго дворца, перенесеннаго сюда изъ Шлюссельбурга, и въ Ижорѣ также находился въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ *Оспопрививательный домъ*, въ которомъ жилъ лекарь для прививанія оспы всѣмъ приводимымъ и привозимымъ къ нему дѣтямъ поселянъ, живущихъ въ окрестностяхъ. Это благодѣтельное учрежденіе здѣсь такого дома сдѣлано было Великою Екатериною, которая какъ извѣстно первая въ Россіи привила оспу Себѣ и Наслѣднику Престола Своего, Великому Князю Павлу Петровичу. — Этотъ домъ еще существовалъ здѣсь 15 лѣтъ тому назадъ.

Тосна. Черезъ пять или шесть верстъ отъ Ижоры, мѣстоположеніе перемѣняется и вмѣсто пустыхъ полей, или даже, по большей части болотъ, начинается по обѣимъ сторонамъ, густой, можно сказать, *дремучій* лѣсъ. Говорятъ, онъ такъ густъ, что лучи солнечные не проникаютъ въ средину его; земля подъ нимъ остается всегда влажною, и распространяетъ эту влажность на всѣ окрестности. Самый лѣсъ отъ того портится: онъ бываетъ такой дряблый, что ни на какое употребленіе

не годится. Николай Дмитріевичъ говоритъ, что для уничтоженія вреда, причиняемаго этимъ лѣсомъ, надобно выжечь его подъ пашню, какъ уже сдѣлано это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царскосельской дороги при Императорѣ Александрѣ, Англичаниномъ Виллеромъ.

Тосна есть одна изъ самыхъ длинныхъ и большихъ деревень по здѣшней дорогѣ. Она простирается на *три* версты и въ ней 1.000 душъ. Тутъ есть каменная церковь, построенная ямщикомъ Пановымъ; есть гостинница или трактиръ, въ которомъ мы обѣдали. Обѣдъ нашъ и принадлежности стола были гораздо лучше, нежели я ожидала, слушая иногда расказы путешественниковъ о Русскихъ гостинницахъ. Правда, что не вездѣ такъ, какъ по большой Московской дорогѣ, и по ней не вездѣ такъ, какъ въ гостинницѣ Тосненской, которая одна изъ лучшихъ. Здѣсь я увидѣла въ первый разъ *половыхъ*, т. е. трактирныхъ слугъ, которыхъ такъ вѣрно изобразилъ нашъ чудный живописецъ Гоголь. Въ Тоснѣ они ходятъ въ черныхъ бархатныхъ сибиркахъ.

Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда нашего я писала этотъ журналъ, противъ чего очень вооружался нашъ разсудительный Николай

Дмитріевичъ: онъ говоритъ, что двухъ дѣлъ вдругъ дѣлать не надобно, и потому, путешествуя можно писать только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливаешься часовъ на 8 или 10. Но я не буду слушаться его въ этомъ случаѣ: мнѣ кажется писать хотя по немногу, но часто, будетъ удобнѣе, нежели садиться на нѣсколько часовъ сряду.

3-я станція *Помераньe.* Проѣхавъ 5 верстъ отъ Тосны, мы увидѣли граничный столбъ, показывающій окончаніе Петербургской губерніи и начало Новгородской. «Здѣсь, сказалъ Николай Дмитріевичь, въѣзжаемъ мы въ настоящую землю Славянскую.» — А Петербургъ развѣ не на Славянской землѣ построенъ, дядюшка? спросила Лиза, горячо привязанная къ родному ей городу. — «Нѣтъ, Лизочка, промахнулась немножко, душа моя, Петербургъ построенъ на Финской, или попросту сказать, на Чухонской землѣ.» — Да я знаю, что въ ней жили Финны, но вѣдь ужъ она такъ давно принадлежала Новгородцамъ, что можетъ назваться Славянскою землею. — Я и не ожидалъ чтобы моя любезная племянница такъ далеко забралась въ старину Русскую: это правда, давно Русскіе владѣли этою страною

и много разъ отнимали ее у нихъ то Эстонцы то Ливонцы, то Шведы; взялъ было ее Александръ Невскій, но потомъ опять Русскіе потеряли ее, и наконецъ уже Петръ Великій утвердилъ это завоеваніе, и старинная *Ингрія*, а по Шведски *Ингерманландія* снова сдѣлалась нашею.»

Простившись съ нею при граничномъ столбѣ, мы съ любопытствомъ вступили въ древнюю землю Славянскую, и какъ будто въ доказательство дружелюбнаго смѣшенія народовъ, споривших въ встарину объ этой землѣ, мы нашли на первой чисто Русской или Славянской станціи, трактирщицу Нѣмку! Опрятная, толстенькая старушка, Лизавета Ивановна, (такъ зовутъ ее) сидитъ въ буфетѣ своемъ въ первой комнатѣ, и продаетъ все что угодно неприхотливому проѣзжему, но болѣе всего — ягоды. Мы замѣтили, однакожъ — что она не отличается говорливостію, столь свойственною трактирщицамъ, и что она, особливо намъ, Русскимъ, отвѣчала на все довольно отрывисто до тѣхъ поръ, пока Николай Дмитріевичь не началъ говорить съ нею по-Нѣмецки. Тутъ ужъ, конечно, ея несловоохотность не устояла, и она разговорилась. Гостинница Помераніи,

заключая въ себѣ по дѣятельности Лизаветы Ивановны, такъ много удобствъ внутри, дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе на путешественниковъ и самою наружностію своею: это красивый одноэтажный каменный домъ во вкусѣ Итальянской виллы. Передъ Помераніею дорога начинаетъ нѣсколько измѣнять однообразный видъ свой: показываются сначала маленькія, потомъ большія деревеньки, а за пять верстъ до Помераніи видѣли мы первый хорошенькій господскій домъ съ колоннами и около него большой садъ съ дорожками. Вдали отъ него видны домики крестьянскіе и лѣсъ.

Напившись вечерняго чаю у Лизаветы Ивановны, мы проѣхали ночью станцію *Чудово*, а рано утромъ станціи — *Спасскую Полисть* и *Подберезье*. Въ первой замѣтили мы прекрасный каменный домъ съ колоннами, примѣчательный потому, что онъ принадлежитъ простому ямщику. По этому можно судить, какъ богаты здѣсь ямщики. Надобно сказать правду, что они и очень искусны въ своемъ дѣлѣ. Особенно похвалить можно ямщиковъ станціи: *Спасской Полисти*. Они прекрасно ѣздятъ и замѣчено, что рѣдко кто-нибудь изъ нихъ проситъ на *водку* или на *чай*, — обыкновеніе почти

всѣхъ ямщиковъ, которые возили насъ. За эту скромность, мы конечно, гораздо охотнѣе наградили его. По случаю разговора объ ямщикахъ, Николай Дмитріевичъ не пропустилъ случай расказать намъ о началѣ *почтъ* и *почтовой пъзды* у насъ въ Россіи. Давно не перечитывая старинной Исторіи нашей, мы очень удивлены были, что это учрежденіе существуетъ уже болѣе 300 лѣтъ: первое основаніе ему положилъ Великій Князь Іоаннъ III около 1505 года. На *ямахъ* или станціяхъ путешественникамъ давали не только лошадей, но даже пищу, не всѣмъ впрочемъ, но только тѣмъ, которые ѣхали по приказу Государеву. Это было только начало; совершенное учрежденіе почтовыхъ ямовъ приписываютъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу: по его приказанію многіе крестьяне переписаны были въ ямщики, и вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получили за службу свою, которая также можетъ назваться Государственною, разныя выгоды и преимущества. Удивительно, какое множество лошадей было на первыхъ почтахъ: на примѣръ, если какой нибудь путешественникъ требовалъ 10 или 12 лошадей, ему приводили 40 или 50, и если дорогой, которыя нибудь изъ этихъ лошадей уста-

вали, ихъ оставляли на дорогѣ, и брали на мѣсто ихъ свѣжихъ въ первомъ селеніи, или даже у проѣзжихъ. Двое младшихъ спутниковъ нашихъ, слушая такіе расказы, жалѣли что теперь не даютъ намъ столько же лошадей: имъ хотѣлось бы видѣть поѣздъ нашъ въ пятдесятъ лошадей, а Ольга Дмитріевна, пристрастная любительница старины, не пропустила случая похвалить радушіе и простоту нашихъ добрыхъ предковъ.

Въ такихъ разговорахъ проѣхали мы станцію Подберезье и поутру въ 8 часовъ въѣхали въ самый старинный изъ городовъ нашихъ, *Новгородъ*.

НОВГОРОДЪ.

Какъ ни обыкновенно для Петербургскихъ жителей побывать въ Новгородѣ; какъ ни привыкли они думать, что доѣхать до Новгорода почти такъ же легко, какъ до Петергофа, но все таки есть изъ нихъ такіе, для которыхъ и это путешествіе кажется важнымъ, и этотъ городъ — предметомъ чрезвычайно любопытнымъ. Къ числу такихъ принадлежу и я. Ты знаешь это, милая сестрица, потому что не разъ шутила ты надъ тѣмъ жаромъ, съ которымъ я говорила о Новгородѣ, и о моемъ желаніи увидѣть вѣковыя стѣны тамошняго Крем-

ля. Ты расказывала мнѣ, что проѣзжая однажды мимо Новгорода и проведя въ немъ только нѣсколько часовъ, ты была такъ пріятно занята какими-то другими дѣлами, что тебѣ во все не хотѣлось смотрѣть на тамошніе памятники старины нашей, и ты думала только о томъ, какъ бы скорѣе отправиться по дорогѣ къ Петербургу. Въ такомъ случаѣ неудивительно, что ты не интересовалась ничѣмъ въ Новгородѣ. Но я не понимаю, какъ можно во всякомъ другомъ случаѣ Русскому въѣхать въ первый разъ въ этотъ древнѣйшій изъ городовъ нашихъ, и не почувствовать ничего особеннаго къ тому мѣсту, которое такъ справедливо можетъ назваться *колыбелью* нашего колоссальнаго Царства. При взглядѣ на Новгородъ, передъ глазами моими невольно рисуется картина младенчества Россіи, когда предки наши, безпримѣрно-отважные и въ тоже время - безпримѣрно-добрые сердцемъ, такъ простодушно сознаваясь въ безпорядкахъ земли своей, просятъ Царей у народа чуждаго и добровольно покоряются имъ. Это сознаніе и эта просьба, единственныя въ исторіи государствъ древняго и новаго міра, можетъ быть кажутся странны для высокомѣрныхъ понятій

народовъ нынѣшняго времени, но для меня они были всегда высокимъ доказательствомъ необыкновеннаго великодушія. Какая побѣда можетъ быть выше той, которую мы одержимъ надъ собою? Какого человѣка, мы уважаемъ болѣе того, кто сознается въ ошибкахъ своихъ и проситъ совѣта у другаго, болѣе опытнаго его? Отъ чего же эти самыя качества, такъ дорого цѣнимыя въ одномъ человѣкѣ, не цѣнятся во множествѣ людей или лучше сказать въ цѣломъ народѣ, и напротивъ того, вмѣняются ему въ какой-то недостатокъ? Да, спросите у иностранцевъ объ этомъ поступкѣ Русскихъ IX-го вѣка, объ этомъ благородномъ торжествѣ надъ самолюбіемъ, которое такъ свойственно природѣ человѣка, и такъ трудно побѣждается имъ, спросите, — и вы услышите, что они считаютъ это за доказательство недостатка у Русскихъ національной гордости. Но не вѣрьте имъ: никакая гордость не можетъ быть хорошимъ качествомъ, и чувство собственнаго достоинства совсѣмъ не то, что гордость. Русскіе, безъ сомнѣнія, руководились имъ, когда не захотѣли оставаться болѣе въ полудикомъ состояніи своемъ, и можно сказать инстинктно или по предчувствію будущаго величія своего стремі-

лись къ просвѣщенію собственною силою. Они руководились имъ и тогда, когда въ продолженіе двухсотлѣтняго рабства подъ властію варваровъ, не переставали стараться о своемъ освобожденіи и достигли его; наконецъ, они руководились тѣмъ же чувствомъ собственнаго достоинства, когда во времена междуцарствія, отвергли чуждыхъ властителей, желавшихъ присвоить себѣ престолъ ихъ, и возвели на него одного изъ соотечественниковъ своихъ. Здѣсь они доказали, что призваніе Варяжскихъ Князей было слѣдствіемъ необходимости того времени и стремленія *къ просвѣщенію*, а *не недостатка* чувства собственнаго достоинства: Шведскій Принцъ и Польскій Королевичь въ глазахъ народа, неимѣющаго этого чувства, всегда казались бы предпочтительнѣе сына собственнаго боярина, и тѣмъ болѣе что возводить на престолъ послѣдняго, гораздо труднѣе было для всего народа, нежели принять одного изъ первыхъ. Можно ли сказать послѣ того, что Русскіе не имѣютъ чувства собственнаго достоинства? Напротивъ того, оно возвышеннѣе у нихъ, нежели у другихъ народовъ: оно не мѣшаетъ имъ видѣть недостатки ихъ, не мѣшаетъ простодушно сознаваться въ нихъ. Я люблю

вспоминать это простодушіе, это необыкновенное нравственное величіе народа младенчествующаго, и отъ того съ участіемъ смотрю на Новгородъ, какъ на мѣсто, гдѣ происходили эти первыя совершенно-своеобразныя явленія Русской жизни. Вотъ первый Кремль Русскихъ, и первый, который я увидѣла. Какъ интересны показались мнѣ его красныя, зубчатыя стѣны вышиною въ четыре, а шириною въ $1\frac{1}{2}$ сажени. Первоначально построенъ онъ былъ при Ярославѣ 1-мъ, но въ послѣдствіи нѣсколько разъ былъ перестроенъ. И видъ и размѣръ его совсѣмъ измѣнились, если судить по рисунку, какой находится въ одной изъ церквей здѣшнихъ (Знаменской). Прежнія стѣны его были выстроены очень непрочно: кирпичь былъ только снаружи, а внутри пустое пространство наполнялось щебнемъ, плитою, камнями и заливалось известкою. Могло ли быть прочно такое зданіе? Въ первый разъ передѣлывали его въ 1331 году, потомъ въ 1364. Послѣ этой второй поправки Кремлевскія стѣны совсѣмъ развалились и заложены снова въ 1400 году; въ 1490 уже опять нужно было снова строить ихъ. Тогда царствовалъ Іоаннъ Грозный, и по его приказанію Кремль Новгородскій порученъ

былъ лучшему архитектору того времени, Аристотелю, и его-то труды дошли и до нашего времени. При Императорахъ: Петрѣ Великомъ и Александрѣ 1-мъ, Новгородскія Кремлевскія стѣны только поправлялись, но не строились снова, какъ прежде. Въ нынѣшнемъ Кремлѣ есть девять башенъ. Изъ нихъ примѣчательныхъ три: *Павловская* съ часовнею и колодцемъ; *Покровская* съ церковью, подлѣ которой, говорятъ, былъ прежде дворецъ, называвшійся *Княжескимъ*, а послѣ *Боярскимъ* дворомъ; третья башня на западной сторонѣ—отличается тѣмъ, что имѣетъ комнаты, въ которыхъ жили дочери владѣтельныхъ Князей. Есть преданіе, что на верху этой башни было нѣкогда гнѣздо какой-то огромнѣйшей птицы, которая таскала маленькихъ дѣтей, и кормила ими своихъ птенцовъ.

Первой предметъ, на который вы заглядитесь въ Кремлѣ Новгородскомъ, это Софійскій Соборъ. Онъ построенъ въ 1051 году! Почти 800 лѣтъ! Въ немъ шесть главъ, и какая странность: средняя изъ нихъ ярко вызолочена, а остальныя четыре покрыты только бѣлою жестью. Необыкновенно, однакожъ и недурно. Эта церковь, кромѣ главнаго алтаря, имѣетъ еще четыре

престола и двѣ паперти. Своды поддерживаются внутри, вмѣсто колоннъ, четвероугольными столпами. Эти столпы и стѣны церковныя такъ толсты, а окошки такъ узки, и такъ ихъ мало, что въ церквѣ очень темно и тѣсно. Темнота увеличивается отъ того, что всѣ стѣны покрыты темною живописью. Говорятъ, что старинныя Русскія церкви почти всѣ таковы. Въ главномъ куполѣ есть особенная примѣчательность: образъ Господа Вседержителя съ сжатою рукою. Разсказываютъ, не знаю справедливо ли, что живописецъ, писавшій этотъ образъ, три раза хотѣлъ представить руку Спасителя, благословляющею, какъ обыкновенно дѣлаютъ это, но раздавшійся голосъ повелѣлъ написать ее сжатою. Древніе Новгородцы вѣрили что въ этой сжатой рукѣ Господа заключались судьбы и счастіе ихъ, и боялись увидѣть ее разкрывшеюся. Многіе и теперь думаютъ также.

Иконостасъ Софійскаго Собора, по примѣру старинныхъ церквей Русскихъ, имѣетъ 4 яруса образовъ, изъ которыхъ два самые примѣчательные: Софіи Премудрости Божіей и Св. Апостоловъ Петра и Павла, присланные изъ Корсуни Владиміромъ Великимъ. Предъ иконостасомъ висятъ четыре паникадила, а противъ не-

го, при первыхъ двухъ столпахъ, устроены два мѣста: Царское и Архіерейское.

Мы вошли въ церковь, когда обѣдня почти оканчивалась. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня этою древнѣйшею изъ церквей нашихъ, не было самое пріятное: привыкнувъ къ нашимъ прекраснымъ церквамъ Петербургскимъ, къ ихъ изящному и новѣйшему вкусу, къ ихъ свѣтлому, торжественно-радостному виду, мнѣ показалось и грустно, и темно, и нерадостно въ этомъ мрачномъ храмѣ. Но стоило только вспомнить тотъ вѣкъ, когда воздвигся онъ, тѣ дымныя избы и простые домики которые окружали его; тѣхъ безъискуственныхъ людей, которые молились въ немъ съ одною чистою мыслію о Богѣ,—и вся прежняя краса, весь прежній блескъ его явились предо мною, какъ въ стеклѣ волшебнаго зеркала. Мнѣ казалось, я видѣла тутъ и Архіепископа, и Посадниковъ, и тихія, безмолвныя толпы Новогородцевъ въ церкви, и шумныя, безпокойныя — на площади, окружающей ее. Здѣсь кстати вспомнить объ одномъ церковномъ обрядѣ, исполняемомъ тогда: объ избраніи Архіепископа. По звону вечеваго колокола, этого непремѣннаго вѣстника всѣхъ важныхъ и неважныхъ дѣлъ Но-

вагорода, народъ сбирался передъ Архіерейскимъ домомъ и Соборомъ Софійскимъ, и выбиралъ себѣ въ Епископы трехъ достойнѣйшихъ мужей изъ всего духовенства. Ерлычки съ именами ихъ запечатывались одинакою печатью и клались на престолъ Софійскаго Собора. Послѣ обѣдни два ярлычка выносили къ народу: третій оставался на престолѣ и заключалъ въ себѣ имя новаго Архіепископа, который показывался народу проходя изъ церкви въ домъ Архіерейскій, а оттуда въ Грановитую палату.

Въ Кремлѣ, кромѣ Софійскаго Собора, есть еще другой Соборъ, зимній, основанный въ 1336 году. Колокольня обоихъ соборовъ стоитъ отдѣльно, соединяясь только съ стѣною крѣпости, и вовсе не походитъ на наши нынѣшнія колокольни: на площадкѣ ея вверху построена стѣнка съ 5-ми сквозными арками, въ которыхъ висятъ колокола. Изъ нихъ самый большой, отлитый при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, вѣситъ 1.600 пудовъ.

У подошвы Кремля течетъ величественная рѣка Волховъ, раздѣляющая Новгородъ на двѣ половины: правая по теченію рѣки, названа была еще въ древности — *Торговою*, по тѣмъ об-

ширнымъ *торгамъ*, какіе всегда происходили въ ней, а лѣвая, гдѣ соборъ и крѣпость—*Софійскою*. Эти обѣ стороны часто ссорились между собою, и мѣстомъ этихъ ссоръ или лучше сказать, кровавыхъ битвъ, всего чаще былъ мостъ, соединявшій оба берега. Какіе ужасы происходили на немъ въ это время! Въ страшной суматохѣ не рѣдко бросали людей съ моста въ Волховъ. Стало быть Волховскій мостъ всегда былъ особенно примѣчателенъ. Въ древности онъ былъ устроенъ какимъ-то особеннымъ образомъ, нѣсколько вкось рѣки, а не такъ какъ теперь строятся у насъ мосты, и назывался *Великимъ*. Теперешній мостъ примѣчателенъ своимъ великолѣпіемъ и красотою. Онъ построенъ на гранитныхъ укрѣпленіяхъ, и имѣетъ 117 саженъ длины. У самаго моста есть часовня Животворящаго Креста. Мы были въ ней и видѣли этотъ—можетъ быть древнѣйшій изъ всѣхъ Крестовъ въ Россіи. Онъ почитается чудотворнымъ и вырѣзанъ изъ липоваго дерева въ Греческомъ вкусѣ; вышиною онъ въ 3 арш. и 6 вершковъ. На немъ изображено Распятіе Господа. Онъ тотъ самый, который еще В. К. Владиміромъ Ярославичемъ былъ водруженъ на мѣстѣ, назначенномъ для построенія Софійскаго Со-

бора, и перенесенъ въ нынѣшнюю часовню изъ старинной, стоявшей подлѣ *Великаго* моста. Говорятъ, что на мѣстѣ той прежней часовни, во времена язычества стоялъ на берегу Волхова идолъ Перунъ, и отсюда Новгородцы, принявъ Христіянскую Вѣру, бросили его въ Волховъ. Тутъ же подлѣ моста, былъ нѣкогда и дворецъ Ярослава 1-го. Сколько интересныхъ воспоминаній о Дворѣ Ярослава, при которомъ являлось всегда такъ много знаменитыхъ чужестранцевъ, и гдѣ одинъ изъ нихъ, Норвежскій Принцъ Гаральдъ провелъ даже нѣсколько лѣтъ первой молодости своей! Можно ли представить себѣ, что все это было нѣкогда въ нынѣшнемъ тихомъ Новгородѣ, который кромѣ Кремля, и святынь его, кромѣ широкаго Волхова и прекраснаго моста его, не имѣетъ теперь ничего особенно-примѣчательнаго, ничего похожаго на древній блескъ и на древнюю важность его. И знаешь ли, въ иныхъ случаяхъ, по моему, лучше когда въ мѣстахъ, нѣкогда знаменитыхъ, нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ прежняго величія: когда ничто не напоминаетъ его, то можешь представить въ себѣ въ воображеніи прежнюю красоту мѣста, но что почувствуешь, когда напримѣръ увидишь на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда

стоялъ по словамъ Новгородскаго лѣтописца *Чюдный дворъ* Марѳы Посадницы, которую называли *Великою Боярынею града* — кузницу, и надобно прибавить еще кузницу уничтоженную! *) Хозяинъ ея, купецъ Митрофановъ, очень недоволенъ былъ, что много любопытныхъ приходило къ нему смотрѣть на это знаменитое мѣсто, и въ числѣ посѣтителей были и такіе, которые уносили съ собой бѣлье, сушившееся на дворѣ. Онъ рѣшился уничтожить эту кузницу, и съ тѣхъ поръ живетъ счастливѣе. Ну, скажи, не лучше ли было бы, если бы я не знала всѣхъ этихъ подробностей? Я никогда не вообразила бы возможнымъ этого страннаго сочетанія идей: великолѣпнаго дворца одной изъ знаменитѣйшей женщинъ XV-го вѣка, и старой, развалившейся кузницы. Но, Николай Дмитріевичъ нашелъ и въ этомъ случаѣ хорошую сторону: онъ говоритъ, что эта разительное измѣненіе прежняго пышнаго дворца въ теперешнія развалины кузницы, представляетъ такое полезное доказательство непрочности всего земнаго, что надобно радоваться видѣвъ его. «Вѣрно послѣ такого вида» — приба-

*) На углу Рогатинской и Московской улицъ.

вляетъ нашъ философъ «вамъ придутъ въ голову всякія-такія мысли, о которыхъ вы прежде и не подумали бы. Не правда-ли?» Я согласна что это правда, но-все таки мнѣ жаль, что я не вижу прежняго великолѣпія Новгородскаго. «За чѣмъ вамъ его видѣть? Вы знаете предсказанія, какія сдѣланы были и гордой Марѳѣ, и всему Новгороду?»

Я никогда нигдѣ не читала объ этихъ предсказаніяхъ, и потому просила Николая Дмитріевича разсказать намъ объ этомъ. Разсказъ его былъ такъ интересенъ, что я сообщаю его здѣсь и тебѣ.

Основатель и игуменъ Соловецкаго монастыря, Св. Зосима, пріѣзжалъ въ Новгородъ просить защиты отъ притѣсненій, какія дѣлались монастырю отъ Двинскихъ жителей. Извѣстно что весь берегъ Бѣлаго моря, т. е. вся губернія Архангельская, къ которой принадлежитъ и Соловецкій монастырь, была тогда во владѣніи Новгородцевъ. Вече, выслушавъ жалобу Игумна, извѣстнаго уже въ то время своею примѣрною жизнію, рѣшило дать монастырю охранную грамоту на исключительное владѣніе Соловецкими островами. Эта грамота хранится и теперь въ ризницѣ Соловецкаго мо-

настыря. Она писана на пергаменѣ, съ 8-ю свинцовыми печатьми, и особенно примѣчательна тѣмъ, что есть одна изъ послѣднихъ данныхъ Новгородскою республикою: Зосима, пріѣзжалъ незадолго до покоренія Новгорода Іоанномъ III. Николай Дмитріевичь купилъ въ здѣшней книжной лавкѣ, единственной во всемъ городѣ, небольшую книжку о Новгородѣ, и въ ней напечатана и эта грамота. Она показалась не только мнѣ, но даже и Валеріану такою интересною, что онъ съ удовольствіемъ взялся списать ее для журнала моего, и слѣдовательно для тебя, милая сестрица. Поблагодари его мысленно, когда будешь читать эту грамоту:

«Господину Преосвященному Архіепископу «Великаго Новаграда и Пскова Владыкѣ Іонѣ, «Господину Посаднику Великаго Новгоро- «да, Степенному Ивану Лукиничу и Ста- «рымъ Посадникамъ, Господину Тысяцкому «Великаго Новогорода, Степенному Трифону «Юрьевичу и Старымъ Тысяцкимъ и Житей- «нымъ Людямъ и Боярамъ, и всему Господину «Государю Новуграду, всѣмъ пяти концевъ на «Вѣцѣ, на Ярославлѣ дворѣ. Се биша челомъ «Игуменъ Ивоня и вси Старцы Св. Спаса и Св. «Николы съ Соловцевѣ съ Моря—Окіяна, аркуци

«такъ: Обитель Господа Св. Спаса и Св. Ни-
«колы, наша пустынька отъ міру удалеся сто
«верстъ отъ людей, чтобъ есте Господа жало-
«вали обитель Св. Спаса и Св. Николы и насъ
«убогихъ тѣми островки Соловки и островомъ
«Анзеры и островомъ Муксами и островомъ
«Заяцкимъ и малыми островки. И по благосло-
«венiи Господина Преосвященнаго Архiепископа
«Великаго Новогорода и Пскова, Владыки Iоны,
«Господинъ Посадникъ Великаго Новограда Сте-
«пенный Иванъ Лукиничь и Старые Посадники
«и Господинъ Тысяцкiй Великаго Новограда
«Степенный Трифонъ Юрьевичь и Старые Ты-
«сяцкiе и Бояре и Житые люди и купцы, чер-
«ные люди и весь Господинъ Государь Великiй
«Новгородъ, всѣ пять концевъ на Вѣцѣ, на Яро-
«славлѣ Дворѣ, пожаловаша Игумена Ивоню и
«всѣхъ старцевъ Обители Св. Спаса и Св. Ни-
«колы тѣми островы Соловки и Анзеры остро-
«вомъ и Муксами островомъ и Заяцкимъ остро-
«вомъ и малыми островки. Въ тѣхъ островахъ
«землею и ловищами и топями и пашнями и
«мшими озеры, земля имъ дѣлати и пошнѣ
«косити и мшiе озера ловити и тонѣ ловити
«добровольно. А Бояромъ Новгородскимъ, ни
«Корельскимъ дѣтямъ, ни иному никому же въ

«тѣ островы не вступатися въ страдомую зем-
«лю, ни въ пошнѣ, ни въ топѣ, ни въ ловища,
«ни въ череновъ не паряжати, ни лѣсовъ не
«полесовать, ни комужъ чрезъ сію жалованную
«Великаго Новагорода грамоту. А кто придетъ
«на тѣ острова на ловлю, или на добытокъ, на
«сало и плна кожу, и по всѣмъ тымъ давати
«въ домъ Св. Спаса и Св. Николы изъ всего
«десятина. А тыми островы и землею и водою
«вещами и тонями и пожнями владѣти Игумену
«и всѣмъ Старцемъ обители Св. Спаса и Св.
«Николы, по сей жалованной грамотѣ во вѣки.
«А боронити Игумня и всѣхъ старцевъ всимъ
«Великимъ Новымъ-Городомъ. А кто умѣетъ
«наступиться на тѣ острова чрезъ сію жало-
ванную Великаго Новаграда грамоту и тотъ
«дастъ Великому Новугороду 100 рублей въ
«стѣну. Къ сей грамотѣ приложилъ Господинъ
«Преосвященной Архіепископъ Великаго Ново-
«града и Пскова, Владыка Іона, свою печать,
«Степенный Иванъ Лукиничь и Тысяцкій, Сте-
«пенный Трифонъ Юрьевичь приложиша свои
«печати. Повелѣніемъ всего Господина Госу-
«даря Великаго Новагорода изъ всѣхъ пяти
«концевъ *) приложиша по печати.» Годъ, мѣ-

*) Древній Новгородъ раздѣлялся на пять Концевъ или

сящъ и число на этой грамотѣ не показаны, по обыкновенію старинныхъ писцовъ.

Вотъ съ такою грамотою, Зосима спѣшилъ возвратиться въ свой монастырь, но вельможи и бояре Новгородскіе не такъ скоро выпустили его изъ города: почти каждый изъ нихъ желалъ принять у себя святаго старца, угостить его и одарить богатыми вкладами въ казну монастырскую; только одна гордая Марѳа, по наговору слугъ своихъ, какъ сказано въ лѣтописи, не любила за что-то Игумна Соловецкаго, особливо въ началѣ пребыванія его въ Новгородѣ. Она даже показала ему свое неблаговоленіе съ неслыханною въ тѣ времена дерзостію: не приняла его, когда онъ въ первый разъ пришелъ въ домъ ея. Но потомъ, узнавъ лучше о немъ и о справедливости жалобъ, съ которыми онъ пріѣхалъ къ Новгородскому Вече, Марѳа старалась всѣми силами загладить вину свою передъ обиженнымъ ею. Изъявляя ему величайшее уваженіе, осыпая его самыми

Пятинъ: на Софійской сторонѣ было три: *Неровскій*, *Загородскій*, и *Гончарскій*, а на Торговой два: *Славянскій* и *Плотенскій*. Каждый конецъ имѣлъ нѣсколько улицъ: въ Неровскомъ было 20; въ Славянскомъ 15, въ Плотенскомъ 17.

ласковыми привѣтствіями, она пригласила его вмѣстѣ съ вельможами Новгородскими къ обѣду, и на этомъ обѣдѣ подарила монастырю Соловецкому двѣ богатыя волости или селенія на Корельскомъ берегу: *Суму* и *Кемь*. *) Добродѣтельный Игуменъ былъ тронутъ раскаяніемъ знаменитой и легкомысленной хозяйки и охотно простилъ ей обиду, нанесенную ему, но всѣ замѣчали, что онъ сидѣлъ грустенъ за обѣдомъ, мало участвовалъ въ разговорѣ, не прикасался къ кушаньямъ, и наконецъ не одинъ разъ закрывалъ лице руками, и отиралъ слезы, катившіяся изъ глазъ. Никто не смѣлъ спросить о причинѣ такой печали, потому что замѣтно было что Зосима не хотѣлъ говорить о ней. Одинъ только ученикъ его, Даніилъ, осмѣлился сдѣлать это и услышалъ страшный отвѣтъ: «Я вижу здѣсь шесть первыхъ бояръ обезглавленными: они будутъ наказаны смертію за гордость свою, и домъ здѣшній скоро запу-

*) Грамота на владѣніе этими волостями хранится также въ Соловецкомъ монастырѣ. Она писана рукою сына Борецкой и скрѣплена свинцовою печатью Посадницы. Сума и Кемь до сихъ поръ существуютъ подъ тѣми же именами, но Сума теперь богатый посадъ, а Кемь уже городъ въ 60 ти верстахъ отъ Соловецкаго монастыря.

стѣетъ.» Прошло нѣсколько времени и видѣніе Святаго совершилось на дѣлѣ, и предсказаніе его исполнилось: Марѳа, какъ главная виновница возстанія Новгородцевъ противъ Іоанна III-го была неизвѣстно куда отправлена имъ при взятіи Новгорода, въ 1478-мъ году; всѣ богатства ея разграблены; домъ ея въ самомъ дѣлѣ опустѣлъ и всѣ шесть бояръ казнены.

Другое предсказаніе о судьбѣ всего Новгородѣ сдѣлано было Преподобнымъ Михаиломъ Клопскимъ, котораго мощи почиваютъ въ Троицкомъ Клопскимъ монастырѣ въ окрестностяхъ Новгорода. Въ самый часъ рожденія Іоанна III-го, онъ пришелъ къ Новгородскому Архіепископу Евѳимію и сказалъ: «Днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему Наслѣдника; зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се Игуменъ Троицкія обители, Зиновій, крститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ — Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ и не возстанетъ.»

И это святое пророчество исполнилось и Новгородъ со всѣмъ великолѣпіемъ своимъ, почти исчезъ съ лица земли. Такова была воля Божія, и узнавъ о ней съ такими подробностя-

ми, я перестала сожалѣть о томъ, что видѣла такъ мало слѣдовъ прежняго величія Новгородскаго. За-то мы постарались видѣть хорошо по крайней мѣрѣ нынѣшній Новгородъ: Ольга Дмитріевна приказала нашему кондуктору нанять круглыя дрожки, которыхъ здѣсь очень много, и мы отправились кататься *по городу съ Лизою и Валеріаномъ*. Проѣхавъ по всѣмъ главнымъ улицамъ, которыхъ здѣсь, сказать правду, не очень много, мы очутились у Гостинаго двора. И онъ также не представляетъ ничего особеннаго, и напротивъ того можно подивиться дурному устройству его и бѣдности лавокъ. Въ одной изъ нихъ мы купили нѣсколько ящичковъ единственнаго товара, которымъ славится теперь Новгородъ: пастилы. Это была послѣдняя для насъ примѣчательность Новгородская, потому что возвратясь съ этою покупкою въ нашу гостинницу, мы нашли уже дилижансъ нашъ готовымъ къ отъѣзду.

КРЕСТЦЫ. — ВАЛДАЙ. — ВЫШНІЙ-ВОЛОЧОКЪ. — ТОРЖОКЪ.

Только что мы выѣхали изъ Новгорода, какъ Николай Дмитреевичъ сказалъ намъ всѣмъ: «Ну, смотрите господа, прошу замѣчать мѣста, по которымъ мы проѣзжаемъ: теперь ужъ не Чухонская земля, но настоящая Русская, и она безпрестанно будетъ напоминать вамъ что-нибудь изъ старинной исторіи нашей. На-примѣръ сейчасъ пріѣдемъ мы на станцію Бронницы: если бы вы знали сколько въ ней есть интересныхъ воспоминаній!»

Неужели, дяденька? . . . спросила удивлен-

ная Лиза — я, кажется, недавно учила исторію нашу, но совсѣмъ не помню, чтобы что нибудь особенное происходило въ Броницахъ?

«Учила! Да что вы учитесь, госпожи? Я поучилъ бы васъ, какъ учатся у насъ студенты, вотъ это можно назвать ученьемъ: не забыла бы ты, что́ было въ Броницахъ. Хочешь слушать, да помнить, такъ я раскажу тебѣ?»

— Да какъ же, дядюшка, пожалуста раскажите. Помнить я ужъ буду: я никогда не забываю того, что вы разсказываете мнѣ.

«Хорошо, хорошо, увидимъ. Во первыхъ скажу тебѣ, моя милая, что Броницы съ XIII вѣка уже извѣстны въ военной исторіи Россіи, какъ мѣсто, гдѣ кончились многія ссоры неугомонныхъ Новгородцевъ. Великій Князь Ярославъ III, родной братъ Александра Невскаго, и слѣдовательно Князь Новгородскій же, недовольный своими непокорными подданными, уѣхалъ отъ нихъ въ 1268 году, и въ Броницахъ догнали его послы Новгородцевъ. Они упросили его простить народъ и возвратиться къ нему, что́ Ярославъ и сдѣлалъ. — Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ того, В. К. Дмитрій Донской приходилъ сюда съ войскомъ усмирять Новгородцевъ и они опять выслали въ Броницы послов просить

помилованія. Великій Князь согласился помириться съ ними съ тѣмъ, чтобы они заплатили ему 8.000 руб. серебромъ за убытки его.— Спустя еще около ста лѣтъ Іоаннъ III, этотъ знаменитый усмиритель Новгорода, въ Бронницахъ же расположилъ передовое войско свое, которое потомъ заняло всѣ окрестности *великаго* города и уничтожило величіе его »

Слушая эти историческія замѣчанія нашего профессора Исторіи, мы не могли безъ особеннаго участія смотрѣть на мѣста, мимо которыхъ проѣзжали. Не только Валеріану и Лизѣ, но даже и Ольгѣ Дмитріевнѣ очень хотѣлось перенестись на минуту въ тѣ давно-прошедшія времена и взглянуть на этихъ воиновъ древней Россіи, которые толпились тутъ нѣкогда, и о которыхъ не могли дать намъ никакого понятія Пахатные солдаты, такъ часто встрѣчающіеся въ окрестностяхъ Новгорода. Николай Дмитріевичь утѣшалъ насъ тѣмъ,что въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ, мы увидимъ такихъ воиновъ, и по этому виду можемъ вообразить и все войско. Надобно было довольствоваться этимъ утѣшеніемъ. За то, мы безпрестанно заставляли его расказывать что нибудь, и вотъ что еще узнали о Бронницахъ.

Царь Іоаннъ Грозный, наказывая Новгородцевъ за вины ихъ противъ него, не отдѣлилъ отъ нихъ и жителей Бронницъ: они такъ же видѣли у себя Іоанна, и такъ же были опустошены, какъ и Новгородъ. Есть еще одно воспоминаніе, соединенное съ Бронницами, самое интересное и можетъ быть самое грустное. 1-го Сентября 1602 года въ Бронницахъ останавливался въ проѣздъ свой въ Москву, молодой Датскій Принцъ Іоаннъ, братъ Короля Христіана IV, избранный женихъ прекрасной дочери Бориса Годунова, Ксеніи. Извѣстно, что 1-го Сентября въ тѣ времена праздновалось у Русскихъ начало Новаго года. Принцъ, вѣроятно для того и остановился въ Бронницахъ. Полюбя всею душею Россію, онъ, казалось, пользовался всѣми случаями сблизиться съ нею. Объ этомъ можно судить по словамъ, сказаннымъ имъ въ этотъ день Московскимъ боярамъ, высланнымъ на встрѣчу къ нему еще въ Нарву: «Я знаю что сегодня вы празднуете Новый-годъ; что духовенство и Дворъ нынѣ торжественно желаютъ много лѣтъ Государю: еще не имѣю счастія видѣть его лицо, но также усердно молюся, да здравствуетъ!» И сказавъ это, онъ выпилъ по Русскому обычаю *Царскую ча-*

шу вина за здоровье Государя. И Москвичи, и Датскіе послы, сопровождавшіе его, должны были сдѣлать тоже. Историки говорятъ, что этотъ молодой 20-лѣтній Принцъ имѣлъ всѣ прекрасныя качества, которыя могли составить счастіе Княжны, невѣсты его, и новаго его отечества; что рѣдко можно было видѣть такое счастливое соединеніе красоты душевной и тѣлесной, какое представляла эта прелестная чета. Какъ же грустно думать, что всѣ эти прелести, что всѣ надежды, казавшіяся столь вѣрными, имѣли такой ужасный конецъ! Женихъ скончался черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда своего въ Москву! Не только невѣста, но даже и отецъ ея былъ безутѣшенъ. Трогательны слова, сказанныя Борисомъ дочери въ первое свиданіе его съ нею послѣ жестокой потери: «Миновалась твоя радость и моя сердечная утѣха!»

Размышленія о такой непрочности земнаго счастія навели на всѣхъ насъ легкую грусть: мы замолчали и это молчаніе прервано было только новыми видами: на 7-й верстѣ отъ Новгорода, монастыря Саввы Вишерскаго, а на 10-й — Св. Варлаама Хутынскаго. Зная, какъ ты, милая сестрица, любишь слышать подробности о жизни Святыхъ нашихъ, я скажу те-

бѣ что въ жизни Св. Саввы особенно примѣчательно было то, что онъ проводилъ большую часть ея на столбѣ, самимъ имъ построенномъ подлѣ монастыря его. Беспрестанно предаваясь посту и молитвѣ, онъ сходилъ съ этого столба только въ субботу и воскресенье, и въ эти только дни обѣдалъ съ братіею. Это было въ началѣ XV вѣка. Въ монастырѣ Св. Варлаама Хутынскаго есть также много примѣчательностей, и именно, вотъ какія: посохъ или трость Царя Іоанна Грознаго, брошенная имъ, какъ говоритъ преданіе, въ минуту страха, когда однажды въ присутствіи его, и по его приказанію начали копать землю у гроба Варлаамова, и изъ этой земли показался дымъ и даже пламя. Этимъ дымомъ закоптило стѣны, а огнемъ опалило дверь церковную, которую и теперь можно еще видѣть. Кромѣ этихъ священныхъ остатковъ совершившагося чуда, въ саду монастырскомъ можно видѣть келлію, гдѣ Св. Варлаамъ, проводилъ остатокъ дней своихъ. Въ ризницѣ также есть много рѣдкостей, а на кладбищѣ монастырскомъ — покоится прахъ знаменитаго поэта нашего Державина.

Почти на каждомъ шагу путешествія нашего, мы чувствуемъ, какъ оно полезно не толь-

ко для молодыхъ людей, но и вообще для всѣхъ возрастовъ: нигдѣ не представляется такъ много случаевъ къ узнанію множества любопытныхъ извѣстій всякаго рода, какъ въ дорогѣ. Если бы можно было записывать все то, о чемъ мы переговорили на первой же станціи отъ Новгорода, то ты получила бы, моя любезная сестрица, почти цѣлый томъ историческихъ записокъ. Николай Дмитріевичъ такъ расположенъ былъ разсказывать намъ, что мы почти безпрестанно слышали что нибудь новое, до тѣхъ поръ какъ вдругъ въѣхали мы въ какую-то чудную галлерею, сверху закрытую кровлею, а съ боковъ огороженную какими-то страшными, деревянными переплетами огромнаго размѣра. Не ожидая темноты, которая вдругъ захватила насъ подъ этими аркадами, мы почти испугались сначала, но вскорѣ узнали, что это было не другое что, какъ прекрасный мостъ, совершенно особеннаго устройства черезъ рѣку Мсту, протекающую у самыхъ Бронницъ. Никакъ не берусь разсказать тебѣ какое именно это устройство, знаю только что оно необыкновенно: мостъ, кажется, держится болѣе верхними укрѣпленіями, а не нижними, и представляетъ чудную картину надъ

широкою Мстою, которая здѣсь чрезвычайно быстра и глубока. За мостомъ тотчасъ начинаются знаменитая деревня, о которой мы сейчасъ такъ много говорили, Бронницы. Она до сихъ поръ прекрасна, какъ маленькій городъ. Всѣ домики въ ней въ два этажа съ разрисованными ставнями; съ воротами, разукрашенными какою-то необыкновенною деревянною надстройкою. Между каждыми двумя домиками видѣнъ садикъ, или покрайней мѣрѣ нѣсколько деревьевъ врядъ насажепныхъ за красивымъ заборчикомъ изъ тыну. Церковь Бронницкая построена на прелестномъ возвышеніи, которое можно назвать не холмомъ, но настоящею горою, покрытою самою цвѣтущею зеленью. Прелестный видъ! Я долго не могла налюбоваться имъ, и долго старались мы узнать происхожденіе этой горы: натуральная ли она, или искуственная? Народъ говоритъ искуственная, — т. е. что это *земляная насыпь* надъ прахомъ какого нибудь знаменитаго человѣка, или что здѣсь еще со временъ язычества жрецы отправляли свое идолослуженіе. Какъ бы то ни было, мнѣ все равно что́ была прежде Бронницкая гора, но я вижу что теперь она прелестна, и лѣтъ черезъ десять будетъ еще пре-

лестнѣе, потому что верхушка ея усажена березками, которыя въ то время дадутъ уже прекрасную тѣнь.

На слѣдующей станціи за Бронницами—Зайцовѣ, слегка начинаются уже горы Валдайскія. Знаешь ли какая примѣчательность есть еще въ окрестностяхъ Зайцова? Маленькая рѣчка Ельмя, въ которой попадаются довольно часто жемчужныя раковины!

Но вотъ доѣхали мы до города Крестцовъ. Что это за городъ! Несравненно хуже Бронницъ! Однакожъ Николай Дмитріевичь запретилъ намъ съ презрѣніемъ смотрѣть на Крестцы. «Вы знаете какое важное происшествіе случилось на этомъ мѣстѣ?» спросилъ онъ. Ужъ, конечно, никто не зналъ объ этомъ, и онъ долженъ былъ сказать что въ 1238 году Батый, шедшій изъ Торжка на разграбленіе Новгорода, отсюда поворотилъ назадъ на *Козельскъ*. Мѣсто, гдѣ находятся теперь Крестцы въ старинныхъ лѣтописяхъ называлось: *Пначій крестъ*; потомъ было *Ямскою слободою*, которая только съ 1777 года получила названіе города Новгородской губерніи. Жителей не болѣе 800 человѣкъ, и хотя изъ ямщиковъ и крестьянъ они сдѣлались съ 1777 года, мѣщанами и

купцами, но все-таки по старой привычкѣ занимаются болѣе всего извозомъ. Имѣя давно хорошее понятіе о Крестцахъ, ты вѣрно удивляешься, милая сестрица, къ чему я вздумала такъ подробно описывать тебѣ этотъ ничтожный городишка. Но именно ничтожность-то его и заставила меня поговорить о немъ: «Къ чему быть ему городомъ?» Вотъ что говорили мы съ Лизой, никогда не воображая, чтобы могли быть такіе некрасивые и пустые городишки въ той землѣ, гдѣ столицею—нашъ чудно-прекрасный Петербургъ. Мѣстоположеніе Крестцовъ довольно хорошо. Вообще, съ тѣхъ поръ какъ начали показываться признаки горъ Валдайскихъ, составляющихъ часть *Плоской возвышенности*, мѣста сдѣлались гораздо красивѣе, и на 2-й станціи отъ Крестцовъ, они уже могли не одинъ разъ назваться даже прекрасными. Горы постепенно увеличиваются и за 25 верстъ отъ Валдая уже такъ высоки, что мы должны были тормозить дилижансъ нашъ.

Валдай. Мы пріѣхали сюда въ 8 часовъ утра. Очень кстати къ утреннему чаю: только что мы остановились у гостиницы, какъ вдругъ съ обѣихъ сторонъ кареты нашей про-

тянулись руки съ безчисленными связками баранокъ и кренделей. Это были женщины и дѣвушки продавщицы этихъ — не знаю почему — славящихся у насъ произведеній Валдайскихъ. Для меня удивительны были не онѣ, но та настоятельность, съ которою принуждали насъ покупать ихъ. Иныя изъ продавщицъ, положивъ связки на открытое окно кареты нашей, говорили рѣшительно что онѣ не берутъ ихъ назадъ, такъ что мы не смотря на то, что не находили никакого особеннаго вкуса въ этихъ кренделяхъ, должны были купить ихъ нѣсколько вязанокъ. Валдай такой прелестной городокъ по мѣстоположенію, и по замѣчательнымъ окрестностямъ своимъ, что мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи остановиться въ немъ долѣе, нежели сколько нужно для чаю. Особенно хотѣлось этого Ольгѣ Дмитріевнѣ, которая съ самаго начала Валдайскихъ горъ не могла налюбоваться ландшафтами, какіе представлялись намъ время отъ времени. Самые высокіе изъ нихъ лежатъ въ окрестностяхъ Валдая. Кромѣ того, городъ построенъ на самомъ берегу Валдайскаго озера, которое принадлежитъ къ довольно-большимъ озерамъ: оно имѣетъ въ длину болѣе 8, въ ширину — 5 а

въ окружности — до 30 верстъ. Берега его живописны, потому что возвышенны. Три острова увеличиваютъ красоты озера Валдайскаго. На одномъ изъ нихъ возвышается великолѣпный *Монастырь Иверскій*, основанный въ 1653 году Патріархомъ Никономъ. Мы ѣздили осматривать его, и эта прогулка была прелестна. Прекрасное Іюльское утро, зеркальная поверхность озера, тишина уѣзднаго городка, единодушіе нашего общества,—все это какъ располагало къ тѣмъ пріятнымъ и благочестивымъ чувствамъ, съ какими должно посѣщать мѣста, назначенныя для молитвы, что мы можно сказать съ неземнымъ наслажденіемъ сѣли въ лодку, которая повезла насъ къ монастырю Иверскому. Нѣкогда назывался онъ *Святоозерскимъ*, — и вотъ по какой причинѣ: когда Никонъ, прельстившійся прекраснымъ мѣстоположеніемъ острова, задумалъ строить на немъ монастырь, то собранные рабочіе, по суевѣрнымъ понятіямъ того времени увѣряли, что въ озерѣ Валдайскомъ живутъ нечистые духи, которые будто-бы показываются людямъ въ видѣ разныхъ чудовищъ. Патріархъ, чтобъ искоренить такое суевѣріе, вышелъ со всѣмъ духовенствомъ на берегъ, отслужилъ молебенъ и

опустивъ на дно озера Евангеліе и крестъ, назвалъ его *Святымъ*. Всѣ шесть церквей въ монастырѣ Иверскомъ и особенно Соборъ Успенія Божіей Матери очень богаты. Въ этомъ Соборѣ почиваютъ мощи *Св. Іакова Боровицкаго*, скончавшагося въ 1540 году. Патріархъ Никонъ самъ переложилъ мощи его въ новую серебряную раку, въ которой мы и видѣли ихъ. Монахи еще не кончили обѣдню въ Соборѣ, когда мы пріѣхали въ монастырь. Мы дослушали ее, отслужили молебенъ Іакову и съ полчаса походили по монастырю и острову. Хотѣлось бы намъ остаться тамъ подолѣе, но тогда намъ не удалось бы взглянуть на городъ, который такъ красиво разстилается по живописнымъ неровностямъ горъ Валдайскихъ. Его можно раздѣлить на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Въ первой — всѣ лучшія зданія и площадь Екатерининская; въ нижней — площадь торговая съ Гостинымъ Дворомъ и двумя каменными церквами. Домы въ Валдаѣ очень красивы, и окружены садами и полисадниками, а жителей до 5.000 душъ. Всѣ они не могутъ назваться чисто-Русскими, потому что Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозной въ гнѣвѣ своемъ на Новгородъ, приказалъ выжечь до

основанія и Валдай, и потомъ при Царѣ Алексіи Михайловичѣ заселили это мѣсто плѣнными Поляками. Это происхожденіе замѣтно нѣсколько въ выговорѣ ихъ, и даже въ высокомъ ростѣ, и особенно-стройномъ станѣ, а у женщинъ въ какой-то несвойственной Русскимъ излишней смѣлости и развязности въ обращеніи съ незнакомыми Объ одномъ изъ главныхъ произведеній искуства здѣшнихъ жительницъ, — пшеничныхъ и крупчатыхъ *баранкахъ* или кренделяхъ, — мы уже говорили. У мущинъ — есть здѣсь также свое особенное ремесло — литье дорожныхъ колокольчиковъ, славящихся подъ именемъ Валдайскихъ съ извѣстною надписью: «Кого люблю, того дарю — литъ въ Валдаѣ.» Ты догадаешься, что мы купили себѣ одинъ изъ этихъ *даровъ Валдая.* Я люблю въ каждомъ городѣ покупать то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность его: мнѣ кажется, что это походитъ на то, какъ будто бы этотъ городъ записалъ имя свое въ альбомъ мой.

Въ числѣ гуляній, куда лѣтомъ Валдайскіе жители отправляются провести нѣсколько часовъ на открытомъ воздухѣ, съ обѣдомъ или чаемъ, есть мѣстечко, называемое Поклонною

Горою. Я вспомнила о Петербургской Поклонной-Горѣ, по дорогѣ Парголовской.

Полюбовавшись городомъ сколько можно было въ короткое время остановки нашей, мы возвратились на станцію, которая расположена не въ самомъ городѣ, но почти при началѣ его на высокой горѣ, въ селѣ *Зимогорьѣ*. Говорятъ, что это названіе произошло отъ того, что жители терпятъ здѣсь много *горя зимою* отъ снѣгу и вѣтру, которые съ особенною силою бушуютъ на высокомъ, со всѣхъ сторонъ открытомъ мѣстѣ ихъ селенія.

Вышній-Волочокъ. По дорогѣ, отъ Зимогорья или Валдая до первой станціи, *Едровой*, замѣчательной тѣмъ, что она находится ровно на половинѣ дороги, между Москвою и Петербургомъ — есть много очень красивыхъ мѣстоположеній. Лучшее украшеніе ихъ составляетъ Валдайское озеро, подлѣ котораго приходится ѣхать. Вообще отъ Валдая до Вышняго-Волочка видно много воды, то на одной, то на другой сторонѣ дороги, а иногда и на обѣихъ въ одно время. Замѣтно, что приближаешься къ мѣсту главныхъ водяныхъ сообщеній нашихъ. Здѣсь Николай Дмитріевичъ много толковалъ намъ о важности Вышняго-Волочка въ томъ

отношеніи, что онъ служитъ мѣстомъ соединенія двухъ отдаленнѣйшихъ морей нашихъ — Балтійскаго и Каспійскаго, соединенія, котораго первое начало сдѣлано было еще безсмертнымъ Петромъ нашимъ. Предназначивъ Петербургу быть однимъ изъ главнѣйшихъ портовъ въ свѣтѣ, Онъ видѣлъ, что для успѣха внутренней торговли необходимо соединить его съ тѣми внутренними губерніями, изъ которыхъ можно въ изобиліи получить все, что нужно для продовольствія многолюдной столицы. И это соединеніе сдѣлалось Вышне-Волоцкимъ каналомъ, — первымъ изъ каналовъ Русскихъ. Не распрашивай меня о подробностяхъ этого важнаго для насъ водянаго сообщенія: если ты знаешь, что главная цѣль этого канала соединить воды Невы съ водами Волги, — то этого и довольно. Николай Дмитріевичь, однакожъ, нашелъ, что этаго не совсѣмъ довольно, и подъѣзжая къ Вышнему-Волочку объяснилъ намъ всѣ системы водяныхъ сообщеній нашихъ, а пріѣхавъ туда, тотчасъ показалъ намъ каналы и шлюзы. Проѣзжая въ концѣ Іюля мѣсяца, мы не замѣтили здѣсь особенной дѣятельности, но говорятъ что надобно посмотрѣть Вышній-Волочокъ весною и въ началѣ лѣта, въ дни спу-

ска въ каналы судовъ. Тогда дѣлается во всемъ городѣ величайшая суматоха: народъ толпится не только по берегамъ каналовъ, но даже на всѣхъ площадяхъ и улицахъ, во всѣхъ домахъ и лавкахъ. Каждому есть какое нибудь дѣло до отправляющихся судовъ: иной спѣшитъ туда съ ящикомъ, другой съ письмами, третьему надобно получить деньги съ отъѣзжающихъ купцовъ, четвертому — отдать ихъ какому нибудь пріятелю. Однимъ словомъ шумъ, крикъ, суета на каждомъ шагу. И эта суматоха начинается на разсвѣтѣ дня, въ который объявятъ съ барабаннымъ боемъ о спускѣ и выставятъ флагъ. Съ приближеніемъ рѣшительной минуты, городъ начинаетъ походить на галлерею подлѣ вагоновъ желѣзной дороги: всѣ рабочіе и лоцманы спѣшатъ на свои мѣста, всѣ купцы и растающіеся спѣшатъ договорить послѣднія прощанья. Какъ скоро шлюзныя ворота отворятся, всѣ рабочіе начинаютъ молиться и призывать *Бога въ помощь, а Св. Николу въ путь*; — въ минуту же прохода въ ворота на всемъ быстромъ бѣгу барокъ, поютъ радостныя пѣсни. Вообще Вышневолоцкіе жители охотники до пѣсенъ, и хорошо поютъ ихъ: мущины лучше нежели женщины, которыя очень жема-

пятся во время пѣнія. Насъ очень смѣшила молоденькая дѣвушка, дочь хозяина той гостинницы, въ которой мы обѣдали. Мы слышали какъ она пѣла, и такъ уморительно выговарила иныя слова, что Валеріанъ записалъ ихъ и хочетъ позабавить ими Анюту, когда воротится въ Петербургъ. Вездѣ гдѣ только у насъ *ѣ* они ставятъ *и*, а гдѣ *е*, такъ у нихъ *я*. И вотъ отъ того и выходятъ такія слова: *бясида*, вмѣсто *бесѣда*; *дивушка* вмѣсто дѣвушка; *лито*, вмѣсто *лѣто*, а иныя слова трудно понять, такъ она коверкаетъ ихъ. Кромѣ многихъ каналовъ, въ Вышнемъ-Волочкѣ есть еще и рѣка. Зовутъ ее Цна. Въ городѣ есть много красивыхъ строеній и 9.000 жителей. Я описываю тебѣ, милая сестрица, всѣ города, которые мы проѣзжаемъ, съ такою подробностію, что я думаю, журналъ мой, можетъ служить твоимъ дѣтямъ вмѣсто Географическаго урока; но это все дѣлается по твоей просьбѣ — вспомни, и потомъ извини, если ты соскучишься за длинотой моихъ описаній: я стараюсь только исполнить твое желаніе и доставить тебѣ и семейству твоему самое вѣрное и подробное описаніе дороги изъ Петербурга въ Москву.

Торжокъ. Въ 65-ти верстахъ отъ Вышняго-

Волочка — явился передъ нами прехорошенькой городокъ Торжокъ. Онъ очень старинный: лѣтописи наши говорятъ о немъ еще въ XII вѣкѣ. Первую церковь и монастырь построилъ въ немъ въ 1015 году конюшій Князей Бориса и Глѣба, такъ несчастно окончившихъ жизнь свою. Много несчастій перенесъ въ древности и самый Торжокъ, и все болѣе за связи свои съ гордымъ Новгородомъ, который называлъ себя то *братомъ* его, то *властителемъ*. Пять разъ онъ былъ разоряемъ почти до основанія. Въ послѣдній разъ это было въ 1606 году. Имя его доказываетъ, въ чемъ состояла главная слава его, но послѣ разоренія 1606 года, это доказалось еще гораздо болѣе. Послѣ страшнаго разоренія, которому подвергся тогда Торжокъ отъ Поляковъ, въ немъ оставался только монастырь Св. Чудотворца Ефрема. Вотъ бѣдные, разворенные жители начали сходиться торговать съ тѣми поселянами, которые пріѣзжали въ церковь монастырскую помолиться Богу. Торги эти шли такъ удачно что разворенный Торжокъ названъ былъ вскорѣ въ воспоминаніе прежняго: *Новымъ-Торгомъ*, а жители—*Новоторжцами*. Это имя осталось при немъ до сихъ поръ. Въ строеніяхъ городскихъ замѣтно что

торговля, а съ нею и богатство были всегда принадлежностію Торжка: домы, церкви, гулянья гостиный дворъ, большія площади, набережная, сады, все это богато не по уѣздному городку, во всемъ видно что деньги щедрою рукою сыпались на это устройство. Пріятная картина довершается живою дѣятельностію народа попадающагося на улицахъ: кажется всѣ здѣсь заняты дѣломъ, а это такъ пріятно видѣть! Въ Январѣ и Сентябрѣ бываютъ здѣсь ярмарки, на которыхъ продается однихъ крестьянскихъ издѣлій на 60.000 руб. По этому можно судить о торговыхъ способностяхъ жителей Торжка. Надобно сказать что въ этомъ отношеніи большимъ пособіемъ для нихъ всегда было положеніе ихъ города при судоходной рѣкѣ Тверцѣ, по которой мимо Торжка проходитъ каждый годъ до 4.000 барокъ. Это доставляетъ имъ возможность торговать съ Петербургомъ, Москвою, Малороссіею, Нижнимъ-Новгородомъ, и однимъ словомъ со всѣми мѣстами, которыя лежатъ по берегамъ рѣкъ, имѣющихъ сообщеніе съ Тверцою и Волгою, куда впадаетъ Тверца. Выгодное положеніе всегда доставляло Торжку такую важность, что въ XIII вѣкѣ, Новгородъ едва не погибъ отъ него голо-

дною смертію: жители Торжка, поссорившись за что-то съ Новгородцами, вздумали не пропускать къ нимъ съѣстныхъ припасовъ.

Теперь въ числѣ произведеній Ново-Торжской промышленности и торговли первое мѣсто занимаютъ издѣлія кожевенныя: здѣсь можете вы найти прекрасныя козловыя кожи и сдѣланныя изъ нея тюфяки, чемоданы, портфели, кисеты, сапоги, башмаки и туфли, вышитые золотомъ, серебромъ и шелками. Все это проѣзжіе могутъ купить почти не выходя изъ экипажа: въ томъ же домѣ, гдѣ гостинница, есть и магазинъ съ этими вещами. Разумѣется всѣ онѣ тутъ очень дороги: путешественникамъ на полчаса остановившимся, нѣтъ времени торговаться, а почти всегда есть охота купить какой нибудь гостинецъ тѣмъ, къ кому они ѣдутъ.

Въ богатомъ Торжкѣ и гостинницы богаты; и особенно одна, которую содержитъ вдова Пожарскаго. Мы удивлены были вошедши въ ея комнаты. Вообрази, милая сестрица, высокія и огромныя залы, съ окнами и зеркалами такого же размѣра, съ самою роскошною мебелью; всѣ диваны и кресла эластически-мягки, какъ въ одной изъ лучшихъ гостиныхъ Петербургскихъ, столы покрыты цѣльными досками изъ цвѣтна-

го стекла, занавѣсы у оконъ кисейныя съ позолоченными украшеніями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изящной роскоши, какой хотѣла придать своимъ комнатамъ: все это великолѣпіе окружено стѣнами, не только необитыми никакими обоями, но даже довольно неглад-ко-вытесанными. Такая безпечность имѣетъ въ себѣ что-то оригинально-Русское. Но главная слава этой гостинницы заключается не въ убранствѣ ея; нѣтъ, ты вѣрно не угадаешь въ чемъ, любезная сестрица. Въ котлеткахъ, которыя извѣстны здѣсь подъ именемъ *Пожарскихъ*. Быть въ Торжкѣ и не съѣсть Пожарской катлетки, кажется дѣломъ невозможнымъ для многихъ путешественниковъ. Николай Дмитріевичъ, сообщая намъ всѣ примѣчательности дороги, хотѣлъ чтобы мы имѣли понятіе и объ этихъ чудесныхъ котклеткахъ, и приказалъ подать ихъ за обѣдомъ. Ты знаешь, что я небольшая охотница до рѣдкостей въ кушаньяхъ, но мнѣ любопытно было попробовать эти котлетки, потому что происхожденіе ихъ было интересно: одинъ разъ въ проѣздъ черезъ Торжокъ Императора Александра, дочь содержателя гостинницы Пожарскаго видѣла какъ поваръ приготовлялъ эти котлетки для Государя, и тот-

часъ же научилась приготовлять такія же. Съ того времени, онѣ пріобрѣли извѣстность по всей Московской дорогѣ, и какъ ихъ умѣли приготовлять только въ гостинницѣ Пожарскаго, то и назвали *Пожарскими*. Мы всѣ нашли что онѣ достойно пользуются славою: вкусъ ихъ прекрасный. Онѣ дѣлаются изъ самыхъ вкусныхъ курицъ.

Въ Торжкѣ изобиліе во всемъ: послѣ сытнаго обѣда нашего, намъ подпесли и дессертъ: нѣсколько мущинъ и женщинъ стояли на крыльцѣ гостинницы съ корзиночками самыхъ крупныхъ вишенъ. Мы съ восхищеніемъ купили, потому что вышни были чудесныя, но каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто полной корзиночки этихъ прекрасныхъ ягодъ, мы нашли только два ряда ихъ, а остальное составлено было изъ нѣсколько рядовъ толстой сахарной бумаги! Мы подосадовали на богатый и торговой Торжокъ.

Вскорѣ послѣ обѣда дилижансъ нашъ былъ уже запряженъ, и мы отправились по дорогѣ къ городу, нѣкогда очень знаменитому въ Россіи — Твери. Чуть было не забыла написать тебѣ нѣсколько словъ отъ Лизы: она, зная твой изящный вкусъ, проситъ сообщить тебѣ о томъ,

какую церковь видѣли мы при выѣздѣ изъ Торжка. Это одна изъ старинныхъ, какихъ здѣсь очень много, но выкрашена ужъ не знаю давно ли, только подпись выбору красокъ: воображп, что она сама темно-голубая, фундаментъ ея желтый, а кровля зеленая.

ТВЕРЬ и КЛИНЪ.

Торжокъ отдѣляется отъ Твери только 58 верстами. Но и на этомъ небольшомъ разстояніи замѣтна разница и въ мѣстоположеніи, и въ постройкѣ домиковъ крестьянъ, и даже въ самомъ состояніи этихъ крестьянъ Не знаю, какъ внутри, но покрайней мѣрѣ снаружи Тверскія деревни кажутся гораздо бѣднѣе Новгородскихъ: кровли у нихъ почти всѣ соломенныя. Мѣста по дорогѣ также измѣняютъ видъ свой по мѣрѣ приближенія къ Твери: они теряютъ свою возвышенность и дѣлаются плоски

и болотисты. Но у самой Твери, они вдругъ дѣлаются красивы по прежнему, и можно сказать, еще красивѣе, потому что оживлены самою величественною изъ рѣкъ нашей Европейской Россіи — Волгою. Да, колыбель этой прекрасной рѣки въ Тверской губерніи, — и въ самой Твери уже надобно переѣзжать ее по мосту, довольно пизенькому. Можетъ быть, онъ отъ того показался намъ такимъ, что оба берега Волги высоки и на мостъ надобно спускаться подъ гору. Первое знакомство наше съ Волгою на этомъ мосту было тревожное, или, какъ говоритъ Валеріанъ — *поэтическое*. Вообрази, милая сестрица, страхъ нашъ: съѣзжая съ горы довольно скоро, огромный дилижансъ нашъ взъѣхалъ на мостъ съ большимъ шумомъ, и въ эту самую минуту взъѣзда раздался со всѣхъ сторонъ крикъ: «стой! стой!» Мы съ Лизой и съ Ольгой Дмитріевной тотчасъ подумали, что мостъ сломался и мы опускаемся въ воду. Однакожъ прошло нѣсколько секундъ и мы все еще не проваливались и лошади наши все еще бѣжали, а около насъ все что-то кричали. Ты легко можешь представить себѣ, въ какомъ мы были положеніи, и какъ мало мы въ состояніи были слышать все, чѣмъ старался ус-

покоить насъ Николай Дмитріевичь, который сначала и самъ не совсѣмъ понималъ, что случилось. Наконецъ не прежде, какъ на половинѣ моста, мы удостовѣрились, что не провалимся. И что же это было? Отъ сильныхъ дождей и вѣтру вода въ Волгѣ такъ поднялась, что доходила почти до перилъ мостовыхъ, и когда мы взъѣхали на мостъ, то она выступила и на мостъ. Вотъ прежде кричали намъ: «Стой!» чтобы мы не такъ скоро ѣхали на мостъ, а потомъ кричали на лошадей, чтобы онѣ не остановились на мостовомъ возвышеніи, что въ самомъ дѣлѣ могло быть опасно при высотѣ воды. Когда мы поднялись уже на другой берегъ и спокойно ѣхали по дорогѣ къ гостинницѣ, то весело было намъ говорить о нашемъ приключеніи, а на мосту это было очень страшно, и я имѣю теперь понятіе о томъ чувствѣ, съ какимъ люди проваливаются съ мостовъ въ воду.

Тверь—прекрасный городокъ по мѣстоположенію и по строеніямъ. Лучшій видъ на него съ Петербургской дороги: вообрази рядъ каменныхъ домовъ, по большой части прекрасныхъ, на длинномъ протяженіи высокаго берега, покрытаго до самой воды прелестною зеленью.

Кромѣ этой прекрасной улицы набережной, въ Твери есть еще замѣчательная улица—*Милліонная*. Она вся застроена богатыми каменными домами одинакой высоты, и Гостинымъ Дворомъ въ два этажа. Такъ какъ и нашъ Петербургскій Гостиный Дворъ имѣетъ не болѣе двухъ этажей; какъ и у насъ есть *Милліонная*, въ которой также отличительною чертою — одинаковая высота домовъ; какъ и Невская набережная наша представляетъ одинъ изъ лучшихъ видовъ Петербургскихъ: то, проѣзжая Тверь отъ одного конца ея до другаго, гдѣ Милліонная улица оканчивается огромнымъ домомъ Больницы, — нельзя не замѣтить какого-то миніатюрнаго сходства, — или лучше сказать, родства красивой Твери съ великолѣпнымъ Петербургомъ. И этому есть причина, кромѣ одинаковаго положенія ихъ на берегахъ двухъ такихъ прекрасныхъ рѣкъ, какъ наша Нева и Волга: Тверь украшена, или лучше сказать вновь создана Великою Екатериною. Вотъ какимъ образомъ: вы, конечно, уже знаете, милые читатели мои, что Тверь встарину была очень велика; вѣдь она составляла нѣкогда отдѣльное Княжество, и даже Тверскіе Князья были нѣсколько времени и *Великими Князьями*;

такъ, стало быть, Тверь бывала и столицею. Но слѣды бывшаго великолѣпія ея исчезли не столько отъ времени, сколько отъ сильныхъ пожаровъ, особенно-часто случавшихся въ Твери. 12-го Мая 1763 года былъ самый ужаснѣйшій изъ нихъ: городъ выгорѣлъ почти до основанія. Это было во второй годъ царствованія Императрицы Екатерины II-й. Государыня, необыкновенная во всемъ, явилась необыкновенною и въ помощи, оказанной Ею городу, нѣкогда знаменитому въ Исторіи Россіи: Она приказала построить на счетъ Свой по каменному дому, крытому желѣзомъ, каждому изъ гражданъ; кромѣ того, Она приказала построить Гостиный Дворъ, Магистратъ, много разныхъ другихъ строеній и вымостить камнемъ дорогу. Съ этаго времени, Тверь, какъ фениксъ изъ пепла, совершенно возродилась къ новой жизни, и жители ея, конечно, всегда будутъ передавать дѣтямъ своимъ расказы объ этой безпримѣрной милости благодѣтельной Государыни.

Ты, конечно, догадаешься, милая сестрица, отъ кого мы узнали всѣ эти интересныя подробности: Николай Дмитріевичъ, я думаю еще въ Петербургѣ приготовилъ записку обо всѣхъ примѣчательностяхъ дороги нашей: невозмож-

но, кажется, такъ вѣрно помнитъ все это наизусть. Неудивительно, если у него есть такая записочка: вѣдь у него есть и табличка, въ которой записано, что дѣлать въ каждый часъ дня, и онъ бываетъ очень недоволенъ, если не успѣетъ исполнить чего нибудь изъ назначеннаго по этой табличкѣ. Это бываетъ съ нимъ конечно не въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ возможности и думать о какой нибудь точности. Въ дорогѣ, кажется, онъ совсѣмъ оставляетъ свои ученыя привычки, и мы не замѣтили въ немъ до сихъ поръ никакого неудовольствія на наши женскія, иногда въ самомъ дѣлѣ очень скучныя хлопоты. Но возвратимся къ Твери. Мы проѣхали ее почти всю прежде, нежели увидѣли любимую гостинницу Николая Дмитріевича, въ которой по желанію его мы и остановились. Мы остаемся здѣсь до завтра. Погода прекрасная и для всѣхъ насъ есть въ Твери много любопытнаго: для Ольги Дмитріевны церкви и монастыри въ городѣ и окрестностяхъ его; для меня Дворецъ, гдѣ нѣкогда жила Великая Княгиня Екатерина Павловна и гдѣ Карамзинъ въ 1810 году читалъ Ея Высочеству и Императору Александру Павловичу первыя главы своей Исторіи. Для Лизы же и Валеріа-

на все интересно въ Твери: имъ сказалъ Николай Дмитріевичь, что здѣсь скончалась бывшая прежде Царевна Татарская, а потомъ супруга Великаго Князя Георгія Даніиловича, Кончака-Агаѳія. Они давно уже знали исторію этой Кончаки изъ одной небольшой книжечки, которую давала Лизѣ читать одна маленькая пріятельница ея. (*) Извѣстно, что эта замѣчательная въ исторіи нашей Царевна или Великая Княгиня умерла скоропостижно въ Твери, гдѣ княжилъ тогда В. К. Михаилъ Ярославичь, прозванный *Отечестволюбцемъ*. Георгій Даніиловичь, племянникъ Михаила, Князь хитрый и честолюбивой, женившійся на Татарской Царевнѣ, сестрѣ тогдашняго Хана Узбека только для того, чтобы достичь до престола Великокняжескаго, который въ тѣ времена отдавался тому или другому изъ Князей Русскихъ единственно по волѣ Хана,—Георгій Даніиловичь воспользовался неожиданною смертію супруги своей и поѣхалъ въ Орду объявить Узбеку, что она умерла отъ отравы, данной ей по приказанію Великаго Князя. Молодый, неопытный Ханъ повѣрилъ словамъ кле-

(*) Кто любопытствуетъ узнать эту исторію, тотъ можетъ прочитать ее въ № 2 Звѣздочки 1842 года.

вѣтника, потребовалъ къ себѣ Михаила и отдалъ его на судъ вельможъ своихъ, которые всѣ были преданы Георгію, какъ зятю своего Государя. Разумѣется, несчастный Князь не могъ оправдаться передъ судіями, столь несправедливыми, и умеръ какъ мученикъ въ Ордѣ. Это было въ 1319 году. Онъ признанъ Церковію нашею Святымъ, и тѣло его, привезенное тогда же изъ Орды въ Москву, а потомъ по просьбѣ супруги его въ Тверь, почиваетъ въ здѣшнемъ Преображенскомъ Соборѣ. Вотъ намъ всѣмъ очень хотѣлось помолиться этимъ мощамъ и мы, полные воспоминаній о Кончакѣ, которой всю исторію Лиза подробно расказала намъ, отправились въ Соборъ. Онъ особенно примѣчателенъ своею древностію: первоначально его построилъ этотъ святый Великій Князь Михаилъ Ярославичь, который теперь почиваетъ въ немъ. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ онъ былъ уже такъ ветхъ, что его разобрали, и въ 1682 году построили новый, нынѣшній, который весь изъ бѣлаго камня. Въ царствованіе Екатерины Великой, Архіепископъ Платонъ такъ великолѣпно возобновилъ его и украсилъ такою превосходною живописью, что Государыня въ бытность свою въ Твери

въ 1775 году сказала ему: «Вы такъ украсили Соборъ, что я подобно-красиваго мало видывала.» И въ самомъ дѣлѣ, еще и теперь, спустя почти 70 лѣтъ, нельзя не удивляться тогдашней красотѣ его. Императрица Екатерина желала также участвовать въ украшеніи этаго знаменитаго древностію храма: Она построила великолѣпный алтарь въ Соборной теплой церкви его во имя Св. Великомученицы Екатерины. Онъ походитъ на алтарь церкви Императорскаго Кабинета, у насъ въ Петербургѣ. Здѣсь замѣчательна аллегорическая картина, на которой представлена олицетворенная Тверь, изъявляющая благодарность свою Государынѣ, оказавшей ей столько благодѣяній послѣ пожара. Въ Преображенскомъ Соборѣ нѣкогда вѣнчались на престолъ Великіе Князья Тверскіе. Святый В. К. Михаилъ вѣнчался тутъ же и съ Супругою своею, Анною, извѣстною въ исторіи своею нѣжною привязанностію къ нему и дѣтямъ. Поклонившись Святому праху Мученика, и осмотрѣвъ все примѣчательное въ этомъ Соборѣ, мы пошли по Милліонной. Проходя по этой улицѣ, мы видѣли три площади, изъ которыхъ всего примѣчательнѣе *Екатерининская*. Она окружена лучшими до-

мами въ городѣ; изъ нихъ въ нѣкоторыхъ находятся разныя присутственныя мѣста. Посреди площади стоитъ высокій столбъ съ надписью, что въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой началось строеніе прочной дороги между столицами. Смотря на этотъ памятникъ, нельзя не удивляться быстротѣ, съ которою все подвигается впередъ въ Россіи. Еще не прошло 50 ти лѣтъ послѣ царствованія Екатерины, а у насъ уже не только давнымъ-давно ѣздятъ въ Москву по прекрасному шоссе, но уже скоро будетъ желѣзная дорога. На третьей площади, составляющей самую средину города, мы видѣли также много красивыхъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ Почтамтъ, въ другомъ Гимназія, въ третьемъ Училище и наконецъ въ четвертомъ, огромномъ — казармы для гарнизона. На этой площади строятъ нынѣ на Святой недѣлѣ качели для увеселенія народа. Вотъ еще небольшое сходство съ Петербургомъ. А лѣтъ за сорокъ назадъ здѣсь стояли еще великолѣпныя Тріумфальныя ворота, поставленныя въ честь Императрицы Екатерины Великой по случаю возвращенія Ея изъ южныхъ областей Россіи.

Изъ Милліонной мы прошли ко Дворцу, по

къ сожалѣнію, не могли попасть во внутренность. Въ нашихъ городахъ губернскихъ, не такъ удобенъ доступъ во всѣ примѣчательныя мѣста такого рода, какъ у насъ въ Петербургѣ. Для того, чтобы получить позволеніе осмотрѣть Дворецъ, намъ надобно бы прождать у стѣнъ его, можетъ быть, около часу; а мы дорожили каждой минутой времени; и такъ, надобно было удовольствоваться только садомъ, принадлежащимъ ко Дворцу. Онъ довольно великъ и богатъ тѣнистыми деревьями. Въ разныя стороны есть прекрасные виды на окрестности и особенно на Волгу, протекающую у самаго сада. Но мы всѣ рѣшили, что грустно чувствовать пустоту въ тѣхъ мѣстахъ, — гдѣ еще такъ недавно въ сравненіи съ другими мѣстами, видѣнными нами по этой дорогѣ,— было все живо и радостно. При этомъ случаѣ я не могла не подивиться, какъ глубока бездна прошедшаго! Какъ быстро скрывается въ ней все, что поглощаетъ она, и какъ незамѣтно и самыя свѣжія жертвы принимаютъ въ ней одинъ образъ съ тѣми, которыя уже давно, давно лежали на мрачномъ днѣ. Не чудно ли что и Великая Княгиня Екатерина Павловна, Которой прелесть еще памятна для мно-

гихъ, живущихъ нынѣ, и Императоръ Александръ, о которомъ вся Европа еще говоритъ какъ о своемъ недавнемъ спасителѣ, и наконецъ, Карамзинъ, еще, можно сказать, живущій посреди насъ краснорѣчивыми страницами своей исторіи, что всѣ они — еще такъ недавно живые и современные намъ — въ неумолимомъ прошедшемъ стоятъ въ такой же дали отъ насъ, какъ и тѣ, которые разстались съ землею за нѣсколько столѣтій прежде нихъ! Отъ чего тамъ, въ этой непостижимой вѣчности — нѣтъ близости для близкихъ къ намъ? Я часто думаю объ этомъ, и сегодня всѣ согласились со мною, что отраднѣе протекало бы для насъ настоящее наше, если бы прошедшее не было такъ невозвратно Какъ привязаться къ тому, что́ скоро отнимется отъ насъ такъ неумолимо? . . . . Съ такими грустными размышленіями вышли мы изъ сада покойной Великой Княгини, и на одной изъ небольшихъ улицъ увидѣли необыкновенную для насъ картину: около двадцати молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ богатыхъ платьяхъ, замѣчательныхъ по самой странной смѣси старыхъ и новыхъ модъ, шли весело, разговаривая между собою и не обращая никакого вниманія на встрѣчавшихся

имъ. Николай Дмитріевичъ, которому уже давно извѣстны обычаи Тверскіе, разсказалъ намъ что въ этомъ собраніи красавицъ вѣрно есть одна молодая, т. е. вышедшая замужъ въ послѣдній мясоѣдъ, а остальныя почти всѣ ея прежнія подружки, которыхъ она пригласила къ себѣ погостить и посмотрѣть на ея житье-бытье. Такая гостьба продолжается иногда три или четыре недѣли, и называется *дѣвичьимъ гуляньемъ*. На томъ гуляньѣ можно видѣть всѣ удовольствія Тверской молодёжи. Кромѣ такой прогулки, какую намъ удалось видѣть, здѣсь бываютъ по вечерамъ и пляски, и хороводы, и горѣлки, которыя называются у Тверитянъ *разбѣжками*. Есть у нихъ и любимый танецъ, — *блапжа*, котораго происхожденіе не-чисто Русское, но Ревельское: говорятъ, что дѣятельные торговцы Тверскіе вывезли его изъ Ревеля вмѣстѣ съ тамошними товарами. Николай Дмитріевичъ, которому удалось побывать однажды и на такомъ гуляньѣ, видѣлъ эту *блапжу* и говоритъ, что она очень походитъ на старинныя кадрили ~~съ~~ вальсомъ, только, вмѣсто вальса, въ блапжѣ вертятся, держась за одну руку, и оканчиваютъ общимъ кругомъ и шеномъ. Довольно странно видѣть вовсе не-Рус-

скій танецъ между такими настоящими Русскими людьми, каковы Тверскіе мѣщане, особливо если въ числѣ ихъ попадутся дѣвушки въ старинномъ нарядѣ Тверскихъ горожанокъ. Такихъ еще можно видѣть въ Твери и подивиться ихъ дорогимъ ферязямъ, и ихъ крупному жемчугу. Жаль, что въ толпѣ, попавшейся намъ, не было уже ни одной такой: вѣрно она понравилась бы мнѣ болѣе этихъ смѣшныхъ щеголихъ, разодѣтыхъ въ самыя уморительныя шляпки съ огромными букетами цвѣтовъ, въ платья страннаго покроя изъ яркихъ шелковыхъ матерій; но посреди этого безвкусія васъ вдругъ поразитъ богатая мантилья, щегольской шарфъ, выписанные изъ Москвы или Петербурга. Ты вѣрно думаешь, милая сестрица, что я шучу, разсказывая тебѣ это о Тверскихъ щеголихахъ почти самаго простаго званія. Нѣтъ, это все настоящая правда: моды, благодаря большой проѣзжей дорогѣ отъ одной столицы къ другой, дошли и до простаго класса Тверскихъ жителей и завладѣли тамъ женскими сердцами. Мущины же здѣсь, какъ и вездѣ, имѣютъ болѣе постоянства въ этомъ отношеніи, и въ купеческихъ семействахъ по большой части при-

держиваются старинаго обычая не брить бороды, и не перемѣнять покроя старинныхъ кафтановъ, не смотря на все щегольство женской половины.

Чуть было не позабыла расказать тебѣ, милая сестрица, какой смѣшной разговоръ имѣли мы во время прогулки нашей по городу. Мы встрѣтили двухъ дѣвочекъ лѣтъ по 13-ти, которыя куда-то шли за городъ. Николай Дмитріевичь хотѣлъ показать намъ какъ здѣсь говорятъ, и завелъ съ ними разговоръ. «Куда вы это идете, дѣвочки?» — По грибы-ста. — «А развѣ вы любите грибы?» — Какъ-же баринъ, любимъ-ста.—Мы не могли понять что-за *ста* онѣ прибавляютъ къ каждому отвѣту, и узнали, что это у нихъ такое словцо, которое они изъ учтивости прикладываютъ къ другимъ словамъ своимъ, какъ у насъ говорятъ еще многіе да-съ, нѣтъ-съ. Николай Дмитріевичь не удовольствовался двумя вопросами, но продолжалъ ихъ еще далѣе. И ты знаешь его способность перенять всякую рѣчь? Вотъ чтобъ позабавить насъ, началъ онъ говорить, какъ настоящій Тверитянинъ. «А что-ста, красненькія дѣвочки, я чай вы много-ста въ нынѣшнее лѣто грибовъ набрали? — Нешто ста, баринъ. — » Да что-

ста вы дѣлаете изъ нихъ?» — Да попича-ста, такъ варимъ, да идимъ, а на зиму-ста шусимъ. (*) — «И много нашусили-ста?» — Живётъ-ста.

Мы не могли безъ смѣха слушать этотъ разговоръ, который могъ бы сдѣлаться еще забавнѣе, если бы Тверскія дѣвушки не отличались особенною скромностію на улицахъ: онѣ всегда ходятъ, опустивъ глаза въ зелю, и никогда не будутъ смотрѣть на встрѣчающагося имъ мущину, пока думаютъ, что онъ увидитъ это, и если бы попавшіяся намъ дѣвочки были уже взрослыя дѣвицы, то вѣроятно онѣ и не отвѣчали бы на вопросы Николая Дмитріевича: такъ онъ самъ расказывалъ намъ, описывая здѣшніе нравы. И потому примѣтно было, что наши грибныя знакомки также не совсѣмъ охотно остановились для разговора съ нами, и мы просили Николая Дмитріевича отпустить ихъ скорѣе. Но этаго нельзя было такъ скоро сдѣлать: Валеріану и Лизѣ такъ понравилась Тверская учтивая рѣчь съ прибавкой *ста*, что они также разговори-

(*) Въ Тверскомъ нарѣчіи произносятъ иногда *с* вмѣто *ш*, *ц* мѣсто *ч*, и на оборотъ: гдѣ надобно сказать *ш* такъ часто *с*, и *ч* вмѣсто ц.

лись съ дѣвочками, и кажется заставили обѣихъ молоденькихъ Тверитянокъ позабыть излишнюю застѣнчивость, или, лучше сказать, жеманность ихъ до того, что онѣ уже сами принялись расказывать намъ о томъ монастырѣ, въ которой онѣ запесутъ свои грибы, если имъ удастся найти много хорошенькихъ березовиковъ. Этотъ монастырь былъ почти у самаго города: тамъ жила тётка дѣвочекъ, которой онѣ часто носили грибы въ гостинецъ. Такъ какъ городъ Тверь и весь невеликъ (не болѣе $4\frac{1}{2}$ верстъ въ длину и 3-хъ въ ширину,) и мы встрѣтились съ нашими маленькими знакомками довольно близко отъ того мѣста, гдѣ была дорога къ монастырю, то мы всѣ, извѣстные тебѣ любители пѣшеходныхъ прогулокъ, рѣшились отправиться также за ними, и были прекрасно вознаграждены за это. Рождественскій монастырь, о которомъ говорили намъ дѣвочки, прелестно лежитъ на берегу довольно широкой рѣки Тьмаки, протекающей также въ Твери и впадающей въ Волгу. Онъ существовалъ еще въ началѣ XVI вѣка. Разумѣется, съ того времени всѣ церкви и зданія монастырскія нѣсколько разъ перестроивались; въ послѣдній разъ это было въ 1812 году, когда освященъ

нынѣшній великолѣпный Соборъ во имя Рождества Христова. Онъ сооруженъ былъ усердными приношеніями благочестиваго Императора Александра и всего Августѣйшаго Семейства.

Въ оградѣ монастырской мы встрѣтили нѣсколько монахинь, которыя всѣ приняли насъ очень ласково и рады были, что мы пришли посмотрѣть монастырь ихъ. Прежде всего онѣ предложили намъ зайти къ матушкѣ Игуменьѣ, на что мы съ большею охотою согласились. Лиза и Валеріанъ никогда еще не бывали ни въ одномъ монастырѣ, кромѣ Невскаго, — я также, какъ всегдашняя жительница Петербургская, никогда не видала женскихъ монастырей. Ольга Дмитріевна очень любитъ ихъ, и потому намъ всѣмъ очень любопытно было зайти и къ Игуменьѣ и въ монастырь. Въ первой мы нашли очень добрую и умную женщину, которая, какъ привѣтливая хозяйка, показала намъ все достойное любопытства въ монастырѣ ея. Въ соборной церкви мы молились Чудотворному образу Тихвинской Божіей Матери, привезенному сюда, болѣе 140-ка лѣтъ тому назадъ, монахинею Еленою—Ростопчиною. Сюда бываютъ лѣтомъ крестные ходы изъ Твери, и Образъ въ процессіи уносится въ городъ, и потомъ въ дру-

гой монастырь, верстахъ въ 4-хъ лежащій отъ Рождественскаго, и называемый *Желтиковымъ*, гдѣ почиваютъ мощи Св. Арсенія. На эту духовную процессію съѣзжаются богомольцы не только изъ окрестностей Твери, но даже изъ Новгорода и Пскова.

Не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ монастыря Рождественскаго, на берегахъ той же рѣки Тьмаки, мы видѣли одно изъ лучшихъ мѣстъ въ Твери: *Трисвятское*. Это мѣстопребываніе Тверскихъ Архіереевъ, съ прекраснымъ садомъ, который имѣетъ въ окружности не менѣе трехъ верстъ. Архіерейской домъ и монастырь Рождественскій стоятъ на возвышеніи, и отъ того окружены прекрасными видами во всѣ стороны. Не смотря на то, что, на мѣстѣ *Трисвятскаго*, былъ уже въ началѣ XVII го вѣка монастырь, раззоренный потомъ Литовцами—въ саду здѣшнемъ уничтоженъ еще недавно знаменитымъ проповѣдникомъ, Архіепископомъ Тверскимъ *Амвросіемъ*, скончавшимся отъ холеры въ 1831 году, празднества въ честь Славянскаго языческаго бога *Ярила* или *Ярула*. Не знаю навѣрное, но, кажется, Славянскій Ярила значитъ тоже самое, что въ Греческой миѳологіи *Эротъ*. Праздникъ состоялъ въ томъ, что выбирали

одного человѣка, украшали его разными цвѣтами, лентами и колокольчиками, надѣвали ему на голову высокой колпакъ, также обвитый лентами, и возили съ плясками по саду Трисвятскому и по берегамъ маленькой протекающей въ немъ рѣчки, Лазури. Теперь же, во время праздниковъ Ярилѣ, которые начинались съ перваго воскресенія послѣ Петрова дня, Тверскіе мѣщане пляшутъ свою любимую бланжу просто на улицахъ, въ самомъ городѣ. Я думаю, что этотъ праздникъ очень походитъ на тотъ, какой у нашихъ Петербургскихъ мѣщанъ отправляется въ первый четвергъ послѣ Вознесенія, въ Ямской и называется *Семикомъ*

Ты не можешь пожаловаться, милая сестрица, на краткость записокъ твоей путешественницы. Я думаю, ты не ожидала, чтобы я такъ подробно описывала тебѣ все, что встрѣчается намъ на дорогѣ: но не могу выразить тебѣ, какъ увлекательна для меня эта новость предметовъ и впечатлѣній, и какъ хочется мнѣ передать тебѣ все, что такъ пріятно поражаетъ меня. Если бы можно было, то я останавливалась бы въ каждомъ городѣ на недѣлю и разсматривала бы въ немъ все, что есть любопытнаго. Я уже не одинъ разъ замѣти-

ла во время путешествія нашего, что во всякомъ мѣстечкѣ, даже въ самомъ неважномъ и повидимому непривлекательномъ, можно найти что нибудь интересное: стоитъ только искать его, а не смотрѣть на все глазами равнодушными, какъ дѣлаетъ большая часть путешественниковъ, какъ сдѣлаю, можетъ быть, и я, когда буду проѣзжать не въ первый разъ по Московской дорогѣ. Мнѣ досадно было бы на такое равнодушіе, и потому я не буду думать о немъ, но возвращусь со всею живостію нынѣшнихъ впечатлѣній моихъ къ прогулкѣ нашей по хорошенькой Твери. Садъ Трисвяткій былъ окончаніемъ ея. Нагулявшись въ немъ и налюбовавшись прелестными видами его окрестностей, мы жалѣли, что усталость Ольги Дмитріевны помѣшала намъ дойти до Желтикова монастыря, котораго золотыя главы уже видны были изъ-за сосновой рощи. Тамъ есть, кромѣ мощей Св. Арсенія, двѣ любопытныя комнаты: въ нихъ жилъ Царевичь Алексій Петровичь, когда находился подъ справедливымъ гнѣвомъ знаменитаго Родителя своего. Но какъ никогда нельзя надѣяться видѣть все, что есть на свѣтѣ примѣчательнаго и любопытнаго, то мы на этотъ разъ должны были удо-

вольствоваться тѣмъ, что видѣли въ Твери, и отправиться въ гостиницу. Было уже около 9-ти часовъ вечера. Пріятная прогулка сдѣлала чай нашъ необыкновенно-вкуснымъ; Николай Дмитріевичь приказалъ приготовить намъ къ этому чаю кромѣ булокъ еще разнаго рода *пряниковъ*, которыми славится Тверь. Сколько вкусъ, столько и разнообразіе формъ этихъ пряниковъ стоятъ своей славы: въ иныхъ и не разберешь, что за фигурки они представляютъ; въ другихъ можно видѣть разныхъ рыбокъ, рыжики, какія-то коронки городскія, горохъ, крупу, и наконецъ просто коврижки.

Въ 5 часовъ утра мы выѣхали изъ Твери. Погода была прекрасная, мѣстоположенія также. Но одной сторонѣ дороги виднѣлась Волга. Смотря на нее, Николай Дмитріевичь началъ расказывать намъ о ней столько любопытнаго, что я намѣрена все это записать въ журналъ мой, и если ты мало знаешь Волгу, то вѣрно поблагодаришь меня за это описаніе. Волга такъ славится въ Исторіи и Географіи нашей, что не имѣть о ней надлежащаго понятія, для Русскаго — даже немножко совѣстно.

Волга, эта царственная рѣка между всѣми

Русскими рѣками, имѣетъ какъ и многое великое въ мірѣ, совсѣмъ неважное начало: небольшой болотный ключь на одной изъ высочайшихъ горъ Алаунскихъ, подлѣ деревни *Волино-Верховье*, въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Со всѣхъ сторонъ этаго знаменитаго ключа есть много болотъ, заросшихъ мохомъ, и кромѣ того много озеръ, которыя доставляютъ столько воды въ ручей Волгу, что онъ недалеко отъ начала своего уже дѣлается судоходнымъ. Протекая потомъ черезъ три озера — Стержъ, Овселугъ и Пено — ручей превращается уже въ рѣку, которая по мѣрѣ теченія своего принимаетъ въ себя около 200 другихъ рѣчекъ и рѣкъ. Какое огромное пространство воды, когда подумаешь о всѣхъ этихъ рѣкахъ и особливо объ этой Волгѣ, протекающей чрезъ *восемь* губерній на разстояніи 3.350 верстъ! Какъ не сказать, что это самая приличная рѣка для нашего величественнаго отечества? Если ты узнала теперь самую большую длину Волги, то вѣроятно тебѣ любопытно знать и ширину ея. Всего шире она течетъ по Симбирской и Саратовской губерніи. У самаго Саратова есть мѣсто шириною въ 2.130 сажень! Это страшно и подумать: почти пять верстъ! Впро-

чемъ ширина Волги много зависитъ отъ времени года, и мѣстами въ Саратовской губерніи она весною разливается на 20 верстъ ширины. Всѣ, кто бывалъ въ это время въ Саратовѣ, говорятъ, что ничто не можетъ быть величественнѣе и прекраснѣе картины, какую представляетъ тогда Волга. Множество острововъ, луговъ, кустарниковъ и даже лѣсочковъ вдругъ исчезаетъ на нѣсколько недѣль изъ вида, и вмѣсто нихъ является почти неизмѣримое пространство воды, по которому разъѣзжаютъ суда, не боясь ни мелей, ни подводныхъ камней. Въ это водяное время погибаетъ множество птичьихъ гнѣздъ и отъ того въ мѣстахъ, лежащихъ на Волгѣ, не бываетъ много дичи, но этотъ недостатокъ щедро вознаграждается такимъ изобиліемъ рыбы, какого вѣрно нѣтъ ни на какой другой рѣкѣ. Я не буду говорить тебѣ о множествѣ разныхъ сортовъ этихъ рыбъ, но скажу только о томъ, что удивительнѣе всего: тамъ есть бѣлуги болѣе трехъ саженъ длины, и осетры въ 20 и даже въ 25 пудъ вѣсомъ! Вѣдь это ужасно: я и не воображала, чтобы могла быть рѣчная рыба въ

три сажени длины. А налимъ вѣситъ тамъ иногда цѣлый пудъ.

Такъ разговаривая о Волгѣ и обо всемъ, что представляетъ она любопытнаго на всемъ пространствѣ, которое она протекаетъ, мы доѣхали до первой станціи отъ Твери, *Городни*, богатаго села, около котораго обтекаетъ Волга почти со всѣхъ сторонъ. Городня нѣкогда была удѣльною областью Тверскаго Княжества и называлась *Городокъ* или *Городецъ*. Въ 1569 году Городня была отдана Іоанномъ *Грознымъ* на раззореніе вмѣстѣ съ городомъ *Клиномъ*, въ который мы пріѣхали черезъ двѣ станціи отъ Городни. Вотъ городокъ подъ-пару Крестцамъ: такъ же малъ, такъ же неваженъ, такъ же походитъ на деревню, какъ и тотъ. Впрочемъ Клинъ имѣетъ гораздо болѣе историческихъ воспоминаній: при Іоаннѣ Грозномъ, онъ состоялъ въ числѣ тѣхъ городовъ, которые были записаны въ Опричнину. Но и это не спасло его отъ раззоренія. Во время гнѣва Грознаго на многія области, которыя недовѣрчивый Государь подозрѣвалъ въ согласіи съ непокорными Новгородцами, это подозрѣніе простиралось и на Клинъ, и было причиною погибели его въ 1569 году. Вѣроятно съ то-

го времени онъ уже не возвращалъ своей прежней значительности, потому что теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея. Въ новѣйшія времена Клинъ отличается только гостинницами, да трактирами. Вообрази, что въ этомъ маленькомъ городишкѣ, въ которомъ вѣрно никому не приходитъ въ голову останавливаться надолго, существуютъ двѣ гостинницы съ пресмѣшными надписями и одиннадцать трактировъ! А жителей всего 2.500 человѣкъ. Видно эти жители охотники веселиться. Промышленность ихъ ограничивается приготовленіемъ для простаго народа лучшихъ въ Россіи *лаптей*, которые дѣлаются изъ *лыкъ*, и между щеголями на лапти славятся подъ названіемъ *Клинскихъ лаптей*. Ты вѣрно будешь смѣяться, милая сестрица, что я съ важностію записываю такія — по твоему — вовсе *неважныя* свѣдѣнія: я знаю тебя, ты всегда говоришь, что во время путешествія не должно обращать много вниманія на мелочи, чтобы не упустить изъ вида чего нибудь гораздо важнѣйшаго: но въ Клинѣ, можно сказать рѣшительно, ничего нѣтъ важнѣе Клинскихъ лаптей, и потому, я надѣюсь, ты не назовешь мелочью извѣстія, которое я сообщила тебѣ о нихъ.

Отъ Клина остается до Москвы не болѣе 77-ми верстъ. Изъ нихъ 40 — мы проѣхали не встрѣтивъ ничего особенно-примѣчательнаго. Дорога нѣсколько холмиста, много березовыхъ лѣсочковъ, и еще болѣе цвѣтущихъ зеленью луговъ Но за 10 верстъ до Черной-Грязи, послѣдней станціи до Москвы, проѣзжали мы замѣчательное село *Чашниково*, принадлежащее теперь помѣщицѣ Спечинской. Здѣсь, въ этомъ неважномъ мѣстечкѣ, родился знаменитый Митрополитъ Платонъ, столь извѣстный своимъ краснорѣчіемъ ученостію и своимъ званіемъ Законоучителя при Наслѣдникѣ Престола и потомъ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Обстоятельства рожденія Платона такъ любопытны, что мнѣ хочется вполнѣ воспользоваться этимъ новымъ пріобрѣтеніемъ моимъ, и передать тебѣ и дѣтямъ твоимъ—разсказъ, слышанный нами отъ нашего любезноученаго спутника. Въ 1737 году — стало быть уже болѣе *ста* лѣтъ тому назадъ,—29 Іюня, въ день Св. Апостолъ Петра и Павла, утромъ при самомъ восходѣ солнца заблаговѣстили въ церкви села Чашникова къ ранней обѣднѣ. Набожные старички и старушки только что успѣли —какъ говорятъ они—*сотворить крестъ*, какъ вдругъ благовѣсть прервался и не начинался бо-

лѣе. Удивленные крестьяне не могли понять, что сдѣлалось съ добрымъ пономаремъ ихъ, Егоромъ Даниловичемъ, который всегда былъ такъ исправенъ. Кто былъ въ семьѣ помоложе, побѣжалъ справиться на колокольню; но на колокольнѣ Егора уже не было; любопытные пошли къ нему и въ домъ, и тамъ узнали, что у него съ первымъ ударомъ въ колоколъ родился сынъ. Отецъ, услышавъ объ этомъ, пересталъ звонить и почти безъ памяти отъ радости побѣжалъ домой взглянуть на новорожденнаго. И ему, и женѣ его казалось, что мальчикъ будетъ очень счастливъ въ жизни, потому что родился при особенномъ благословеніи Божіимъ: во время восхода солнца, въ день праздника великихъ Апостоловъ, въ самый благовѣстъ къ божественной службѣ. На этотъ разъ предчувствіе родительской любви было справедливо: счастливъ былъ сынъ ихъ не тою славою и почестями, до которыхъ такъ изумительно достигъ онъ изъ самаго ничтожнаго званія, но тѣмъ благочестивымъ умомъ, который, руководствуя его въ продолженіи всей жизни, доставилъ ему отъ современниковъ названія: *Московскаго Апостола* и *Русскаго Златоуста*. Проѣзжая мимо села Чашникова, мы съ

большимъ любопытствомъ смотрѣли на него и на церковь съ колокольнею, столь замѣчательною. Мы жалѣли только о томъ, что не могли со всею живостію представить себѣ тотъ знаменитый день 29 Іюня: тогда сіяло солнце и при самомъ восхожденіи своемъ: теперь же, хотя и было, можетъ быть, также рано, но лилъ сильный дождь и все было такъ скучно и пасмурно. Въ Черную-Грязь мы пріѣхали также съ дождемъ, и теперь, напившись чаю въ здѣшней богатой гостинницѣ похожей на дворецъ и даже называемой *Дворцемъ* * отправляемся въ *Матушку Бѣлокаменную*. Жаль будетъ, если во все то время, пока мы будемъ ѣхать 26 верстъ, остающихся до нея, дождь не перестанетъ. Это послѣднія страницы мои съ дороги: окрестности Московскія по дорогѣ Петербургской я уже буду описывать тебѣ въ Москвѣ, куда почти черезъ два часа мы пріѣдемъ.

* Тѣ станціонныя гостинницы по дорогѣ Московской, въ которыхъ есть комнаты на случай проѣзда особъ Императорской Фамиліи, называются также Дворцами.

МОСКВА.

Наконецъ, милая сестрица, мы въ Москвѣ. Но не безпокойся, я не перескочу прямо изъ Черной-Грязи, — гдѣ окончился дорожной журналъ мой — въ Москву. Нѣтъ, я знаю, что ты не любишь такого безпорядка, и потому, удержу восклицанія мои при видѣ Москвы, окружающей меня со всѣхъ сторонъ, и возвращусь за нѣсколько верстъ назадъ, хотя не въ самую Черную-Грязь, изъ которой провожалъ насъ несносный дождь, но къ тому мѣсту по дорогѣ, гдѣ начинаютъ показываться золотые кресты Ивана Великаго и другихъ самыхъ высокихъ изъ

церквей Московскихъ. Это за пять верстъ отъ города, на выѣздѣ изъ перваго Подмосковскаго села *Всесвятскаго*. Село Всесвятское оченъ примѣчательно и вѣрно ты не отгадаешь, чѣмъ?

Можетъ быть ты думаешь хороводами, какъ бываютъ примѣчательны многія сёлы. Хороводы, правда, бываютъ тамъ въ день Всѣхъ-Святыхъ, и можетъ быть самые огромные во всей Россіи, потому что на нихъ собираются охотники погулять изъ самой Москвы, но не ими особенно-примѣчательно Всесвятское, а вотъ чемъ: на масляницѣ 1722 года былъ здѣсь данъ самый удивительный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ маскерадовъ. «Какъ? Маскерадъ?» спросишь ты «въ селѣ и въ 1722 году?» — Да, точно такъ. И намъ трудно было повѣрить этому, но Николай Дмитріевичъ прочиталъ намъ изъ своей дорожной книжки цѣлое описаніе объ этомъ чудномъ маскерадѣ, и тутъ мы подивились тѣмъ разнообразнымъ способностямъ, какія заключалъ въ себѣ необыкновенный духъ Петра I-го. Ты, конечно, догадалась что въ 1722 году никто кромѣ Него, не могъ давать маскерада въ Всесвятскомъ. Это былъ годъ заключенія мира съ Швеціей. Извѣстно, какую важность придавалъ Петръ этому миру, и какъ великолѣпно

и весело Онъ торжествовалъ его. Послѣ всѣхъ праздниковъ, данныхъ по этому случаю въ Петербургѣ, Императоръ отправился въ Москву, и тамъ въ числѣ веселостей и забавъ разнаго рода далъ и этотъ маскерадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ санное катанье. И какое же катанье? Вмѣсто саней были почти все морскіе суда разной величины, запряженныя разными звѣрьми. Этотъ странный флотъ, напоминавшій древній флотъ Олеговъ, снаряжался весь въ селѣ Всесвятскомъ, откуда по данному сигналу потянулся къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ. Впереди всѣхъ ѣхали большіе сани, съ арлекиномъ. Въ нихъ запряжены были гусемъ шесть лошадей, обвѣшенныхъ разными бубенчиками и побрякушками. Во вторыхъ саняхъ сидѣлъ бывшій учитель Великаго Государя, Зотовъ, называвшійся во всѣхъ такихъ праздникахъ *Княземъ-Папой*. Нарядъ его былъ настоящій княжескій: длинная мантія изъ краснаго бархата, подбитая горностаемъ. У ногъ его стояла бочка, а на бочкѣ сидѣлъ Вакхъ. За этимъ маскерадным Княземъ ѣхала уморительная свита, которую замыкалъ шутъ, сидѣвшій въ санкахъ запряженныхъ четырьмя свиньями. Это было первое отдѣленіе маскерада, или лучше сказать

открытіе его. За нимъ началось шествіе флота, подъ предводительствомъ Нептуна Все, что составляетъ принадлежность морскаго бога, было соблюдено тутъ: Нептунъ ѣхалъ на колесницѣ, которую везли двѣ сирены. За нимъ Князь-Кесарь Ромодановскій въ мантіи и коронѣ. Большую лодку его везли два огромные медвѣдя Наконецъ за этимъ передовымъ поѣздомъ показалась движущаяся громада— 88-ми пушечный корабль съ тремя мачтами и съ полнымъ вооруженіемъ до послѣдней веревки или блока. Шестьнадцать лошадей запряжено было въ этотъ чудный экипажъ, которымъ управлялъ самъ Государь въ платьѣ морскаго Капитана. Множество морскихъ Генераловъ и Офицеровъ было съ нимъ тамъ же. За кораблемъ ѣхала прелестная раззолоченная гондола, въ которой сидѣла Императрица въ костюмѣ Остфризской крестьянки. Свита ея вся была одѣта Арабами. Самая уморительная часть маскерада была позади всѣхъ: она называлась *неугомонною обителью,* и состояла изъ масокъ самыхъ уродливыхъ: тутъ были и журавли, и волки, и медвѣди и драконы, и однимъ словомъ всякаго рода звѣри, являющіеся въ басняхъ Езопа. И дѣло ихъ не оканчивалось одпимъ костюмомъ:

нѣтъ, они должны были и представлять эти басни въ лицахъ. Всѣ эти разнообразныя представленія происходили въ тѣхъ же самыхъ широкихъ и длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ въ видѣ драконовой головы, въ которыхъ они всѣ сидѣли и ѣхали вслѣдъ за Императрицею. Можно представить себѣ, что этотъ чудный поѣздъ двигался не очень скоро: выѣхавъ утромъ изъ Всесвятскаго, онъ достигъ Кремля не прежде вечера. Но эта медленность не портила ничѣмъ веселья, потому что оно продолжалось цѣлые четыре дня! Вотъ ужъ можно сказать, что Москва повеселилась тогда отъ души. Въ теченіе такого продолжительнаго маскерада, очень естественно, что всѣ участвовавшіе перемѣняли свои костюмы нѣсколько-разъ.

Вотъ чѣмъ памятно село Всесвятское, сестрица. Ты можешь вообразить какъ интересовалъ всѣхъ насъ этотъ расказъ, особливо обоихъ младшихъ спутниковъ нашихъ: они замучили Николая Дмитріевича распросами о разныхъ подробностяхъ этого маскерада. Признаюсь, и я долго не могла перестать думать о томъ, какимъ образомъ Великій Петръ могъ соединять въ себѣ и это неутомимое терпѣніе къ занятіямъ важнымъ и труднымъ, и это жи-

вое-участіе къ дѣламъ столь ничтожнымъ, какъ маскерадныя забавы. Впрочемъ, вѣроятно чѣмъ обширнѣе умъ, тѣмъ разнообразнѣе его способности.

Всесвятское принадлежало прежде къ вотчинамъ Грузинскихъ Царевичей, а нынѣ къ собственнымъ Императорскимъ деревнямъ. Въ немъ есть еще теперь большой и правильной садъ Княгини Мавроюрдато, бывшій прежде любимымъ гуляньемъ Московскихъ жителей. Теперь онъ запущенъ и дикъ. Этого не ожидаешь въ окрестностяхъ Москвы, которыя вообще исполнены жизни и дѣятельности. Съ Петербургской стороны онѣ наименѣе красивы, но все-таки очень понравились мнѣ: кромѣ живописныхъ возвышенностей и пониженій земли, онѣ представляютъ еще картину гораздо лучшей обработанности полей, нежели въ окрестностяхъ Петербурга. Желтыя нивы колосьевъ разнаго рода покрываютъ почти всю дорогу отъ Черной-Грязи и прерываются довольно часто лугами самой цвѣтущей зелени, по которымъ въ иныхъ мѣстахъ бродятъ стада, въ другихъ пестрѣютъ кустарники и цвѣты. Этого еще мало: проѣхавъ Всесвятское, вы почти тотчасъ увидите подлѣ дороги прекрасный буль-

варъ, продолжающійся до самой заставы; онъ составляетъ какъ будто кайму около какого то прелестнаго зданія, которое первое представится вамъ, какъ начало или предмѣстіе нетерпѣливо ожидаемаго города. Это Петровскій Дворецъ. Архитектура и цвѣтъ его необыкновенны: первая, одна изъ самыхъ граціозныхъ готическихъ; второй — ярко пунцовый съ бѣлыми по немъ украшеніями. Не видѣвъ, нельзя вообразить себѣ, какъ хорошо сливаются между собою эти двѣ краски съ цвѣтущею зеленью деревьевъ, ихъ окружающихъ. Зданіе такъ живописно, такъ чисто и ново, что я удивилась, когда Николай Дмитріевичъ назвалъ его Дворцомъ XVII вѣка: его построила Императрица Екатерина II-я въ 1776 году. Я думала, что онъ явился тутъ въ одно время съ примыкающимъ къ нему Петровскимъ паркомъ, устроеннымъ для гулянья Московскихъ жителей не болѣе 4-хъ или 5-ти лѣтъ тому назадъ. Но о паркѣ послѣ, — прежде поговоримъ о Дворцѣ Петровскомъ: онъ примѣчателенъ не въ одномъ отношеніи красоты своей. Нѣтъ, онъ примѣчателенъ еще и потому что въ немъ всѣ Императоры наши, пріѣзжая изъ Петербурга для коронованія, имѣютъ свое мѣстопребываніе

до торжественнаго вшествія въ Москву, и отъ того Петровскій Дворецъ называется также *Подъѣзднымъ Дворцемъ*. Здѣсь же Императрица Екатерина, въ проѣздъ свой на югъ Россіи провела также нѣсколько времени. Наконецъ здѣсь же въ 1812-мъ году доживалъ Наполеонъ послѣдніе дни своей славы. Можно сказать, что у стѣнъ Петровскаго Дворца начинаются историческія воспоминанія Москвы: передъ нимъ влѣво лежитъ знаменитое *Ходынское поле*, на которомъ нѣкогда расположены были полки Русскіе для защиты Москвы отъ Тушинскаго Самозванца. При этомъ случаѣ я не могла не вспомнить одного изъ любимыхъ моихъ Князей-героевъ Россіи: Михаила Скопина-Шуйскаго. Онъ отличался и тутъ, какъ и вездѣ, отъ другихъ Воеводъ, товарищей своихъ. На этомъ же Ходынскомъ полѣ въ 1775 году, Императрица Екатерина праздновала славный миръ свой съ Турками, и давала самые веселые народные праздники.

Но перейдемъ отъ этихъ уже отдаленныхъ для насъ событій къ самымъ новымъ: перейдемъ къ парку Петровскому. Это одно изъ того множества чудесныхъ созданій, которыми прославляется настоящее царствованіе. За пять

лѣтъ назадъ мѣста за Тверскою заставою походили на безжизненную степь, на которой ничего не видно было кромѣ песку, глины, грязи, огородовъ, да кое-гдѣ кирпичныхъ заводовъ. Теперь, какъ будто какимъ нибудь волшебствомъ на этихъ же самыхъ мѣстахъ разцвѣли сады, разкинулись дорожки, выстроились ряды красивыхъ домиковъ и домовъ, башенокъ и башенъ, то готическихъ, то Китайскихъ, то наконецъ совсѣмъ фантастическихъ. Это лучшія дачи Московскія, лучшія и по устройству и по тону хозяевъ ихъ: это дачи, гдѣ живутъ люди большаго свѣта. Николай Дмитріевичъ разсказывалъ намъ это, а я глядя на дачи Петровскаго парка переносилась мысленно въ твое сосѣдство, милая сестрица: рядъ этихъ дачь напоминаетъ нѣсколько наши хорошенькія дачи противъ парка Лѣснаго Института.

Наконецъ мы въѣхали и въ Тверскую заставу. За нею начинается улица, похожая на начало Невскаго проспекта, у Ямской, и даже есть и такія же лавки съ хомутами, какъ тамъ. Только разумѣется все въ меньшемъ размѣрѣ, и улица не такъ широка, какъ Невскій проспектъ. Это Тверская. Чѣмъ дальше подвигаешься по ней къ срединѣ города, тѣмъ

болѣе удивляешься вѣрности этихъ стиховъ поэта:

. . . Вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ,
И стаи галокъ на крестахъ.

Всё это точно такъ. Зимою, разумѣется, эта вѣрность описанія еще очевиднѣе: теперь же Москва, по словамъ здѣшнихъ жителей, почти пуста: всѣ разъѣхались по деревнямъ и дачамъ, и для путешественниковъ, желающихъ видѣть Москву во всемъ блескѣ ея общественной жизни, лѣтнее время совсѣмъ неудобно Хотя для насъ, путешествующихъ вовсе не для наблюденій общества, это неудобство не казалось важно, однакожъ и мы потерпѣли нѣсколько отъ него. Николай Дмитріевичъ, хотя и часто бывалъ въ Москвѣ, но все болѣе проѣздомъ, и потому не имѣетъ здѣсь почти ни-

какого знакомства, кромѣ одного семейства, съ которымъ онъ такъ коротокъ, что хотѣлъ привезти и насъ всѣхъ прямо въ домъ, не сказавъ прежде ни слова. Вотъ проѣхавъ нѣсколько улицъ, которыхъ расположенія и именъ у меня не спрашивай, мы остановились въ переулкѣ, довольно узкомъ, но чистомъ, передъ хорошенькимъ сѣренькимъ домикомъ съ зелеными ставнями. Николай Дмитріевичь, воображая о пріятной нечаянности, которую онъ приготовилъ нашимъ пріѣздомъ друзьямъ своимъ, побѣжалъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа къ крыльцу, какъ вдругъ стоявшій у воротъ дворникъ остановилъ его вопросомъ: «Куда, баринъ, не къ Алексѣю ли Николаевичу?» — Да, да, братецъ; дома что ли нѣтъ? — «Да и въ городѣ-то совсѣмъ нѣтъ, сударь?» — Какъ нѣтъ? — «Да такъ же-съ, изволили недавно купить деревню за полтораста верстъ отсюда, такъ туда и поѣхали-съ на лѣто.» — Какъ такъ? да когда это все сдѣлалось? — «Да не давно-съ Оченно дешево продавалась деревня-то, сударь; такъ барынѣ и захотѣлось купить, а дома-то у насъ надобно было кое-что передѣлывать, да полы красить, такъ барыня-то и рады были уѣхать. Вотъ мы одни съ старушкой Василисой

Петровной и хозяйничаемъ, и сегодня только всѣ полы выкрасили, такъ что и въ горницы-то войти я не могу просить васъ. Эко дѣло!» — Ну что дѣлать, братецъ, а я было привезъ къ вамъ гостей. Поѣдемъ теперь отыскивать гостиницу. Не знаешь ли ты какой здѣсь по близости? — «Да какъ не знать, баринъ, вотъ здѣсь недалеко, на Тверской же, хорошая гостиница есть, содержитъ купецъ Волковъ. Не только что Полковники, и Генералы останавливаются.» — Ну, раскажи нашему кучеру гдѣ эта гостиница.

Услужливый дворникъ подбѣжалъ было къ дилижансу нашему, но кондукторъ давно зналъ гостиницу Волкова, и мигомъ мы очутились передъ крыльцомъ ея. Утомясь отъ 29-верстной станціи и ѣзды по безконечнымъ улицамъ Москвы, мы довольны были что добрались наконецъ до какого нибудь мѣста отдыха, и съ радостію пошли по узкой лѣстницѣ во второй этажъ высокаго, каменнаго дома. Но что нашли мы тамъ? Лѣстница оканчивалась какой-то деревянной галлереей, которая съ одной стороны заключалась дверьми въ огромную кухню, а съ другой, продолжалась длиннымъ и довольно темнымъ корридоромъ, куда выходили съ бо-

ковъ нѣсколько десятковъ дверей. Почти каждая вела въ отдѣльный номеръ, т. е. въ отдѣленіе состоявшее изъ двухъ или трехъ комнатъ. Мы вошли въ одно изъ послѣднихъ, — и тутъ вспомнили о всѣхъ тѣхъ чистыхъ гостинницахъ, въ которыхъ мы останавливались по дорогѣ: всѣ онѣ чище и удобнѣе устроены для проѣзжихъ, нежели эта гостинница на одной изъ первыхъ улицъ Московскихъ. Этотъ видъ произвелъ на всѣхъ насъ самое непріятное впечатлѣніе: но дѣлать было нечего: усталость Ольги Дмитріевны заставила насъ рѣшиться переночевать тутъ. Николай Дмитріевичь и Валеріанъ пошли смотрѣть другой номеръ поменьше, для себя. Тамъ мы нашли порядокъ и чистоту еще хуже, потому что за наемъ было почти вдвое дешевлѣ: но пріѣхавъ въ Москву веселиться, а не плакать о злѣ, до сихъ поръ неизбѣжномъ у насъ, мы кое-какъ примирились съ судьбой своей: покрыли чистыми простынями непокрытыя ничѣмъ постели; разостлали бѣлые платки на кресла и стулья, въ которыхъ подъ разнородными пятнами сквозилъ голубой баркань; бѣлыя салфетки на столы, и обѣливъ такимъ образомъ почти всѣ мебели свои, мы старались не обращать вниманія на полъ и сколь-

ко можно менѣе заглядывать въ коммоды, гдѣ почти ни въ одномъ ящикѣ не было ни ключей, ни замковъ. Чтожъ касается до кушаньевъ, то по Русскому обыкновенію, у Г. Волкова голодать не будешь, и мы пятеро были въ полной мѣрѣ сыты тремя порціями его обѣда.

Послѣ этого перваго обѣда въ Москвѣ, мы сѣли къ окошку посмотрѣть на улицу Московскую, и подумать о томъ, что мы будемъ теперь дѣлать? Оставаться въ гостинницѣ Волкова было невозможно; искать другой — не хотѣлось: судя по первому впечатлѣнію, намъ казалось, что вездѣ мы найдемъ тоже. Ольгѣ Дмитріевнѣ особенно не хотѣлось жить въ гостинницѣ: она еще въ Петербургѣ объявила брату, что не любитъ этой жизни, и ѣхала съ мыслію, что будетъ жить въ домѣ знакомыхъ Николая Дмитріевича. Ты можешь представить себѣ, что и заботливый нашъ спутникъ былъ невеселъ отъ этой неудачи, встрѣтившей насъ въ первыя минуты пріѣзда. И такъ мы всѣ сидѣли — какъ говорится — повѣся носъ. Только Валеріанъ забавлялся, смотря въ окно на суматоху Тверской улицы, походившей въ этомъ мѣстѣ на нашу Гороховую. Ему и сестрѣ его очень хотѣлось пройтиться по ней и

посмотрѣть вблизи какая разница въ народѣ Московскомъ и Петербургскомъ. Они оба уже давно просили меня отправиться съ ними погулять, но общее уныніе подѣйствовало и на меня такъ сильно, что я также сидѣла погрузясь въ думы о томъ, что казалось для насъ въ эту минуту всего интереснѣе: о квартирѣ; какъ вдругъ вспомнила я, что въ моемъ портфелѣ положенъ адресъ, который дала мнѣ наша Московская путешественница въ прошломъ году, о какой-то Француженкѣ, содержащей не гостинницу, но то, что называется у иностранцевъ: *chambres garnies*. Все что разсказывала мнѣ наша общая знакомая объ этихъ chambres garnies заставило меня вскочить отъ радости, и броситься къ моему портфелю. Въ пять минутъ адресъ былъ отысканъ, и мы уже стояли въ шляпкахъ, чтобъ итти на *Большую Дмитровку*, гдѣ жила эта драгоцѣнная для насъ Француженка, мадамъ Делаво. Утомленная Ольга Дмитріевна осталась дома отдыхать, а мы въ сопровожденіи Николая Дмитріевича отправились въ первую прогулку по Москвѣ. Но это было недалеко: большая Дмитровка почти вплоть отъ Тверской. У мадамъ Делаво нашли мы все, чего только могутъ желать

пріѣзжіе, не имѣющіе никого знакомыхъ въ Москвѣ: каждое отдѣленіе квартиры у ней состоитъ изъ двухъ большихъ, высокихъ и чистыхъ комнатъ: спальни и гостиной. Бѣлье, мебель, услуга, столъ, все это въ порядкѣ, чистотѣ и хорошемъ устройствѣ. За каждую такую отдѣльную квартирку платится 30 руб. въ недѣлю.

Мы обрадовались какъ кладу этой доброй мадамъ Делаво, которая самою наружностію своею представляла намъ совершенный типъ хорошей Француженки, содержательницы отеля: проворная, толстенькая и чистенькая старушка съ сѣдыми локонами, съ красными щеками, съ улыбающимся лицемъ. Она обѣщала намъ все; но лучшимъ изъ всего, было увѣреніе ея что въ ея квартирѣ можно жить точно такъ тихо и удобно, какъ въ своемъ собственномъ домѣ; что если кому изъ жильцовъ ея не угодно ходить обѣдать къ ея собственному столу, тотъ можетъ и не увидѣться никогда съ другими, живущими у ней. Того-то намъ и надобно было, чтобъ обрадовать Ольгу Дмитріевну, которая не любитъ новыхъ знакомствъ, и всегда чувствуетъ себя несчастною между множествомъ чужихъ людей.

Мы спѣшили возвратиться къ ней, окончивъ всѣ наши переговоры съ мадамъ Делаво. Проходя по улицамъ: Дмитровкѣ, и Тверской, и еще по небольшому переулку, мы не замѣтили почти никакой разницы съ улицами Петербургскими, и очень сожалѣли объ этомъ: намъ хотѣлось видѣть что нибудь оригинальное, Московское. Только въ переулкѣ мы замѣтили большой каменной домъ на дворѣ, чистомъ и прекрасномъ, съ каменною, старинною оградою, выходившею на улицу, и надъ белъ этажемъ этого дома была повѣшена длинная черная доска съ надписью: Madame Annette. Говорятъ, что въ Москвѣ много такихъ домовъ, перешедшихъ отъ благородныхъ владѣльцовъ Русскихъ — къ Французскимъ модисткамъ.

Ольга Дмитріевна была въ восхищеніи отъ нашихъ расказовъ о мадамъ Делаво, и надежды на хорошее помѣщеніе, которое будетъ хотя нѣсколько походить на ея тихій уголокъ Петербургскій.

Мы пили чай вечеромъ съ Московскими калачами, которые совершенно таковы же, какъ наши въ Петербургѣ, у Гостинаго Двора. Остальное время перваго дня нашего здѣсь, я провела за этимъ длиннымъ письмомъ моимъ къ

тебѣ, милая сестрица. Прощай, всѣ около меня уже спятъ; пора и мнѣ.

25-е *Іюля*. Сегодня первый выходъ нашъ былъ въ часовню Иверской Божіей Матери. Здѣсь находится одна изъ важнѣйшихъ святынь Москвы: образъ Божіей Матери, привезенный въ 1666 году съ горы Аѳонской, изъ монастыря Иверскаго, Архимандритомъ Пахоміемъ. Здѣсь никогда не угасаютъ лампады и свѣчи; никогда не перестаютъ служить молебны. Всякой изъ Русскихъ, проживши хотя день въ Москвѣ, считалъ бы грѣхомъ не сходить въ часовню Иверскую, поклониться святому образу. Монахъ, служащій молебны, вѣроятно не одинъ разъ смѣняется въ теченіе дня, потому что служба ни на минуту не прерывается и послѣ одного молебна слѣдуетъ тотчасъ же другой. Образъ довольно великъ и блеститъ драгоцѣнными каменьями, но часовня маленькая: съ трудомъ помѣщаются въ ней человѣкъ десять. Она построена въ Китаѣ-городѣ у Воскресенскихъ воротъ, въ 1791 году, на мѣстѣ старинной, бывшей тутъ часовни.

Сказавъ тебѣ, милая сестрица, о Китай-городѣ и Воскресенскихъ воротахъ, я вспомнила, что ты, никогда не бывавъ въ Москвѣ, и не зная нисколько устройства ея, вѣроятно не поймешь

ни мѣстъ, ни названій, которыя по своей странности въ Москвѣ почти могутъ составить цѣлую особую науку. И такъ, я думаю, что хорошо сдѣлаю и для будущихъ расказовъ моихъ, если объясню тебѣ сколько сама понимаю, планъ и расположеніе Москвы. Николай Дмитріевичь сдѣлалъ для насъ этотъ планъ, и такъ хорошо объяснилъ намъ различныя части Москвы, что я надѣюсь и тебѣ дать порядочное понятіе о ней. Вотъ послушай.

Кремль можно назвать самымъ сердцемъ Москвы, потому что въ немъ было заложено первое основаніе ея въ 1147 году, Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Кремль, былъ въ то время дремучій боръ, окруженный лугами и лѣсами. Въ бору жилъ какой-то неизвѣстный пустынникъ-христіянинъ, и можетъ быть на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его хижинка или шалашъ, Князья, поселившіеся въ новомъ городкѣ Князя Юрія Долгорукаго, построили въ послѣдствіи церковь: *Спасъ на Бору*, древнѣйшій изъ храмомъ Московскихъ. Онъ стоитъ и теперь въ самой срединѣ четвероугольнаго двора строющагося новаго Дворца. Мнѣ чрезвычайно хочется увидѣть эту любопытную, мо-

жетъ быть первую церковь Московскую. Говорятъ, она кажется такою маленькою въ сравненіи съ огромными стѣнами дворца, возвышающагося около нея со всѣхъ четырехъ сторонъ. Это величественное зданіе строится на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде старинный Дворецъ, заложенный В. К. Іоанномъ Васильевичемъ въ 1487 году. Часть его, Теремный Дворецъ, остается неперестроенною, но только возобновленною въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Все это великолѣпное жилище Царей составляетъ какъ будто *первую* ограду около древнѣйшей драгоцѣнности Москвы, или лучше сказать, около ея святаго основанія — церкви *Спаса на Бору*. *Второю* — можно назвать рядъ Соборовъ и церквей, окружающихъ почти со всѣхъ сторонъ дворецъ и даже примыкающихъ къ самымъ стѣнамъ его. Эти священные хранители младенчества Москвы возвышаются посреди многихъ другихъ старинныхъ и новыхъ зданій, принадлежащихъ къ прежнимъ или нынѣшнимъ дворцовымъ строеніямъ и все это наконецъ окружено высокою каменною стѣною, отдѣляющею Кремль отъ всѣхъ остальныхъ частей города. Въ 1300 году при В. К. Даніилѣ

Александровичѣ эта стѣна была еще только деревяннымъ полисадомъ Въ 1331 мъ сынъ его, Іоаннъ Даниловичь Калита построилъ эту стѣну дубовую. Въ 1367—Дмитрій Іоанновичъ Донской, первый сдѣлалъ около Кремля каменную стѣну. Іоаннъ III выписалъ изъ Италіи художниковъ, изъ которыхъ особенно славился Алевизъ Фіеровенти и ему поручено было стѣны Кремля устроить по новому, и вообще укрѣпить и украсить Кремль. При Царѣ Алексіи Михайловичѣ и при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ также поправляли его. Послѣднее же возобновленіе стѣнъ Кремлевскихъ было послѣ знаменитаго 1812 года.

При сынѣ Іоанна III-го, Василіи Іоанновичѣ сдѣланъ былъ около Кремля ровъ и выложенъ камнемъ. Въ новѣйшія времена этотъ ровъ превращенъ въ прекрасные сады, по которымъ ввечеру прогуливаются теперь жители Московскіе.

Теперь остается мнѣ сказать тебѣ, милая сестрица, о пространствѣ, которое занимаетъ Кремль: двѣ версты сорокъ сажень въ окружности Положеніе его представляетъ неправильный треугольникъ, на лѣвомъ берегу Москвы - рѣки, на горѣ вышиною въ 20 сажень отъ

поверхности воды. Входятъ въ Кремль 5-тью воротами; вотъ названія всѣхъ ихъ: 1. *Спасскія*. 2. *Никольскія*. 3. *Троицкія*. 4. *Боровицкія* и 5. *Тайницкія*. Кромѣ того на стѣнахъ Кремля есть еще 18 башенъ. О церквахъ, монастыряхъ и другихъ зданіяхъ Кремля—я буду разсказывать тебѣ по мѣрѣ того, какъ мы будемъ осматривать ихъ; теперь же мнѣ хочется дать тебѣ только общее понятіе о Москвѣ: тогда легче будетъ узнавать частности.

И такъ, оставивъ теперь Кремль, уже нѣсколько знакомой намъ, мы перейдемъ за стѣны его, въ Китай-городъ. Это былъ нѣкогда посадъ Кремля, т. е. то, что мы называемъ *предмѣстіемъ*. Здѣсь жили *гости* иноземные, или говоря по нынѣшнему *купцы иностранные*, и были также Посольскія подворья. Слѣдовательно въ сравненіи съ Кремлемъ, Китай-городъ былъ городокъ совершенно иностранный. Онъ также былъ укрѣпленъ въ половинѣ XVI-го вѣка. Первый ровъ и валъ сдѣлала около него мать Іоанна Васильевича Грознаго, такъ много извѣстная въ исторіи—*Елена Глинская*. Она дала и имя *Китая* этому второму городу въ память мѣста рожденья своего, Китая-городка Подольскаго. Черезъ годъ потомъ

сдѣлана была и каменная стѣна, которой остатки и теперь существуютъ, такъ какъ и нѣсколько воротъ въ нихъ: *Никольскія*, *Варварскія*, *Ильинскія*, *Воскресенскія*; подлѣ этихъ послѣднихъ устроена часовня Иверской Божіей Матери. Въ окружности Китая-города считается 2 версты 200 сажень. Стѣны его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружены бульварами.

Не буду говорить тебѣ о множествѣ церквей и монастырей, казенныхъ и частныхъ зданій, находящихся въ Китаѣ-городѣ: я еще едва взглянула на все это сегодня, когда мы, чтобы получить хотя небольшое понятіе о расположеніи Москвы, и повѣрить то, что мы узнали изъ плана ея, ѣздили кататься по нѣкоторымъ изъ главныхъ частей города. Я знаю только, что огромный Гостиный дворъ, нѣсколько разъ перестроенный и возобновленный, и имѣющій болѣе 760 лавокъ и амбаровъ, находится въ Китаѣ-городѣ. Тутъ же и *Красная* площадь, названная такъ потому, что и самый *Китай-городъ* назывался также *Краснымъ-городомъ*, вѣроятно отъ товаровъ, которые продавались тамъ. На Красной площади показалъ намъ Николай Дмитріевичъ и *Лобное мѣсто*.

Третье отдѣленіе Москвы, или лучше сказать третій *городъ* Москвы — называется *Бѣлымъ-городомъ*. Здѣсь нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ этого раздѣленія: на мѣстахъ стѣны и рвовъ, окружавшихъ нѣкогда и этотъ городъ — сдѣланы бульвары; на мѣстахъ бывшихъ воротъ въ стѣнѣ — площади. Странно, что эти площади сохранили однакоже названіе *воротъ*. Сначала смѣшно показалось намъ, проѣзжая мимо *Арбатскихъ* воротъ, не видѣть ничего похожаго на ворота. Такихъ воображаемыхъ воротъ здѣсь *девять*. Я скажу тебѣ названія ихъ: 1. *Пречистенскія*. 2. *Арбатскія*. 3. *Никитскія*. 4. *Тверскія*. 5. *Дмитровскія*. 6. *Петровскія*. 7. *Сретенскія*. 8. *Покровскія*. 9. *Яузскія*. Такъ какъ изъ стѣны, къ которой принадлежали эти ворота, сдѣланы бульвары, то въ Москвѣ почти столько же и бульваровъ. Лучшимъ ихъ нихъ считается *Тверской*.

Въ Справочной Московской книжкѣ, которую мы купили здѣсь, чтобъ получить понятіе о безчисленномъ множествѣ городскихъ частей, мѣстъ и улицъ здѣшнихъ, къ описанію Бѣлаго-города слѣдуетъ также длинный списокъ церквей, монастырей и примѣчательныхъ зданій, находящихся въ этомъ третьемъ отдѣленіи Москвы; но

какъ онъ не только для тебя но даже и для меня не можетъ послужить къ тому, чтобы рѣзко отдѣлить то, что теперь уже слилось въ одно нераздѣльное и одинакое цѣлое, то я оставлю этотъ списокъ до другаго раза, и скажу тебѣ только то, что названіе *Бѣлаго-города* произошло отъ того, что въ самомъ началѣ существованія его, здѣсь были предмѣстія и дачи, жалованныя боярамъ отъ Государя съ правомъ *обѣленія* этихъ дачь, т. е. *избавленія отъ всѣхъ постоевъ и другихъ повинностей*, на которыя осуждены другіе города. Отъ этого значенія слова *бѣлый*, называютъ Русскаго Государя *Бѣлымъ* т. е. *независимымъ* Царемъ.

Перейдемъ теперь къ *четвертому* городу нашей широко-раскинувшейся Москвы. Онъ называется *Земляным-городомъ* и окружаетъ со всѣхъ сторонъ Кремль, Китай и Бѣлый-городъ, и кромѣ того часть *Замоскворѣчья*. Это особенная часть Москвы, *лежащая* по другую сторону Москвы-рѣки.

Въ древнія времена Земляной-городъ состоялъ изъ Стрѣлецкихъ и разныхъ другихъ Слободъ. Въ 1592 году, Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, послѣ набѣга Крымскихъ Татаръ велѣлъ укрѣ-

пить Земляной-городъ деревянною стѣною, въ которой было 57 башенъ и воротъ. Въ послѣдствіи, во время бѣдствій междуцарствія, Поляки сожгли эти стѣны, и Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ устроить земляной валъ, который со временемъ осыпался и превратился теперь въ *Садовую улицу*, на которой вмѣсто прежнихъ 57 башенъ существуютъ только двѣ: *Сухарева* и *Красныя ворота*, но и тѣ уже не составляютъ остатковъ древности, но нѣсколько разъ были возобновлены и передѣланы въ позднѣйшія времена.

Въ Земляномъ-городѣ, кромѣ части Замоскворѣчья, заключается шесть городскихъ частей,— по этому ты можешь получить понятіе о величинѣ его. Не отдѣляй его въ воображеніи твоемъ ничѣмъ отъ Бѣлаго-города, кромѣ развѣ бульваровъ, которые, появляясь мѣстами на улицахъ Москвы, уже не представляютъ глазамъ древняго раздѣленія городовъ ея, но только пріятныя гулянья для жителей. Въ той части Замоскворѣчья, которая принадлежитъ къ Земляному-городу, заключается нѣсколько прежнихъ Слободъ: старинныя названія ихъ еще встрѣчаются во многихъ мѣстахъ. Вообще въ Замоскворѣчьѣ вѣроятно селились прежде чужеземные

люди, и болѣе восточные, нежели какіе нибудь другіе: названія улицъ доказываютъ это, на примѣръ: *Ордынка, Берсеневка, Таганка, Татарская.* Кромѣ того, здѣсь есть и Татарская мечеть.

Какъ ни много я расказала тебѣ о расположеніи Москвы, однакожъ все еще не кончила. Земляной-городъ еще не оставляетъ послѣдняго предѣла Москвы: за нимъ есть еще нѣсколько предмѣстій, которыя за сто лѣтъ назадъ приказано было окружить валомъ. Такъ какъ это поручено было сдѣлать Камеръ-Коллегіи, то валъ и названъ *Камеръ-Коллежскимъ.* Онъ составляетъ послѣднюю черту столицы и окружаетъ ее всю: по этому и всѣ заставы столицы примыкаютъ къ нему. Ихъ всѣхъ *восемнадцать*: *Даниловская, Дмитровская, Дорогомиловская, Калужская, Покровская, Преображенская, Проломная, Пресненская, Рогожская, Семеновская, Серпуховская, Симоновская, Сокольницкая, Спаская, Сыромятническая, Тверская, Трехгорная, Троицкая,* или *Крестовская.* Церкви, монастыри и вообще всѣ строенія, заключающіяся въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи Москвы, окруженномъ Камеръ Коллежскимъ валомъ и раздѣленномъ на *восемь* городскихъ частей ея, так-

же незамѣтно сливаются съ частями Земляного-Города, какъ части Земляного съ частями Бѣлаго.

Вотъ тебѣ, милая сестрица, общій взглядъ на Москву. Представляю тебѣ въ немъ все то, что я поняла изъ плана Москвы, разсказовъ Николая Дмитріевича, и перваго катанья нашего по Москвѣ сегодня послѣ окончанія всѣхъ хлопотъ нашего переѣзда на новую квартиру, въ Французскія chambres garnies. Я думаю, тéперь удобнѣе будетъ для тебя слѣдовать мысленно за нами туда, куда завлечетъ насъ судьба: видѣть же въ Москвѣ все достойное любопытства, мы надѣяться не можемъ въ такое короткое время, какое мы проживемъ здѣсь. Прощай до завтра.

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ И КРЕМЛЬ.

26 *Іюля*. Вчера, задумавъ дать тебѣ нѣсколько систематическое понятіе о расположеніи Москвы, я принуждена была сдѣлать много сухихъ описаній, и не успѣла сказать тебѣ о пріятной нечаянности, какую мы уже имѣли здѣсь. Почти въ самое время переѣзда нашего изъ гостинницы Волкова пріѣхала навѣстить насъ первая Московская дама, которую мы увидѣли здѣсь: это Марья Николаевна М*, сестра нашей общей знакомой П. Н. «Если всѣ здѣшніе жители такъ привѣтливы, любезны и образованы, то въ Москвѣ должно быть

очень весело.» Вотъ что мы всѣ сказали послѣ этого неожиданнаго визита. Мы привезли къ ней письмо отъ сестры, и этого было довольно, чтобы заставить ее въ тотъ же день пріѣхать отыскать насъ въ нашей не-блистательной гостинницѣ, и предложить намъ, — людямъ совершенно незнакомымъ ей, — всѣ тѣ большія и маленькія услуги, которыя такъ драгоцѣнны для пріѣзжихъ въ новомъ для нихъ городѣ. Согласись, что эта черта радушія вовсе не Петербургская, хотя все въ любезной Марьѣ Николаевнѣ, начиная съ наряда ея до ея прекрасной кареты и четверки лошадей, было настоящее Петербургское: я упоминаю тебѣ объ этомъ для того, что, судя по тому, что мы до сихъ поръ видѣли на здѣшнихъ улицахъ, изящность экипажей не есть еще такая обыкновенность въ Москвѣ, какъ у насъ въ Петербургѣ. Вообще, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во многихъ другихъ, касающихся изящества и даже чистоты, древняя Москва еще не можетъ сравниться съ молодымъ Петербургомъ. Но возвратимся къ нашей новой знакомой: она вѣрно будетъ однимъ изъ интересныхъ лицъ нашихъ Московскихъ расказовъ. Она живетъ вмѣстѣ съ

двоюродною сестрою своею, о которой такъ много добраго разсказывалъ намъ нашъ знаменитый знатокъ природы человѣческой, Г*. Стоитъ только услышать отъ него нѣсколько словъ объ этой уважаемой имъ женщинѣ, чтобы почувствовать сильное желаніе познакомиться съ нею. И вотъ это удовольствіе теперь предстоитъ намъ: Марья Николаевна пригласила насъ на обѣдъ завтра. Лиза особенно радуется новому знакомству нашему, потому что у этихъ двухъ примѣрныхъ сестеръ воспитывается общая племянница ихъ, пятнадцати-лѣтняя дѣвочка, которая, судя по качествамъ воспитательницъ и по тому, что разсказываютъ о ней, должна быть очень мила. Ты можешь представить себѣ, какъ пріятно будетъ для Лизы познакомиться съ нею, и вдругъ пріобрѣсть пріятельницу въ незнакомомъ ей городѣ.

Сегодня же у насъ опять была интересная встрѣча. Ты знаешь, что здѣсь въ Москвѣ проводитъ нынѣшнее лѣто наша добрая и больная Елена Михайловна. И Лиза,—которую она всегда такъ ласкала въ дѣтствѣ и ласкаетъ теперь — и я, никогда не перестающая удивляться въ ней тому истинному образцу наставницы, какой она такъ прекрасно представляла въ теченіи цѣ-

лыхъ двадцати лѣтъ, — нетерпѣливо желали увидѣть ее послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки. Мы знали, что она жила въ домѣ одной изъ бывшихъ многочисленныхъ воспитанницъ своихъ, на Замоскворѣчьи. Ты уже понимаешь теперь нѣсколько, гдѣ это Замоскворѣчье? Эта часть города, лежащая на другой сторонѣ Москвы рѣки, находится почти въ такомъ же отношеніи къ лучшимъ частямъ Москвы, какъ у насъ Петербургская сторона — къ Адмиралтейской. Съ нашей большой Дмитровки довольно далеко до Замоскворѣчья, и еще далѣе, до монастыря Донскаго, въ окрестностяхъ котораго намъ надобно было искать нашу милую Елену Михайловну. Вотъ мы съ Лизой и рѣшились отправиться въ это путешествіе въ самомъ легкомъ и любимомъ экипажѣ нашемъ, круглыхъ дрожкахъ, которые называютъ здѣсь довольно оригинально: *Пролётки*. Кстати о дрожкахъ: знаешь ли, какъ называются здѣсь простыя или обыкновенныя дрожки? *Калиберъ* или *калиберка*. Не отъ того ли одинъ путешественникъ - Французъ, смѣшивая это названіе съ названіемъ птички *Колибри*, увѣряетъ, что эти дрожки походятъ чѣмъ-то на *oiseau-mouche*?

Пролётки наши летѣли очень скоро. Мы проѣхали множество улицъ, прекрасный каменный мостъ черезъ Москву-рѣку, потому что Донской монастырь находится въ Замоскворѣчьи, и наконецъ въѣхали въ улицу, оканчивавшуюся монастыремъ. Эта улица особенно понравилась мнѣ: она очень широка, и по обѣимъ сторонамъ ея передъ домами большіе полисадники съ цвѣтами и самою прелестною зеленью Домики невелики, по большой части деревянные, но довольно красивы. Если бы эта улица не была необыкновенно-широка, то походила бы на которую нибудь изъ нашихъ улицъ въ полкахъ: Семеновскомъ или Измайловскомъ. Въ одномъ изъ этихъ хорошенькихъ домиковъ, мы нашли нашу больную. Вовсе не зная о нашемъ пріѣздѣ въ Москву, она чрезвычайно удивилась и обрадовалась. Хозяйки и пріятельницы ея — двѣ любезныя дамы, тётка и племянница, представляютъ въ себѣ и во всемъ окружающемъ ихъ столько кротка го, мирнаго и, можно сказать, благочестиваго счастія, что я порадовалась за бѣленькую Елену Михайловну: съ ея чистою, младенческою душою и болѣзненными страданіями надобно было отдохнуть въ этой отрадной обители ти-

шины послѣ двадцати лѣтнихъ трудовъ классной дамы Черезъ полчаса мы познакомились съ обѣими хозяйками, хотя сначала тётка довольно неласково посмотрѣла на меня, когда я откровенно расказала о непріятномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на меня грязною гостинницею Московскою. Она такъ благородно защищала Москву отъ нападеній моихъ, и въ сужденіяхъ своихъ показала такъ много просвѣщенной набожности, что я душевно полюбила ее. Набожность — сколько я могла уже замѣтить, — составляетъ отличительную черту въ характерѣ здѣшнихъ жителей Она натуральна, потому что они окружены очевидными свидѣтелями святости ихъ вѣрованій: драгоцѣнные остатки людей, посвятившихъ жизнь свою служенію Богу, понятно говорятъ о лучшихъ надеждахъ души человѣческой И отъ того, я думаю, здѣсь встрѣчается гораздо болѣе лицъ веселыхъ и спокойныхъ, нежели у насъ въ Петербургѣ, гдѣ всякой о чемъ нибудь хлопочетъ, и рѣдко съ надеждой на успѣхъ. Здѣсь же, можетъ быть, найдутся и такіе люди, которые считаютъ грѣхомъ много заботиться объ удобствахъ жизни, назначенной Богомъ для испытанія. Но я забыла о новыхъ пріятельницахъ нашихъ. Старшая,

сдѣлавъ намъ выговоръ за то, что случайная непріятность дурной гостинницы могла лишить насъ на нѣсколько часовъ счастія чувствовать себя въ священныхъ стѣнахъ Москвы, повела Лизу и меня въ свой прелестный и довольно большой садъ, полный цвѣтовъ, разсаженныхъ съ необыкновеннымъ вкусомъ. Младшая, между тѣмъ, нарѣзала намъ два прекрасные букета. Въ то время, когда мы гуляли по саду, раздался звонъ колокола въ Донскомъ монастырѣ. «Это къ *Достойнѣ*» сказала младшая изъ хозяекъ нашихъ: — «не угодно ли вамъ помолиться въ Донскомъ монастырѣ, и посмотрѣть его, какъ одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ?» Мы съ радостію приняли это предложеніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ часовни Иверской Божіей Матери, еще не были здѣсь ни въ одной церкви. Мы отправились тотчасъ же и въ нѣсколько минутъ дошли до монастыря. Что за величественная церковь! Я поражена была при самомъ входѣ въ нее. Вообрази себѣ огромнѣйшій иконостасъ, котораго живописные образа обложены кругомъ яркою позолотою, между тѣмъ какъ стѣны и двѣ четвероугольныя колонны, поддерживающія потолокъ и образующія своды этого величественно-пре-

лестнаго храма покрыты прекрасною живописью Итальянца Клаудіо. Куполъ такъ высокъ, что эти двѣ колонны, раздѣляющія церковь на три отдѣленія, почти теряются въ высотѣ. Между царскими дверьми и среднимъ изъ этихъ отдѣленій, виситъ огромнѣйшее паникадило изъ свѣтлаго серебра удивительной работы Все это вмѣстѣ представляетъ такъ много прекрасно-величественнаго, что признаюсь тебѣ, я была пріятно изумлена: послѣ Собора Св. Софіи въ Новгородѣ, я составила себѣ особенное понятіе о старинныхъ церквахъ нашихъ, и ожидала увидѣть и здѣсь нѣчто похожее на то. Конечно я забыла при этомъ случаѣ, что нѣсколько столѣтій раздѣляли эти двѣ церкви: Донской монастырь построенъ только въ 1591 году. Правда и этому уже болѣе 250 лѣтъ; но они вовсе незамѣтны въ этомъ прекрасномъ храмѣ, и можно было бы въ нынѣшнемъ же году построить точно такой же, не обижая наше девятнадцатое столѣтіе Злѣшніе монахи славятся своимъ пѣніемъ Самъ Архимандритъ наблюдаетъ за успѣхами ихъ въ этомъ прекрасномъ искуствѣ, столь необходимой принадлежности нашей церковной службы. Говорятъ, что здѣсь есть такой теноръ, какого не скоро най-

день гдѣ нибудь изъ Европейскихъ столицъ. Послѣ окончанія обѣдни мы ходили по кладбищу, окружающему церковь. Въ мирной тишинѣ его покоится много людей, посвященныхъ нѣкогда въ мірѣ громкія имена; здѣсь погребены: Фельдмаршалъ Князь Рѣпнинъ. Графъ Тормасовъ: И. И. Дмитріевъ: знаменитый Архіепископъ Амвросій, такъ великодушно принесшій жизнь свою на жертву отечеству, во время моровой язвы въ Москвѣ въ 1771 году; много Голицыныхъ, Долгорукихъ, Каменскихъ. Между этими важными памятниками мы видѣли одинъ особенно-замѣчательный: на небольшой деревянной колоннѣ лежали подъ стекляннымъ колпакомъ, сдѣланномъ въ видѣ шкапчика, киверъ и шпага простаго солдата. Съ любопытствомъ подошли мы къ этому необыкновенному памятнику и прочитали на одной сторонѣ его надпись:

«Здѣсь погребенъ Гренадеръ Лейбъ-Гвардіи
«Измайловскаго полка, Иванъ Трофимовъ.
«Товарищи поставили надъ нимъ сей камень,
«въ воспоминаніе жизни его, ознаменован-
«ной вѣрностью, мужествомъ и честью.

а на другой, стихи:

Отважный воинъ здѣсь въ могилу положенъ

За Б;га, родину, Домъ Царскій бился онъ,
И вѣрная рука съ ружьемъ не трепетала.
Отечество спѣшитъ ему свой даръ принесть:
Здѣсь уважаемы его остатки будутъ;
Сподвижники жъ, отдавъ ему послѣдню честь,
И въ мирѣ и войнѣ его не позабудутъ.

Къ описанію Донскаго монастыря надобно прибавить, милая сестрица, что онъ стоитъ на открытомъ и возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда одержана была побѣда надъ Крымскомъ Ханомъ *Менгли-Гиреемъ*, который при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ вступилъ насильственно въ Россію съ многочисленнымъ войскомъ, и дошелъ уже до окрестностей Москвы. На равнинѣ, окружающей и теперь Донской монастырь, стояло войско Русское. Царь, исполненный благоговѣнія къ чудотворной иконѣ Богоматери, поднесенной Донскими Казаками Великому Князю Димитрію Іоанновичу, и бывшей съ нимъ и на знаменитомъ для Русскихъ Куликовскомъ полѣ, приказалъ обнести ее около всего войска своего и служить молебны. Воины наши, исполненные надежды на помощь небесную, съ такою храбростію встрѣтили многочисленное войско Татарское, что Ханъ бѣжалъ отъ Москвы, и преслѣдуе-

мый Русскими возвратился въ Крымъ только съ третьею частью своихъ воиновъ.

Царь Ѳедоръ Іоанновичь, исполненный благодарности къ святой помощи, полученной имъ свыше, приказалъ построить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сраженіе — монастырь, и по Иконѣ *Донской Божіей Матери*, назвалъ его *Донскимъ*. Вотъ тебѣ, моя милая сестрица, разсказъ довольно подробный о монастырѣ Донскомъ, одномъ изъ первыхъ не только въ Москвѣ, но даже и во всей Россіи. Когда мы пріѣхали домой, Ольга Дмитріевна очень сожалѣла, что не ѣздила съ нами отыскивать Елену Михайловну, и потому не видѣла ни прекраснаго монастыря, ни милаго семейства, съ которымъ мы познакомились. Между тѣмъ и она за наши новости сообщила намъ свою, очень интересную для насъ теперь: пріятельница ея, Графиня В* пріѣхала на нѣсколько дней изъ деревни, и со всѣмъ добродушіемъ и любезностію, всегда отличающими эту милую Графиню, взяла на себя заботиться о томъ, чтобы мы видѣли все, что есть особенно-примѣчательнаго въ Москвѣ. Это обѣщаніе было для насъ очень полезно, потому что здѣсь пріѣзжимъ, и особенно лѣтомъ, нельзя увидѣть все

такъ легко, какъ у насъ въ Петербургѣ, и мы, безъ помощи Графини, не могли бы такъ скоро попасть въ Оружейную Палату, куда мы отправляемся завтра.

Сегодня же послѣ обѣда мы ходили въ Соборы Кремлевскіе. Это также нельзя сдѣлать такъ легко, какъ у насъ. Наши Петербургскія церкви всегда открыты, и во всякое время вы можете найти почти въ каждой изъ нихъ сторожа, который покажетъ вамъ все, что вы желаете видѣть въ ней; здѣсь же, напротивъ того, церковь запирается замками тотчасъ по окончаніи обѣдни и молебновъ, и ни для какихъ путешественниковъ не будетъ отворена до новой службы. Такимъ образомъ они должны пользоваться только этимъ временемъ для удовлетворенія своего любопытства, и отъ того въ церквахъ Московскихъ я не нашла той благоговѣйной тишины, какой ожидала отъ особенной набожности жителей: въ то время, когда одни усердно молятся, другіе ходятъ и разсматриваютъ стѣны, образа, слушаютъ разныя объясненія отъ монаховъ или церковно-служителей, и всѣ молящіеся, и даже самые священники такъ привыкли къ этому, что, кажется, не чувствуютъ отъ того ни малѣйшаго неу-

добства и, вовсе не развлекаясь проходящими мимо нихъ, продолжаютъ свои молитвы. Но насъ это очень поражало, и мы долго не рѣшались слѣдовать за проводниками нашими, когда они вели насъ иногда на самую средину церкви посмотрѣть на что нибудь любопытное въ то самое время, когда священникъ отправлялъ божественную службу.

Это — по моему — важное неудобство при осматриваніи здѣшнихъ столь любопытныхъ Соборовъ и церквей, соединяется съ другимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ перваго: все надобно осматривать очень скоро, потому что во время одной обѣдни или всенощной надобно перебывать въ нѣсколькихъ церквахъ; иначе путешественники, пріѣхавшіе въ Москву не на долго, могутъ не видѣть и половины того, что есть любопытнаго въ древнихъ Соборахъ ея. Такъ мы должны были сдѣлать сегодня вечеромъ: во время одной всенощной, мы были въ двухъ соборахъ: Успенскомъ и Благовѣщенскомъ

Благодаря Николая Дмитріевича, мы знаемъ теперь какъ съ пользою осматривать всѣ примѣчательности, которыхъ ожидаемъ увидѣть:

до осмотрѣнія, мы читаемъ описаніе того мѣста, которое отправляемся осматривать. Такъ и тебѣ я раскажу прежде о самомъ основаніи двухъ Соборовъ, видѣнныхъ нами сегодня, а потомъ уже поведу тебя смотрѣть на нихъ.

Успенскій Соборъ, этотъ знаменитѣйшій храмъ Русскихъ, первоначально основанъ въ 1325 году при В. К. Іоаннѣ Калитѣ Св. Митрополитомъ Петромъ, и потомъ вновь выстроенъ въ 1479-мъ тѣмъ же Архитекторомъ Аристотелемъ, который строилъ и новыя стѣны Кремля по приказанію Іоанна III-го. Іоаннъ же Грозный въ 1560-мъ году, послѣ страшнаго пожара, опустошившаго Москву, покрылъ Успенскій Соборъ мѣдными золочеными листами. Первый основатель этого Собора Св. Митрополитъ Петръ, назначилъ его быть *Усыпальницею* (мѣстомъ погребенія) всѣхъ главъ Русской церкви, т. е. всѣхъ Патріарховъ, Митрополитовъ и Архіепископовъ. Здѣсь также съ самаго основанія Собора происходило бракосочетаніе Великихъ Князей и происходитъ до нынѣ вѣнчаніе на царство Царей нашихъ. Стало быть, всѣ важнѣйшія перемѣны въ духовной и гражданской жизни предковъ нашихъ совершались здѣсь, думала я, подходя къ священнымъ стѣнамъ Успенскаго Собора.

Не могу описать тебѣ того чувства благоговѣнія, какое овладѣло мною при входѣ въ эту церковь. Мнѣ казалось, что всѣ событія, нѣкогда совершившіяся здѣсь, оживаютъ передъ глазами моими. И можетъ быть отъ того, что я дала имъ слишкомъ много жизни, внутренность храма показалась мнѣ недовольно оживленною Она походитъ на внутренность Софійскаго Собора въ Новгородѣ: тѣ же толстыя стѣны, таже мрачность отъ стѣнной живописи по золотому полю. Но это впечатлѣніе перваго взгляда: разсмотрѣвъ внимательнѣе, узнаешь цѣну драгоцѣнностей, здѣсь собранныхъ. Прежде всего я скажу тебѣ, что иконостасъ здѣшній представляетъ всю *Вселенскую* церковь, начиная съ Праотцевъ и Патріарховъ до Спасителя и Его Апостоловъ. Въ большомъ куполѣ Господь Вседержитель, окруженный небесными Ангелами; на столпахъ храма, вы видите Мучениковъ, на стѣнахъ Дѣянія Святыхъ Апостоловъ и разныя притчи изъ Евангелія. Николай Дмитріевичъ разсказалъ намъ для чего во всѣхъ старинныхъ церквахъ нашихъ въ такомъ употребленіи была эта живопись по стѣнамъ: въ первыя времена христіанства немногіе умѣли читать, а между тѣмъ

всѣхъ надобно было просвѣщать въ законѣ Божіемъ, вотъ для того и придумано было прекрасное средство: представлять главныя событія церкви Христіанской на стѣнахъ храмовъ, чтобы молящіеся могли какъ по книгѣ читать исторію божественнаго закона. Въ наши древнія церкви перешло это обыкновеніе отъ восточныхъ христіанъ. Впрочемъ, и въ Галліи Соборные храмы, называвшіеся *базиликами*, имѣли такое же устройство. Всѣ наши Соборы въ Кремлѣ построены въ этомъ родѣ. Нижній рядъ образовъ иконостаса въ Успенскомъ Соборѣ особенно примѣчателенъ потому, что въ немъ можно видѣть исторію постепеннаго образованія разъединенныхъ Княжествъ Русскихъ въ одно стройное, великое цѣлое: это рядъ мѣстныхъ драгоцѣнныхъ иконъ удѣльныхъ Княженій Владимірскаго, Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и др. По мѣрѣ покоренія или присоединенія ихъ къ Великому Княжеству Московскому, драгоцѣнѣйшія святыни ихъ, древнія и чудотворныя иконы, переносились въ святилище храма Успенія, какъ будто залогами вѣрности новыхъ подданныхъ Государя единодержавнаго. Такихъ иконъ видѣли мы здѣсь девять. Самою примѣчательною для меня была —икона

Владимірской Богородицы. Она называется также *Пирогощей* и извѣстна въ исторіи какъ драгоцѣнность, привезенная въ Владиміръ В. К. Андреемъ Боголюбскимъ. Извѣстно по преданіямъ, что она писана Евангелистомъ Лукою. Есть еще одна икона: *Всемилостиваго Спаса*, писанная Греческимъ Императоромъ Мануиломъ. Эта—Новгородская.

Кромѣ этихъ драгоцѣнностей, въ Соборѣ Успенскомъ почиваютъ мощи Св Митрополитовъ Московскихъ: *Петра*, *Іоны*, *Филиппа* и другихъ. Мы успѣли приложиться ко всѣмъ, потому что путешественники при самомъ входѣ въ церковь, встрѣчаютъ здѣсь нѣсколько человѣкъ проводниковъ, которые предлагаютъ имъ свои услуги показать все что есть любопытнаго въ церквѣ. Но къ сожалѣнію мы не могли остановиться надолго въ Успенскомъ Соборѣ, чтобы успѣть взглянуть и на другой.

Благовѣщенскій лежитъ чрезъ площадь отъ Успенскаго. Онъ основанъ въ 1397 году В. К. Васильемъ Дмитріевичемъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ того, онъ разобранъ и снова опять построенъ, а въ 1508 году расписанъ *Русскимъ* мастеромъ Эдикѣевымъ съ братіею. Встарину этотъ храмъ походилъ на домашнюю церковь Двора Царскаго, и назывался: *Благовѣщеніе*

у Государя на сѣняхъ. Протопопъ Благовѣщенскій всегда былъ Духовникомъ Великихъ Князей. Онъ же крестилъ Новорожденныхъ ихъ въ Чудовомъ монастырѣ обручалъ и вѣнчалъ Великихъ Князей и Княженъ въ Успенскомъ Соборѣ. По многимъ драгоцѣннымъ остаткамъ замѣтно, что Соборъ Благовѣщенскій былъ любимомъ храмомъ старинныхъ Государей нашихъ: объ украшеніи его они особенно заботились. Помостъ церковный сдѣланъ изъ плитъ разноцвѣтной яшмы; стѣны паперти покрыты живописью, въ изображеніяхъ которой мы съ удивленіемъ увидѣли и Сивиллъ, и Философовъ Греческихъ. Вѣроятно они представлены здѣсь, какъ люди имѣвшіе нѣкоторое предчувствіе о Рождествѣ Спасителя.

Я уже сказала тебѣ, что внутреннее устройство Церквей Кремлевскихъ почти во всемъ одинаково, и потому не буду потворять того, что ты уже знаешь. Въ Благовѣщенской церкви мы были не долго: всенощная оканчивалась, и мы вскорѣ должны были окончить и наше разсматриваніе. Я успѣла однакожъ замѣтить разницу въ тѣхъ двухъ столпахъ, которые обыкновенно поддерживаютъ своды церкви: на одномъ изъ нихъ въ Соборѣ Благовѣщенскомъ виситъ

множество довольно большихъ крестовъ, чего совсѣмъ нѣтъ въ Успенскомъ; проводникъ нашъ сказалъ, что тутъ 60 крестовъ и что всѣ они носились нѣкогда Великими Князьями и Царями сверхъ священныхъ бармъ ихъ.

Вышедши изъ Кремля, мы гуляли нѣсколько времени по саду, устроенному на мѣстѣ бывшаго нѣкогда рва Кремлевскаго, на одной изъ сторонъ треугольника, составляющаго Кремль. Здѣсь кстати сказать тебѣ, что этотъ треугольникъ обращенъ одною стороною къ Москвѣ-рѣкѣ, другою — къ Гостинному Двору, а третьею—къ тому саду, въ которомъ мы гуляли вчера, и который называется *Кремлевскимъ*. Онъ прекрасно устроенъ, и расположенный у самаго подножія высокой стѣны Кремлевской, представляетъ необыкновенный видъ. Свѣжая зелень его прелестно рисуется на бѣлыхъ вѣковыхъ камняхъ, такъ гордо возвышающихся надъ нимъ. Публика, гулявшая здѣсь сегодня походила на ту, которая гуляетъ у насъ въ Лѣтнемъ саду, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда всѣ уже давно разъѣхались по дачамъ.

27 *Іюля*. Обѣдня въ Кремлевскихъ Соборахъ бываетъ очень рано: въ 8 часовъ. Мы отправились туда сегодня, прямо въ Соборъ Ар-

хангела Михаила. Лиза съ величайшимъ нетерпѣніемъ желала видѣть этотъ Соборъ, потому что тамъ почиваютъ мощи Царевича Димитрія Давно уже она съ особеннымъ участіемъ читала исторію объ этомъ Святомъ Младенцѣ, и радовалась еще въ Петербургѣ, когда узнала что въ Москвѣ увидитъ мощи Его. Отрадно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ радостнымъ трепетомъ, эта чистая, младенческая душа приближалась къ тому Ангелу, который съ небесъ конечно съ такою же радостію смотрѣлъ на нее въ эти минуты. Съ чѣмъ можно сравнить сладостный союзъ который соединяетъ молитвою души дѣтей, этихъ ангеловъ земныхъ, съ непорочными душами Ангеловъ небесныхъ! Я увѣрена, что Лиза долго, долго въ жизни своей не позабудетъ тѣхъ минутъ, которыя протекли для нея у гробницы Св. Димитрія. - Глаза ея блистали такимъ небеснымъ огнемъ, а на щекахъ горѣлъ такой прекрасный румянецъ, что нельзя было не позавидовать ея священному счастію во все то время, пока мы служили молебенъ Царственному Мученику. Гробница Его устроена противъ самыхъ Царскихъ дверей, у праваго столпа. На внутренней сторонѣ крышки

гроба написанъ масляными красками портретъ Царевича съ брилліантовою короною на головѣ. Нельзя безъ душевнаго умиленія смотрѣть на этотъ портретъ; нельзя безъ глубокаго чувства любви и благоговѣнія прикладываться къ прославленнымъ остаткамъ святаго маленькаго Князя: около Него разливается какое-то особенное спокойствіе, какая-то особенная сладость для души.

Въ священникѣ, служившимъ намъ молебенъ, мы нашли образованнаго указателя многихъ рѣдкостей, хранящихся въ Соборѣ Архангельскомъ, и усерднаго проводника ко всѣмъ гробницамъ Царей и Великихъ Князей, покоящихся въ этой Царской *Усыпальницѣ*. Всѣхъ гробницъ пятдесятъ-три. Здѣсь слышали мы всѣ Царскія имена, начиная отъ Іоанна Даніиловича Калиты, основателя Собора, до Императора Петра II-го На стѣнахъ подлѣ гробницъ, сдѣланы огромныя живописныя изображенія погребенныхъ, а портреты Царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, написаны точно такою живописью, какою пишутъ образа Съ особеннымъ чувствомъ остановились мы у гробницы Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Она стоитъ отдѣльно отъ другихъ въ маленькомъ придѣлѣ, довольно темномъ. Эта мра-

чность дѣлаетъ еще мрачнѣе воспоминаніе о Грозномъ Государѣ. Подлѣ гробницы его стоятъ двѣ другія: двухъ сыновей его. Портретъ Грознаго, освѣщенный тусклымъ полусвѣтомъ маленькаго придѣла блѣденъ и такъ же мраченъ, какъ все окружающее гробницу его. Лиза, постоявъ нѣсколько минутъ у гробницы, противъ портрета, сказала мнѣ тихонько: «Я не желала бы остаться здѣсь одна, пойдемъ-те лучше посмотрѣть еще разъ на Димитрія!» Я была совершенно согласна съ ней, но намъ надобно было остаться у этой гробницы еще на нѣсколько времени: добрый священникъ, предложившій намъ себя въ указатели рѣдкостей Архангельскаго Собора, вынесъ намъ сюда изъ алтаря Псалтирь, писанную за 300 лѣтъ назадъ и подаренную въ этотъ Соборъ Конюшимъ-боярином Дмитріемъ Годуновымъ, на память Царя Іоанна Грознаго. Въ собственноручной надписи по листамъ книги боярин объясняетъ, по какому случаю дѣлаетъ этотъ подарокъ. Еслибъ ты видѣла, какой почеркъ у этаго перваго вельможи того времени! Послѣ этой Псалтири показали намъ Евангеліе писанное за 800 лѣтъ. Но лучшую вещь въ этомъ родѣ видѣли мы сегодня же въ

Патріаршей Ризницѣ, куда мы пошли изъ Собора Архангельскаго. Это огромнѣйшее Евангеліе, прекрасно-переписанное печатными буквами Царевною Татьяною Михайловною, сестрою Царя Алексѣя Михайловича Смотря на этотъ—можно сказать,—исполинскій трудъ для женщины, на это неутомимое терпѣнье выводить перомъ каждую букву съ такою отчетливостію, что она нисколько не отходитъ отъ литой печати, и поддержать это терпѣніе съ первой страницы до послѣдней — это такое чудо для нашего нетерпѣливаго XIX вѣка, что я почувствовала невольное благоговѣніе къ удивительной Царевнѣ.

Богатство и драгоцѣнности Патріаршей Ризницы могутъ назваться изумительными: нѣсколько сотень тысячь стоили одежды и шапки Патріарховъ и Митрополитовъ. Особенною пышностію отличается все, что принадлежало Никону. У него была здѣсь и домовая церковь. Она существуетъ и до сихъ поръ, и въ ней каменное Патріаршее мѣсто его Кромѣ этихъ вещей, принадлежавшихъ высшему духовенству нашему тѣхъ временъ, въ Ризницѣ есть много разной золотой и серебряной посуды, принадлежавшей или Соборамъ или Царскому Дому.

Замѣчательнѣе и красивѣе всѣхъ этихъ старинныхъ вещей показались мнѣ огромные три котла серебряные и жарко вызолоченные, присланные Императрицею Екатериною, для варенія мура. Около нихъ стояло много другихъ большихъ запечатанныхъ сосудовъ въ видѣ вазъ. Въ нихъ хранится муро, которое разсылается отсюда по всей Россіи.

Изъ Ризницы отправились мы въ Оружейную Палату, чтобы въ одно утро видѣть почти все, что представляетъ любопытнаго Кремль. Намъ хотѣлось узнать прежде всѣ священныя драгоцѣнности Москвы и потомъ уже отправиться смотрѣть другія примѣчательности ея, что ожидало насъ въ тотъ же день, потому что мы приглашены были обѣдать у нашихъ новыхъ знакомыхъ, которые сбирались въ тотъ же день везти насъ куда-то.

Въ Оружейной Палатѣ сохраняются всѣ драгоцѣнности Царей Московскихъ, уцѣлѣвшія послѣ всѣхъ тѣхъ различныхъ бѣдствій, которыя вытерпѣла Москва въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ своего существованія. Когда вообразишь сколько было въ ней пожаровъ, междоусобныхъ войнъ, непріятельскихъ нашествій, и другихъ несчастій то удивишься, какъ могли уцѣлѣть

эти груды серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыя собраны здѣсь въ четырехъ огромныхъ комнатахъ, или лучше сказать, галлереяхъ Оружейной Палаты. Въ этомъ собраніи рѣдкостей разныхъ родовъ и разныхъ вѣковъ, прекраснѣе всего показалась мнѣ золотая корона или шапка Мономаха, которою вѣнчаются на Царство Государи наши: совершенство работы и необыкновенно - прекрасный цвѣтъ золота такъ хороши до сихъ поръ, что затмѣваютъ собою блескъ другихъ коронъ, тутъ же стоящихъ и — по числу каменьевъ — можетъ быть болѣе драгоцѣнныхъ. Бармы, вмѣстѣ съ нею присланныя изъ Греціи, уже не такъ хороши: они сдѣланы совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, и густо покрыты изумрудами и рубинами. Они тотчасъ поражаютъ какимъ-то страннымъ вкусомъ старины, между тѣмъ какъ корона представляя самую тонкую филигранную работу въ золотѣ можетъ поспорить въ красотѣ со многими нынѣшними вещами.

Невозможно было бы для меня расказать тебѣ и о десятой части того, что мы видѣли въ Оружейной Палатѣ, и потому я скажу тебѣ по крайней мѣрѣ о томъ, какъ указатели древностей раздѣляютъ сокровища ея. У насъ была

съ собою книжечка, по которой мы нашли почти каждую замѣчательную вещь. Всё раздѣляется на *четыре* отдѣленія.

Въ *первомъ* находятся:

1. *Милосердіе Божіе и благословенія* Великихъ Князей и Царей Русскихъ: древнія иконы и кресты съ мощами и безъ мощей.
2. *Царскій санъ* или регаліи, становыя и коронованьныя одежды Великихъ Князей, Царей и Императоровъ Русскихъ.
3. Государственные: мечь, знамя и щитъ; Государственная печать и принадлежности коронаціи.
4. Разныя оборонныя принадлежности къ одеждамъ Царскимъ, драгоцѣнныя украшенія и разныя вещи.

Во *второмъ* отдѣленіи:

Царская броня и оружіе.

Въ *третьемъ*:

Древняя Царская посуда: золотая, серебряная, яшмовая, сердоликовая, перломутовая, костяная, хрустальная, и разныя другія вещи.

Въ *четвертомъ*:

Старинные экипажи.

Я уже сказала тебѣ, что въ 1-мъ отдѣленіи всего болѣе поразила меня изящная красота

короны Мономаховой. Во второмъ интереснѣе всего былъ *шлемъ Александра Невскаго*. Онъ украшенъ драгоцѣнными каменьями и называется *Ерихонскимъ*. Думаютъ, что онъ принадлежалъ нѣкогда которому нибудь изъ Царей Грузіи.

Въ третьемъ отдѣленіи много любопытнаго, но я болѣе всего удивлялась огромнымъ бокаламъ, какіе подавались встарину при столахъ, и выпивались людьми такими же, какъ нынѣшніе: теперь это кажется невѣроятнымъ.

Въ четвертомъ отдѣленіи мы видѣли такія кареты, какихъ вѣроятно ты никогда не увидишь, если не пріѣдешь сюда.

Здѣсь есть карета Англійская. Эта была *первою* привезенною въ Россію отъ Королевы Елисаветы въ подарокъ Борису Ѳедоровичу Годунову. Не могу описать тебѣ какая она пресмѣшная теперь. Не знаю сколько лошадей возили ее: она такъ огромна, что развѣ только десять тронутъ ее съ мѣста. Снаружи она вся расписана живописью и позолочена.

Еще замѣчательна карета Патріаршая съ слюдовыми окнами. Хотя она также четверомѣстная, но полегче и по моему граціознѣе Англійской.

Здѣсь есть еще огромная линейка въ которой Императрица Елисавета Петровна совершила путешествіе изъ Петербурга въ Москву для коронованія.

Наконецъ мы видѣли тамъ очень старую дѣтскую карету, обитую тисненою золотою кожею съ слюдными окошечками.

Это было послѣднею рѣдкостью, которою мы любовались въ Оружейной Палатѣ.

Прощай, милая сестрица, сбираемся на обѣдъ. Марья Николаевна сама заѣдетъ за нами. Привозить и отвозить пріѣзжихъ въ своихъ экипажахъ — это уже правило Московскаго радушнаго гостепріимства.

МОСКОВСКІЙ ДЕНЬ. — ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ и МАГАЗИНЫ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, милая сестрица, я остановилась на половинѣ того дня, который назвала здѣсь *Московскимъ*. Въ самомъ дѣлѣ съ ранняго утра до вечера онъ былъ полонъ характера Московскаго. Въ 8 часовъ утра у обѣдни въ Кремлѣ, — потомъ древности Соборовъ и Патріаршей ризницы, Оружейная палата со всѣми своими рѣдкостями, по большой части Московскими. Это до трехъ часовъ. Въ три — у нашего крыльца остановилась прекрасная карета и намъ пришли сказать, что Марья

Николаевна ожидаетъ насъ вмѣстѣ съ кузиной своей — Аполлиной Ивановной, которая у нихъ главная хозяйка въ домѣ. О ней я уже говорила тебѣ немножко. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось видѣть эту интересную женщину. Я нашла въ ней точно то, чего ожидала по разсказамъ: необыкновенное добродушіе на лицѣ еще прекрасномъ, не смотря на немолодыя уже лѣта и слабость здоровья; привлекательная простота въ обращеніи и что-то дружеское съ первыхъ минутъ свиданія вѣроятно пріобрѣтаютъ ей всѣ сердца такъ же скоро, какъ она овладѣла нашими. Не говоря уже о насъ съ Ольгой Дмитріевной, которыя расположены были полюбить ее съ перваго свиданія, и Лиза почувствовала тоже самое, и тѣмъ нетерпѣливѣе желала увидѣть племянницу ея, Вѣрпиньку, которой не было въ каретѣ. Такъ какъ день былъ не-праздничной, то она оставалась дома за уроками, которыхъ у пятнадцати лѣтнихъ дѣвушекъ Московскихъ обыкновенно бываетъ такъ же много, какъ и у Петербургскихъ. Но мы уже говорили о ней почти съ первыхъ минутъ знакомства нашего въ каретѣ: нѣжныя воспитательницы ея, и особенно старшая — Аполлина Ивановна, чув-

ствуютъ, кажется, родъ обожанія къ этой счастливой дѣвочкѣ Разговоръ нашъ во все продолженіе ѣзды отъ Дмитровки до Калужскихъ воротъ на Замоскворѣчьѣ шелъ на языкѣ Французскомъ. Я нѣсколько разъ заводила Русскую рѣчь, но новыя пріятельницы наши, не отъ нехотѣнія говорить на своемъ языкѣ, но отъ укоренившейся привычки, безпрестанно возвращались къ Французскому. Не досадно, но больно мнѣ видѣть эту привычку у людей съ истинно-Русскою душою. При такихъ случаяхъ я никогда не могу удержаться отъ мысли: «Кому на радость отступаемся мы отъ роднаго языка нашего и присвоиваемъ себѣ чужой во все не подходящій ни подъ нравы, ни подъ чувства наши?» Но милая разговорчивость Аполлины Ивановны и Марьи Николаевны не дала мнѣ времени задуматься объ этомъ всегда-грустномъ для меня предметѣ: надобно было участвовать въ разговорѣ, тѣмъ болѣе что наша добрая Ольга Дмитріевна, какъ тебѣ извѣстно, бываетъ чрезвычайно молчалива при всякомъ новомъ знакомствѣ.

Быстро летѣли мы по тѣмъ же улицамъ, по которымъ за день передъ тѣмъ ѣздили съ Лизой къ монастырю Донскому: домъ Аполлины

Ивановны также въ окрестностяхъ этого монастыря. Этотъ домъ можно назвать прелестной игрушкой. Простая, низенькая и сѣренькая наружность его придаетъ неожиданностію тѣмъ болѣе блеска тому изяществу, которымъ отличается его внутренность, начиная съ самой лѣстницы, покрытой краснымъ ковромъ и уставленной душистыми цвѣтами и зеленью. По этой лѣстницѣ ты можешь судить и о комнатахъ: въ нихъ все—обои, полы бѣлыя мраморныя колонны у дверей гостиной, разнаго рода прелестныя козетки, кушетки, кресла, перегородки изъ плюща, однимъ словомъ, все что только увидѣли мы предъ собою, напомнило мнѣ удивлявшій насъ нѣкогда храмъ роскоши и вкуса нашей милой Е. М. Особенно понравились мнѣ двѣ хорошенькія и уютныя спальни обѣихъ сестеръ. У старшей, Аполлины Ивановны, спитъ и Вѣрнька, которую наконецъ мы увидѣли. Я отгадала, что она и Лиза скоро подружатся: онѣ такъ походятъ другъ на друга своими еще чисто-дѣтскими душами, свѣтлыми мыслями, сердечною нѣжностію. Даже застѣнчивость Лизы, это качество, доходящее у ней иногда до недостатка, — отсвѣчивается и въ Вѣринькѣ. Смѣшно было смотрѣть

на первое знакомство этихъ двухъ дѣвочекъ: обѣихъ не смотря на 15-ти лѣтній возрастъ ихъ — можно было принять за совершенныхъ дѣтей. Обѣ покраснѣли, долго были молчаливы, и если бы не молоденькая Англичанка, взятая Аполлиной Ивановной въ компаніонки для Вѣрпньки, — наши двѣ Русскія дѣвочки и до вечера бы не разговорились. Въ этомъ надобно отдать преимущество иностранцамъ: дѣвушка съ самымъ обыкновеннымъ воспитаніемъ у нихъ въ этомъ случаѣ гораздо ловче и развязнѣе нашихъ, самыхъ лучшимъ образомъ воспитанныхъ. Можетъ быть это происходитъ отъ натуральной скромности характера Русскаго. Какъ бы то ни было, только если бы не говорливая Мери — наши Вѣрпнька и Лиза долго бы еще молчали не смотря на свое желаніе заговорить между собою дружески.

За обѣдомъ нельзя было не дивиться Московскому гостепріимству, Русскому радушію, и нѣкотораго рода роскоши, безъ которой, Русскіе, кажется никогда обойтиться не могутъ. Въ этомъ случаѣ болѣе всего поразило меня то множество слугъ, которое стояло у насъ за столомъ, и отъ котораго въ Петербургѣ мы уже начинаемъ отвыкать. Вообрази что всѣхъ

ихъ было, если я не ошиблась, восемь, не считая еще маленькаго мальчика лѣтъ 9 или 10 которой также помогалъ имъ, а насъ за столомъ не было и 12 человѣкъ.

Послѣ обѣда любезныя хозяйки наши предложили намъ ѣхать гулять въ Александрійскій садъ. Этотъ садъ и великолѣпный въ немъ домъ принадлежали прежде Графинѣ Орловой-Чесменской, а теперь Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Съ нимъ же соединенъ нынѣ и садъ Нескучной. Это одно изъ лучшихъ гуляній Москвы. Но какъ мы не замѣтили въ немъ ничего оригинально-Московскаго, — можетъ быть отъ того что не долго были тамъ— то я и не буду описывать тебѣ его подробно. Сказать развѣ нѣсколько словъ о томъ, какихъ трудовъ намъ стоило попасть туда. Мы забыли взять съ собою билетъ для входа, и хотя вспомнили о томъ дорогою, но Марья Николаевна, сопровождавшая насъ на это гулянье, увѣрена была что насъ пропустятъ и безъ того, потому что уже около году она ѣздитъ туда. Но не тутъ-то было! Никто изъ людей, приставленныхъ къ двумъ входамъ въ садъ, ни даже самъ караульный офицеръ стоящей тутъ гауптвахты, не имѣли дозволенія впустить

насъ безъ билета, и мы должны были послать за нимъ нашего форрейтера на его верьховой лошади. Болѣе получаса прошло, пока онъ возвратился, и мы все это время прохаживались по аллеи передъ самымъ входомъ. Къ намъ присоединился какой то Петербургскій Генералъ, которому также хотѣлось взглянуть на садъ; но и его важные эполеты не произвели лучшаго дѣйствія, и ему отказано было въ дозволеніи войти такъ же какъ и намъ. Наконецъ съ восхищеніемъ увидѣли мы возвращающагося къ намъ нашего форрейтера. Высокій лакей нашъ съ торжествомъ показалъ солдату, стоящему у входа, билетъ, и уже готовъ былъ отворить намъ завѣтную калитку, какъ вдругъ солдатъ, посмотрѣвъ на билетъ, произнесъ снова свое рѣшительное: »Никакъ-нѣт-съ, Ваше Превосходительство, по этому билету нельзя впустить: это письменный — а надобно печатный.» Какова же была досада наша и того Генерала, къ которому солдатъ, изъ особеннаго уваженія, отнесся прежде, нежели къ намъ. Надобно же было случиться, что изъ дворцовой конторы Александрійскаго сада начали вдругъ выдавать печатные билеты, а у насъ былъ прежній письменный. Генералъ не имѣлъ терпѣнія дожи-

даться и ушелъ не видавъ сада; мы же, рѣшившись по убѣжденію Марьи Николаевны во чтобы то ни стало добиться впуска, остались снова дожидаться, пока билетъ нашъ снесли въ контору, тамъ засвидѣтельствовали, что онъ принадлежитъ тѣмъ самымъ лицамъ, кому данъ, и наконецъ впустили насъ. Мы посмотрѣли на часы: ровно часъ съ четвертью провели мы у входа! Уже начинало смеркаться, когда мы вошли въ садъ, и потому едва имѣли время пройти по главнымъ аллеямъ его и Нескучнаго. Отъ того можетъ быть я и не замѣтила въ немъ ничего особеннаго: онъ одинъ изъ того множества прекрасныхъ садовъ Царскихъ, къ красотамъ которыхъ мы уже привыкли: они одинаковы въ Петербургѣ и Москвѣ.

Возвратясь къ Аполинѣ Ивановнѣ, которая по слабому здоровью своему, не ѣздила съ нами, мы окончили вечеръ какъ часто оканчиваютъ его въ Москвѣ: всенощною въ честь завтрашняго праздника. Праздникъ былъ Смоленской Божіей Матери, которой особенно-уважаемый образъ есть у Аполлины Ивановны. Двѣ почтенныя дамы, обѣ Графини, пріѣхали молиться вмѣстѣ съ нею въ этотъ вечеръ, и прекрасная зала, гдѣ утромъ восхищались мы вкусу и роскоши, пре-

вратилась теперь въ маленькій храмъ молитвы. Окруженный свѣжею зеленью плюща красиво-вившагося по стѣнѣ и окнамъ этой комнаты, освѣщенный блескомъ свѣчь, золотой образъ сіялъ какъ будто лучами яркаго солнца, и предъ нимъ съ благоговѣніемъ склонялось цѣлое семейство. Мнѣ понравилась эта картина, полная благочестія и спокойствія. Она напоминала что-то не-нынѣшнее, какъ будто бы навѣянное изъ прежнихъ временъ Москвы, когда предки наши, подъ защитою непоколебимой вѣры къ Богу, сильные своею крѣпкою надеждою на милость Его, счастливые утѣшительною молитвою къ Нему, жили не зная и половины того горя и бѣдъ, которыя теперь такъ часто терзаютъ жизнь нашу. Я думаю это происходитъ отъ того, что люди вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ пріобрѣтаютъ какую-то самонадѣянность, которая безъ помощи Божественнаго Руководителя—всегда увлекаетъ ихъ къ заблужденіямъ. Этого не знали простодушные предки наши, а изъ насъ еще немногіе достигли до счастія соединить съ просвѣщеніемъ — истинное благочестіе и набожность. Отъ того это рѣдкое явленіе и производитъ сильное и утѣшительное впечатлѣніе.

По окончаніи службы, всѣ присутствующіе набожно приложились къ Святому образу Матери Божіей Одна изъ Графинь—уже слабая старушка, была изъ Петербурга: она пріѣхала въ Москву только для того, чтобы съѣздить въ Троицко-Сергіевскую Лавру помолиться Чудотворцу, почиваюшему тамъ и глубоко уважаемому всей Россіей. Ужасныя дороги удерживали ее до сихъ поръ отъ этаго путешествія, и теперь она еще въ нерѣшимости ѣхать или нѣтъ? Говорятъ, что дороги за Москвою и даже та, которая ведетъ въ знаменитую Лавру, безпрестанно посѣщаемую богомольцами, такъ дурны, что экипажи утопаютъ въ грязи и глинѣ и жители деревень, лежащихъ въ окрестностяхъ, безсовѣстно пользуются всякаго города бѣдствіями, какія могутъ постигать путешественниковъ, богатыхъ и бѣдныхъ, по такой дорогѣ, и берутъ съ нихъ въ десятеро за всякую услугу, какую случится имъ оказать или экипажу ихъ, или имъ самимъ. Для богатой, Петербургской Графини нашей не страшны были эти послѣднія непріятности, но она боялась ухабовъ, ямъ и обширныхъ лужъ, которыми усѣяна во всѣ стороны за-Московская дорога. Набожная старушка горевала объ этомъ

во все время, пока мы послѣ всенощной пили чай въ прелестномъ салонѣ Аполлины Ивановны. Къ удивленію моему за этимъ чаемъ не было самовара, чего я совсѣмъ не ожидала въ Москвѣ: чай поданъ былъ по Англійскому обыкновенію въ двухъ серебряныхъ чайникахъ, изъ которыхъ разливала его самая любезная хозяйка — Марья Николаевна. Но мы сидѣли не по Англійскому обыкновенію, такъ пріятно соединяющему всѣхъ за однимъ, большимъ столомъ: мы, напротивъ того, сидѣли въ разныхъ мѣстахъ за нѣсколькими маленькими. Это размѣщеніе имѣло однакожъ свою пріятность: нѣсколько интересныхъ группъ стоятъ одного большаго общества. Главный кружокъ составлялся изъ старшихъ дамъ около Аполлины Ивановны; второй — у столика, гдѣ сидѣла за чайною работою Марья Николаевна: въ третьемъ — были: гувернантка Вѣриньки и компаньёнки Графинь; четвертый — самый интересный, блестѣлъ молодостію, счастіемъ и дѣтскою веселостію: онъ состоялъ изъ Вѣреньки, Мери и Лизы. Къ нимъ присоединился и нашъ *милый дяденька*, какъ зоветъ его Лиза, — Николай Дмитріевичъ, и ничего не могло быть живѣе и пріятнѣе этой бесѣды. Николай Дмитріевичъ

въ одно время училъ, игралъ и забавлялъ Такъ всегда съ нимъ бываетъ, когда онъ попадется въ молоденькое общество, и на этотъ разъ тѣмъ болѣе, потому что всѣ миленькія, и почти можно сказать *маленькія* дамы его были умны и любезны еще безъ всякихъ притязаній на умъ и любезность. Забавно было и для насъ съ Марьей Николаевной вслушиваться иногда въ разговоры его съ ними: онъ былъ настоящій Лондонскій Англичанинъ — съ Мери; Парижанинъ съ Вѣринькой, потому что она говоритъ большею частію по Французски, и — Финляндецъ съ Лизой, которая чрезвычайно любитъ заставлять его говорить по Шведски, а иногда и по Фински. Не слышавъ, невозможно представить себѣ, съ какою натуральностію онъ говоритъ на всѣхъ этихъ языкахъ: въ самомъ дѣлѣ думаешь что это болтаетъ то Англичанинъ, то Французъ, то Шведъ. Всѣ наши Московскіе знакомые очарованы имъ тѣмъ болѣе, что здѣсь кажется гораздо менѣе мущинъ, нежели въ нашихъ Петербургскихъ обществахъ. Мы покрайней мѣрѣ замѣтили это уже не въ первый разъ сегодня, когда Николай Дмитріевичъ былъ единственнымъ кавалеромъ нашего многочисленнаго дам-

скаго общества, если не считать Валеріана и маленькаго брата Вѣриньки, двѣнадцати-лѣтняго премилаго мальчика Лоло. Это и неудивительно: здѣсь нѣтъ ни многочисленной гвардіи нашей, ни Министерствъ, которыхъ департаменты заключаютъ въ себѣ такое множество чиновниковъ. Даже на улицахъ попадается болѣе женщинъ, нежели мущинъ. Особенно замѣтно это въ отношеніи военныхъ: здѣсь во все не встрѣчаешь ни офицеровъ, ни солдатъ. Намъ, привыкшимъ къ военному Петербургу, показалось это удивительно съ перваго же дня.

Музыкой занимаются и здѣсь съ такимъ же усердіемъ, какъ у насъ Петербургѣ: маленькой Лоло играетъ прелестно на фортопьяно. Мы заслушались его, когда онъ по просьбѣ новаго пріятеля своего, Валеріана, принялся фантазировать на прекрасномъ роялѣ сестры своей. Эта фантазія, очень музыкально-сочиненная и разыгранная маленькимъ виртуозомъ, заключила Московской день нашъ. Мы уѣхали домой въ 11-мъ часу, и разстались съ милыми хозяйками, уговорившись завтра ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Гостиный Дворъ.

28-е *Іюля*. Если ты устаешь иногда, милая сестрица, отъ ходьбы по лавкамъ нашего Го-

стинаго Двора, то что бы сказала ты, походивъ по здѣшнему? Это великанъ въ сравненіи съ нашимъ. Впрочемъ число лавокъ кажется такъ огромно болѣе потому что онѣ устроены самымъ страннымъ и неправильнымъ образомъ. Чтобъ получить о немъ понятіе ты должна представить себѣ не большой Гостиный Дворъ нашъ, но тѣ лавки, которыя называются у насъ Дворами Щукинымъ и Апраксинымъ. Вообрази эти безпорядочные ряды перегородокъ, называемыхъ лавками, и увеличь все это какъ можно болѣе въ размѣрахъ и ты получишь понятіе о томъ, что называется въ Москвѣ *Городомъ*. Замѣтная разница въ устройствѣ состоитъ только въ томъ, что здѣсь эти ряды имѣютъ сверьху кровлю изъ стеколъ, и отъ того здѣсь можно ходить и въ дурную погоду. Не могу съ точностію расказать тебѣ о разныхъ рядахъ, на которые раздѣляется этотъ странный городъ по товарамъ: они всѣ такъ перемѣшаны, и такъ ихъ много, что я не могла понять, какъ Марья Николаевна умѣла безошибочно ходить по этому лабиринту изъ одного ряда въ другой. Да и къ чему же тебѣ знать какой рядъ лежитъ подлѣ Пожеваго, или Перинаго, или Суконнаго? Довольно, что ты имѣешь теперь

понятіе объ устройствѣ этого города, а вотъ если хочешь, то представлю тебѣ и одного изъ купцовъ, торгующихъ въ немъ. Конечно, ты не можешь взять его за образецъ всѣхъ купцевъ здѣшнихъ, но все же онъ можетъ служить доказательствомъ, чего можно иногда ожидать отъ нихъ. Этою рѣдкостью мы были обязаны также Николаю Дмитріевичу, и вотъ какъ:

Одинъ изъ Петербургскихъ знакомыхъ его говорилъ ему что въ Московскомъ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, есть необыкновенной купецъ Константинъ Ивановичь Л.* Не только имѣетъ онъ довольно хорошее понятіе о литературѣ Русской, но занимается и Французскою; выучился этому языку, много читаетъ на немъ и на Русскомъ, и очень здраво судитъ о всемъ томъ, что читаетъ. Такой расказъ не могъ не заинтересовать Николая Дмитріевича: ему очень захотѣлось видѣть Константина Ивановича, и вотъ онъ проситъ своего знакомаго написать къ нему письмо съ тѣмъ, что онъ доставитъ его лично. Съ этимъ-то письмомъ мы всѣ отправились сегодня искать Константина Ивановича. Пришли въ Зеркальную линію, и по этому названію непремѣнно

ожидали увидѣть въ лавкѣ его, если не большія зеркала, то покрайней мѣрѣ маленькія зеркальцы и ящички съ ними для туалетовъ дамъ и мущинъ. Но ни чуть не бывало. Мы отыскали означенный на конвертѣ номеръ лавки, вошли въ нее, и увидѣли въ ней свертки грубаго фламскаго полотна, китайки, кашфасу, сукна; мнѣ показалось даже кожъ, и между всѣмъ этимъ скромнымъ и вовсе не щеголеватымъ товаромъ не очень высокаго ростомъ купца, лѣтъ 35-ти, а можетъ быть и менѣе, съ черною густою бородою, съ такими же волосами на головѣ, довольно толстаго станомъ, незатѣйливаго нарядомъ, однимъ словомъ, человѣка по наружности котораго никакъ нельзя тотчасъ догадаться, чтобы онъ значилъ что нибудь особенное. Это былъ Константинъ Ивановичъ. Николай Дмитріевичъ поклонился ему отъ имени своего и его знакомаго, и подалъ ему письмо отъ него. Надобно сказать тебѣ, что этотъ общій знакомый ихъ есть литераторъ извѣстный своимъ истиннымъ, высокимъ достоинствомъ, однимъ словомъ другъ и товарищъ Николая Дмитріевича. При имени его вся физіономія Константина Ивановича просвѣтлѣла, и тутъ я замѣтила, что у него правильныя и

очень пріятныя черты лица и прекрасные глаза, полные ума. Николай Дмитріевичь сказалъ ему въ короткихъ словахъ о томъ, что слышалъ о немъ отъ ***. Съ большею скромностію онъ отклонилъ отъ себя все, что разсказывалъ Николай Дмитріевичь и никакъ не хотѣлъ говорить съ нами по Французски, увѣряя, что онъ очень мало знаетъ этотъ языкъ и обязанъ этимъ знаніемъ не ученью, но только знакомству своему съ нѣкоторыми изъ студентовъ здѣшняго Университета. Примѣтно было, что ему хотѣлось знать, кто Николай Дмитріевичь, привезшій къ нему письмо отъ человѣка замѣчательнаго по многимъ отношеніямъ. Кажется, онъ угадывалъ въ немъ извѣстнаго друга его не смотря на всю скромность Николая Дмитріевича, и наконецъ рѣшился спросить; «Да не вы ли, сударь, пишите въ журналѣ *** . . статьи съ подписью N ?» Надобно сказать тебѣ, что по просьбѣ Николая Дмитріевича, мы всѣ обязаны во все время путешествія нашего хранить въ такой тайнѣ его авторство, что право, даже между собою почти не смѣемъ говорить о немъ. По этому ты можешь представить себѣ, какъ удивилъ насъ этотъ вопросъ тѣмъ болѣе, что письмо пріятеля Николая Дмитріевича оста-

валось еще не распечатанныхъ въ рукахъ Константина Ивановича. Мы спѣшили въ свою очередь спросить у него: «Да почему же вы могли догадаться объ этомъ?» — Помилуйте, — отвѣчалъ онъ — вѣдь у насъ всѣ истинные литераторы на перечётъ, да и кромѣ того, есть какое-то предвѣденіе . . . «Да развѣ вы читаете журналъ ***?» — Да какъ же-съ, вѣдь это одинъ изъ тѣхъ журналовъ нашихъ, въ которыхъ можно узнать правду о литературѣ нашей и научиться судить по правдѣ.

Марья Николаевна, удивленная какъ нельзя болѣе и авторствомъ Николая Дмитріевича, и сужденіями Константина Ивановича, слушала ихъ и изумляясь словамъ послѣдняго благодарила насъ по Французски, что мы ей, Московской жительницѣ, показали такую примѣчательность Москвы, какою казался ей Константинъ Ивановичъ. Передъ выходомъ нашимъ изъ лавки, онъ сказалъ Николаю Дмитріевичу: «Такъ какъ вы любите все Русское и пріѣхали сюда съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть Москву, то не угодно ли вамъ будетъ взглянуть и на бытъ купечества? Сестра моя, съ которою я живу въ одномъ домѣ, проводитъ лѣто въ Кунцовѣ, мѣсто въ окрестностяхъ Москвы, ко-

торое можетъ назваться: *Московскою Швейцаріею*. Позвольте намъ просить васъ посѣтить насъ тамъ: мы были бы такъ рады принять васъ!» Это предложеніе понравилось не только всѣмъ намъ, пріѣзжимъ здѣсь, но даже и Марьѣ Николаевнѣ, которая слыхала о красотахъ мѣстоположенія Купцова. и еще въ дѣтствѣ бывала тамъ. Вотъ она взялась устроить нашу поѣздку туда въ будущее воскресенье. Такъ мы и растались съ необыкновеннымъ гостинодворцемъ Московскимъ.

Мы проходили еще нѣсколько времени по лавкамъ и накупили разнаго рода вещей, которыя по большой части казались необыкновенно дешевы для насъ, пріѣзжихъ изъ Петербурга. Особенно замѣтили мы это въ шелковыхъ матеріяхъ, и вещахъ изъ накладнаго серебра. Возвращаясь отъ Константина Ивановича, мы должны были проходить по многимъ внутреннимъ рядамъ лавокъ закрытыхъ сверьху, и замѣтили, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рядовъ необыкновенно тихо и даже почти пусто: видишь только купцевъ и немногихъ покупателей; но за то, что за шумъ и многолюдство съ наружныхъ сторонъ *города*! Надобно сказать, что въ отдѣльныхъ домахъ противъ и

около главнаго зданія *города*, вездѣ видны только лавки и магазины со всѣми возможными товарами. Тутъ-то надобно подивиться и множеству торговцевъ и множеству покупателей: это настоящій *городъ* промышленности, торговли, суетливости и крику. Насмотрѣвшись на эту картину, оригинально-Московскую, мы отправились на Кузнецкой мостъ, гдѣ находятся лавки и магазины высшаго разряда. Не думай, что на Кузнецкомъ мосту можно въ самомъ дѣлѣ видѣть мостъ: нѣтъ, когда-то бывалъ онъ тутъ, — но теперь, это обыкновенная улица, какъ и всѣ другія, и ни рѣки, ни мосту тутъ и въ поминѣ нѣтъ. По обѣимъ сторонамъ ея видишь магазины съ разными товарами. Первое мѣсто занимаетъ между ними магазинъ Мануфактурныхъ издѣлій Русскихъ. Это родъ нашего магазина Англійскаго, съ тою разницею, что здѣсь продается *все Русское*. Если бы Русскіе знали, какъ много тутъ хорошаго, и именно того, что въ Петербургскомъ Англійскомъ магазинѣ покупаютъ они за иностранное, они удивились бы. Странно, и даже непонятно, отъ чего Русскіе купцы не заведутъ такого же магазина въ Петербургѣ? Мы видѣли здѣсь прекраснѣйшія шел-

ковыя и шерстяныя матеріи, ленты, шарфы, платки, и все это съ фабрикъ Русскихъ! Очень хороши также вещи изъ накладнаго серебра, изъ войлока. А какая прекрасная писчая бумага всѣхъ возможныхъ сортовъ и почти вдвое дешевлѣ Петербургской. Также кисеи, холстинки и ситцы чрезвычайно хороши и дешевы. Цѣна на все уже назначена и отъ того еще пріятнѣе покупать въ этомъ магазинѣ. Да, очень, очень жаль, что Петербургскіе купцы и фабриканты до сихъ поръ не догадались еще осповать такое же мѣсто выставки и сбыта своихъ товаровъ и издѣлій. Впрочемъ одинъ изъ прикащиковъ здѣшняго магазина сказалъ намъ, что уже думаютъ объ этомъ въ Петербургѣ. Хорошо, если бы это была правда.

Говоря о лавкахъ и магазинахъ разнаго рода, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о книжной торговлѣ здѣшней. Она въ совершенномъ бездѣйствіи, и нашихъ Петербургскихъ книгопродавцевъ, столь недѣятельныхъ въ сравненіи съ иностранными, можно назвать неутомимыми противъ здѣшнихъ, которые кажется рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Книгу, изданную въ Петербургѣ, съ трудомъ можно достать у нихъ, а если кому вздумается подписаться на жур-

налъ Петербургскій въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, то они безъ дальнихъ справокъ объявляютъ запоздавшему подпищику, что ужъ въ Апрѣлѣ подписка не принимается ни на какой журналъ. Кажется, что всѣ объявленія авторовъ и журналистовъ не доходятъ до слуха этихъ господъ, или не обращаютъ на себя ихъ вниманія. Можетъ быть зимой дѣятельность ихъ оживляется, но что кажется до нынѣшняго, лѣтняго времени, то право досадно смотрѣть на вялость и безпечность ихъ.

Мы возвратились съ нашего можно сказать, коммерческаго обозрѣнія не ранѣе 4-хъ часовъ, утомленные до чрезвычайности, потому что день былъ самый жаркой. Послѣ обѣда мы отдыхали въ высокихъ и довольно прохладныхъ комнатахъ нашей мадамъ Делаво, и потомъ въ семь часовъ поѣхали кататься въ Петровскій паркъ. Это здѣшнее аристократическое гуляпье. Оно напомнило мнѣ нѣкоторыми мѣстами своими Елагинъ-островъ, только безъ очаровательныхъ видовъ его на море и Неву. Дорожки, бѣлые столбики, даже Лѣтній театръ, называемый *Петровскимъ*, все походитъ на Елагинское. Желая продлить и увеличить эту пріятную для насъ мечту, мы гуляли здѣсь по нашему

Петербургскому обыкновенію: оставили карету у начала парка и ходили почти по всѣмъ аллеямъ пѣшкомъ.

Возвращаясь домой, мы — не смотря на сумерки, уже довольно темные здѣсь въ 9 часовъ — вышли опять изъ экипажа у Тверскаго бульвара и прошли по немъ съ большимъ удовольствіемъ. Онъ напоминаетъ нѣсколько бульваръ или эспланаду въ Гельсингфорсѣ. На срединѣ его есть хорошенькій домикъ съ кандитерской, въ которой было прелестное освѣщеніе, раздавалась тихая музыка и на крыльцѣ толпились группы мущинъ, которыхъ черныя тѣни, красиво отражались на свѣтломъ полѣ стѣнъ, освѣщенныхъ огнемъ.

Вечерній чай мы пили сегодня дома. У насъ были гости: двое молодыхъ людей. Съ однимъ изъ нихъ познакомились мы теперь; съ другимъ еще прежде знакомъ былъ Николай Дмитріевичъ. Настоящіе Москвичи: здѣсь родились, здѣсь и воспитывались. И между тѣмъ очень мало походятъ другъ на друга: у одного рѣчь высоко-образованная, Европейская; у другаго — восторженная, Славянская. Одинъ все говорилъ

о высшемъ взглядѣ на жизнь, *о прогрессѣ*; другой — безпрестанно прерывалъ его своими восклицаніями о народности, о патріотизмѣ, объ униженіи Русскихъ быть вѣчными поклонниками иностранцевъ. Какъ высокъ былъ въ сравненіи съ этими двумя пламенными мыслителями—нашъ скромный Николай Дмитріевичъ! Какимъ безпристрастіемъ отличались его сужденія, какимъ благородствомъ и простотою—выраженія. Онъ говорилъ намъ потомъ что въ Москвѣ часто встрѣчаешься съ людьми двухъ родовъ: одни простираютъ до излишества свое стремленіе ко всему Европейскому, не размышляя о томъ что самая образованность должна быть приправлена во всѣхъ отношеніяхъ къ народу, и что она даже не можетъ вездѣ одинаково выражаться; другіе, напротивъ того, вообразили, что ничто Европейское несовмѣстно съ образованностію приличною для потомковъ Славянъ, и что слѣдовательно мы не должны имѣть ничего похожаго на Европейцовъ. Ты можешь представить себѣ сколько ложныхъ понятій должны произойти изъ двухъ такихъ противоположныхъ и несправедливыхъ мнѣній. Къ тому же надобно прибавить, что защитники ихъ чрезвычайно упорно стоятъ за себя: Николай

Дмитріевичь какъ ни старался, не могъ согласить между собою тѣхъ изъ нихъ, которые были у насъ вчера

Вотъ тебѣ, милая сестрица, еще нѣсколько описаній Москвы: ты такъ довольна ими, что я болѣе и болѣе пріобрѣтаю смѣлости писать. Продолжай и ты быть довольною, и прощай на сегодня.

СИМОНОВЪ МОНАСТЫРЬ. — ТЕРЕМА. — СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ.

Мы сдѣлали вчера вечеромъ прелестную прогулку: были въ монастырѣ Симоновомъ. Этотъ монастырь замѣчателенъ сколько по знаменитой древности своей, столько и по прекрасному мѣстоположенію его. Прежде нежели я буду говорить тебѣ, милая сестрица, о послѣднемъ, которымъ вчера мы столько восхищались, скажу нѣсколько словъ о первой.

Основателемъ монастыря Симонова былъ Ѳеодоръ, родной племянникъ и ученикъ Св. Сергія Радонежскаго. Мы сбираемся на будущей недѣ-

лѣ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, и тогда я поговорю съ тобой поболѣе о самомъ Сергіи. Ѳеодоръ еще 12-лѣтнимъ мальчикомъ отданъ былъ отцомъ подъ покровительство святаго дяди своего и постриженъ въ монахи. Съ того времени онъ началъ уже отличаться необыкновенными душевными качествами: безпрестанно занимался усовершенствованіемъ себя, и наконецъ достигъ до такой строгости и чистоты нравовъ, что сдѣлался достойнымъ другомъ Сергія. Величайшая искренность составляла отличительную черту этого дружества: въ описаніи житія Ѳеодора сказано, что онъ не имѣлъ ничего сокровеннаго отъ своего дяди и наставника, и говорилъ ему о малѣйшихъ помышленіяхъ своихъ и днемъ и ночью. Такъ сообщилъ онъ ему однажды и о намѣреніи своемъ основать особенный монастырь. Св. Сергій, увѣренный, что Ѳеодоръ имѣетъ всѣ качества, необходимыя для дѣла, столь важнаго въ тѣ времена, когда монастыри были единственными источниками просвѣщенія народа — далъ ему свое согласіе и благословилъ мѣсто избранное Ѳеодоромъ для заложенія новаго монастыря, на лѣвомъ высокомъ берегу Москвы-рѣки, на юго-востокъ отъ Москвы, въ шести верстахъ отъ

Кремля. Это было еще въ княженіе Димитрія Донскаго, который такъ уважалъ Ѳеодора, что избралъ его духовникомъ своимъ, и не одинъ разъ посылалъ въ Царьградъ посломъ къ тамошнему Патріарху по дѣламъ, касавшимся до Русской Митрополіи, которая, какъ извѣстно, зависѣла въ тѣ времена отъ Греческаго Патріарха. Со времени основанія Симонова монастыря, Св. Сергій, пріѣзжая въ Москву изъ своей обители, всегда останавливался въ немъ, и любя безпрестанно трудиться, посвящалъ все свободное время отъ занятія дѣлами — работамъ самымъ тягостнымъ: воздѣлывалъ землю для огородовъ, садилъ деревья, копалъ пруды и колодези. И теперь еще есть слѣды этихъ неутомимыхъ трудовъ; недалеко отъ монастыря на высокомъ и песчаномъ мѣстѣ показываютъ довольно глубокій прудъ, никогда не засыхающій. По преданію, существующему у Московскихъ жителей, этотъ прудъ считается ископаннымъ руками Св. Сергія; онъ и называется Сергіевымъ и до сихъ поръ каждый годъ въ день Преполовенія бываетъ къ нему крестный ходъ изъ монастыря для освященія воды.

Не одинъ Святый Сергій и Великій Князь

Димитрій Донской любили монастырь Симоновъ: еще одинъ изъ знаменитыхъ современниковъ ихъ часто посѣщалъ келліи Симоновскія: это былъ Св. Митрополитъ Алексій, соединенный тѣсною дружбою съ Св. Сергіемъ. Вотъ какъ свято было начало монастыря Симоновскаго. Въ послѣдствіи времени показывали къ нему особенное уваженіе и часто бывали въ немъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичь и Алексій Михайловичь, а Царь Ѳеодоръ Алексіевичь даже построилъ здѣсь палаты для себя, и жилъ въ нихъ очень долго во время постовъ.

Узнавъ объ этихъ любопытныхъ подробностяхъ изъ книги: *Историческое описаніе Симонова монастыря*, которая лежала на столѣ у Марьи Николаевны, и въ которую я заглянула передъ отъѣздомъ нашимъ, — мнѣ еще пріятнѣе было подъѣзжать къ этому прекрасному монастырю, который одною наружностію своею уже привлекаетъ къ себѣ глаза всѣхъ. Представь себѣ большое блѣдно-розовое зданіе съ разными отдѣленіями башенъ и куполовъ, съ большею кругомъ оградою, сдѣланною аркадами и все это въ томъ готическомъ вкусѣ, въ какомъ построена у насъ въ

Петербургѣ новая церковь Введенія, что подлѣ Желѣзной дороги; прибавь къ тому что Симоновъ монастырь расписанъ фресками не только внутри, но и снаружи, и когда подъѣзжаешь къ нему, то эти темныя картины представляютъ необыкновенный видъ на розовомъ грунтѣ стѣнъ, тѣмъ болѣе, что промежутки между картинами ярко отдѣляются отъ нихъ граціозно-тоненькими колоннами, бѣлыми какъ снѣгъ. Войдемъ во внутренность. Теперь намъ съ тобой легко будетъ сдѣлать это — мы войдемъ воображеніемъ, но третьяго дня это было гораздо труднѣе. Наканунѣ праздника 1-го Августа въ монастырѣ Симоновскомъ бываетъ большее стеченіе народа: это храмовой тамъ праздникъ, и мы едва могли войти въ церковь. При первомъ взглядѣ на внутренность, я поражена была сходствомъ ея съ внутренностію Соборной церкви Донскаго монастыря, — только здѣсь гораздо болѣе золота, а тамъ живописи. Иконостасъ весь рѣзной и весь покрытъ червоннымъ золотомъ. Огромное паникадило прекрасно такъ же, какъ и въ Донскомъ монастырѣ: оно сдѣлано изъ мѣди и покрыто серебромъ такъ хорошо, что нельзя думать что-

бы это не было цѣльное серебро. Я не видѣла такого нигдѣ въ Петербургѣ. По случаю праздника, всѣ свѣчки его были зажжены, и нельзя вообразить какой эффектъ дѣлало это освѣщеніе на золотой, почти безконечно-высокій иконостасъ, на живописныя стѣны, на самое это паникадило, блестѣвшее не меньше свѣчь его. Прибавь къ этому, сестрица, необыкновенное, какое-то глубоко-тихое, если можно сказать душевное пѣніе здѣшнихъ монаховъ и ты получишь маленькое понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на зрителей и особенно на молящихся эта чудная церковь. Но это еще не все: у монастыря Симонова, кромѣ этой прелести наружной и внутренней, о которой ты уже имѣешь маленькое понятіе, есть еще прелесть *окрестная*. Но объ этой — такъ какъ она не есть уже твореніе рукъ человѣческихъ — трудно дать истинное понятіе; если же бы ты по какому нибудь случаю получила его, то вѣрно долго не захотѣла бы разстаться съ мѣстами, окружающими монастырь Симоновъ. Чтобы взглянуть на нихъ, мы всходили на одну изъ башенъ его. Что за красоты мы увидѣли оттуда! Вообрази обширную, можно сказать, безконечную равнину, ко-

торая со всѣхъ сторонъ своихъ представляетъ что-нибудь живописное: или длинную цѣпь городскихъ строеній или прелестные готическіе монастыри съ своими высокими колокольнями, окруженные садами и лугами, или наконецъ эти одни луга, а за ними бѣлѣющіяся вдали точки строеній; однимъ словомъ, такихъ окрестностей, я еще нигдѣ не видывала, и мы не пожалѣли, что взобрались на самый верхъ башни по узенькой и крутой лѣсенкѣ, мѣстами уже разрушающейся отъ времени. По этой самой лѣсенкѣ всходила также и покойная Императрица Марія Ѳеодоровна, увлеченная расказами о видахъ, какіе представляются съ верьху башни.

Мы очень сожалѣли, что наступавшая ночь помѣшала намъ насладиться въ полной мѣрѣ этими очаровательными видами: было уже почти 10-ть часовъ вечера, когда мы сошли внизъ, а въ Москвѣ дни начинаютъ ранѣе убавляться, и въ 10 часовъ наканунѣ 1-го Августа бываетъ совсѣмъ темно. А между тѣмъ всенощная была еще только въ половинѣ: тихое пѣніе монаховъ Симоновскихъ пріятно раздавалось въ воздухѣ, полномъ теплоты и благоуханій садовъ, окружающихъ монастырь; Соборная

церковь сіяла яркимъ освѣщеніемъ внутри, бѣлизною стѣнъ своихъ снаружи; вокругъ нея стоялъ и толпился народъ, непомѣстившійся во внутренности храма и на паперти его; благоговѣйная тишина вѣяла надъ толпами, и какъ будто удерживала въ набожномъ спокойствіи молящихся. Въ эти минуты, мы прошли мимо нихъ и поѣхали домой.

На другое утро мы начали день такъ же благочестиво, какъ кончили вечеръ наканунѣ: здѣшніе знакомые наши посовѣтовали намъ отправиться въ Кремль посмотрѣть на духовную процессію, которая бываетъ тамъ въ праздникъ 1-го Августа. Обыкновенно въ этотъ день бываютъ и у насъ, въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ крестные ходы на воду. Здѣсь мы могли видѣть эту процессію, идущую изъ Кремля на Москву-рѣку. Какъ же можно было пропустить случай видѣть такую любопытную картину? Лиза и Валеріанъ были въ восхищеніи при одной мысли о ней, и торопили насъ отправиться. Множество народа всегда сопровождаетъ такого рода процессіи въ Москвѣ: такъ было и въ этотъ разъ. Видя что трудно будетъ намъ пробраться сквозь эти толпы, Лиза вздумала сдѣлать для насъ эту

картину еще оригинальнѣе: она предложила смотрѣть на нее съ колокольни Ивана Великаго! Николай Дмитріевичъ, какъ охотникъ до всего чрезвычайнаго, съ радостію схватился за эту идею; о Валеріанѣ и Лоло, который сопровождалъ насъ въ это утро вмѣсто своей тётеньки, и говорить нечего: они побѣжали по лѣстницѣ колокольни прежде, нежели мы успѣли обдумать это намѣреніе. Ольгу Дмитріевну остановилъ страшной звонъ, который по мнѣнію ея былъ оглушителенъ на колокольнѣ: она осталась внизу. Мы же рѣшились подняться выше всей Москвы и взглянуть на нее съ этой высоты. Признаюсь, не пожалѣли мы объ этомъ. Какой чудный и величественный видъ представился намъ оттуда! Вообрази всю Москву т. е. необозримую массу домовъ, церквей, колоколенъ, башенъ, или лучше сказать *массу кровель* разнаго рода и величины, которымъ не представляется нигдѣ конца— вотъ такова была Москва вдали у насъ; вблизи же, т. е. въ мѣстахъ, окружающихъ Кремль,—мы хорошо видѣли и улицы, и даже различили нѣкоторые знакомые домы; подъ нами же, т. е. у самой стѣны Кремля, лилась извилистая Москва-рѣка, видѣлись всѣ мосты, на ней устроенные, всѣ сады —

украшающіе берега ея, а по сю-сторону стѣны Кремлевской, у самаго подножія колокольни Ивана-Великаго, кипѣлъ народъ на площадяхъ, раздавался звонъ колоколовъ, который однакожъ не оглушалъ насъ. Чрезъ нѣсколько времени картина сдѣлалась еще лучше: съ берега рѣки, гдѣ происходило водоосвященіе тронулась процессія, и между двухъ стѣнъ народа потянулись прежде кресты и образа, потомъ низшее духовенство, за нимъ священники, протоіереи и Архіереи. Я не могла сосчитать всѣхъ, но однихъ священниковъ было сто. Лоло взявшись быть сегодня нашимъ чичероне, хвасталъ намъ этимъ множествомъ духовенства въ Москвѣ въ сравненіи съ Петербургомъ. Его чрезвычайно веселило то, что онъ можетъ намъ показывать рѣдкости Московскія, и вотъ когда мы спустились съ колокольни, бойкій малютка предложилъ намъ взглянуть на одну изъ самыхъ старинныхъ церквей въ Москвѣ: *Спасъ за золотой рѣшеткой.* Къ досадѣ его она была заперта, но подлѣ самаго входа въ нея есть корридоръ, который нѣкогда велъ въ Терема, гдѣ жилъ Царь Алексій Михаиловичь, Царица и Царевны. Это одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ Кремля, но чтобы осмо-

трѣть его, надобно имѣть билетъ, котораго еще нѣтъ у насъ. Проворному Лоло тѣмъ болѣе захотѣлось провести насъ безъ билета, и вотъ онъ началъ толкаться во всѣ двери, изъ которыхъ иныя отворялись на разныя чудныя лѣсенки и расписанные корридоры; пройдя черезъ нихъ, мы дошли такимъ образомъ до послѣдней двери, которая уже вела во внутреннія комнаты, и была заперта. Однакожъ мы взглянули и на эти комнаты съ корридора въ окна съ разноцвѣтными стеклами. Ничего не можетъ быть прелестнѣе этого скромнаго, уютнаго, маленькаго жилища прежнихъ Царицъ нашихъ. Сѣни, расписанныя по стѣнамъ и потолку, съ такими же расписанными лавками по сторонамъ, живо напоминали мнѣ *сѣнныхъ дѣвушекъ*, о которыхъ говорится въ старинныхъ расказахъ нашихъ. Въ эти сѣни выходитъ нѣсколько дубовыхъ, выкрашенныхъ желтою краскою дверей съ черною, простою желѣзною ручкою. Вѣроятно каждая изъ нихъ вела въ отдѣльную комнату какой нибудь Княгини или Княжны. Отдѣльно — но очень близко отъ этого Терема есть другой, въ которомъ Царь имѣлъ только одну большую комнату, гдѣ вѣроятно принималъ иностранныхъ Пословъ

или Министровъ: она называется *тронною*. Мы не видѣли внутренности ея, но наружность, окна и двери точно такія же, какъ и у Царицынаго Терема. Ловкой маленькой проводникъ нашъ отыскалъ солдата, который съ позволенія какого-то другаго сторожа отворилъ намъ двери и въ церкви Теремныя. Ихъ двѣ: одна маленькая для Царицъ; другая большая, гдѣ для Царицъ и Царевенъ—мѣста на хорахъ. Первая—чрезвычайно интересна: почти миніатюрная, освѣщена только полусвѣтомъ, потому что всѣ окна въ алтарѣ, и кромѣ того, все въ ней такъ живо напоминаетъ тотъ вѣкъ, къ которому она принадлежитъ что кажется, Царицы и Царевны только что вышли изъ нея. Всѣ образа, или лучше сказать, ризы образовъ вышиты руками ихъ, и особеннаго рода вышиваньемъ, котораго теперь уже мы не видимъ. Кромѣ обыкновенныхъ мѣстныхъ образовъ на иконостасѣ, видны только два образа по сторонамъ: *Божіей Матери* и *Св. Эммануила*. Правда, есть еще нѣсколько изображеній въ видѣ образовъ, но за темнотою церкви и самой живописи ихъ, нельзя ничего различить. Они очень стары и странно сдѣланы. Вообрази почти цѣлую стѣну боковой стороны алтаря, покрытую

сплошь кружками величиною въ большую тарелку. Эти кружки всѣ темные, покрыты еще не стекломъ, но слюдою, и каждый обложенъ кругомъ полоской изъ бѣлой жести, укрѣпленной гвоздиками. Двѣ стѣны такихъ образовъ по сторонамъ большаго Распятія, привезеннаго изъ Іерусалима, составляютъ маленькое отдѣленіе въ этой маленькой церкви: въ немъ молился самъ Алексій Михаиловичь, когда Ему угодно было молиться вмѣстѣ съ Царицею и Царевнами. Эти подробности семейной жизни старинныхъ Государей нашихъ дѣлаютъ Терема самымъ интереснымъ мѣстомъ въ Кремлѣ. Представь себѣ теперь, что къ этому любопытнѣйшему остатку древности нынѣшней Государь нашъ пристраиваетъ великолѣпнѣйшій дворецъ, какой только можно придумать, совершенно въ томъ же вкусѣ, только въ огромнѣйшихъ размѣрахъ. Онъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать колоссальному царству нашему, но нельзя не пожалѣть что въ сравненіи съ нимъ всѣ древніе Соборы наши, такъ близко него стоящіе, потеряютъ нѣсколько частицъ своего величія. Это въ порядкѣ вещей, идущихъ къ усовершенствованію, и потому, конечно, сожалѣніе напрасно, но я не мо-

гла удержаться отъ него сегодня, когда мы изъ оконъ строющагося гиганта посмотрѣли на смиренно-стоящую посреди главнаго двора его — церковь *Спаса на бору*. Какою крошечною она кажется въ сравненіи съ безконечно-высокими стѣнами, окружающими ее! Но здѣсь такая противоположность не портитъ: на миніатюрную церковь смотришь какъ на зернышко, изъ котораго развился столѣтіями чудно-огромный и прекрасный плодъ.

Я забыла сказать тебѣ, милая сестрица, что Терема возобновлены съ необыкновеннымъ искуствомъ: трудно отличить нынѣшнюю рисовку отъ какого-нибудь оставшагося мѣстечка старинной живописи.

Мы возвратились домой въ три часа, и Лоло очень гордился тѣмъ, что выводилъ насъ безъ билета почти по всѣмъ теремамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы по причинѣ нашего очень непродолжительнаго пребыванія здѣсь, мы и не успѣли достать билетъ для осмотренія Теремнаго дворца, то уже можемъ помириться съ этою неудачею: мы довольно хорошо знаемъ его теперь.

2-*го Августа*. Мы такъ много видимъ здѣсь любопытнаго, что каждый день приходится мнѣ что нибудь описывать тебѣ, милая сестрица.

Сегодня мы были въ селѣ Коломенскомъ. Ну какъ же оставить это неописаннымъ? Сюда мы ѣздили опять съ нашими новыми и милыми друзьями Р**.

Коломенское лежитъ въ верстахъ осьми отъ города. Въ немъ — все дышетъ самой завѣтной стариной. Двѣ церкви построены еще при отцѣ Іоанна Грознаго, Великомъ Князѣ Василіи. Стѣны ихъ, толщиною въ семь шаговъ — и окны узкія, съ желѣзными рѣшетками едва пропускаютъ свѣтъ дневной во внутренность. Темные образа, мѣдныя ризы ихъ, низкія двери съ тяжелыми, желѣзными запорами, ветхость покровъ и одеждъ священниковъ, — все это производитъ мрачное впечатлѣніе на тѣхъ, кто приходитъ съ душевнымъ умиленіемъ взглянуть на эту святыню, такъ ясно говорящую намъ о времени давно-минувшемъ. Побывавъ въ этихъ двухъ церквахъ Коломенскихъ, я получила гораздо живѣйшее понятіе объ этомъ религіозно мрачномъ времени, такъ близко предшествовавшемъ рожденію грознаго Государя. Широкая каменная галлерея обвиваетъ со всѣхъ сторонъ и разными изгибами церковь Вознесенія, и выходитъ одною стороною на Москву-рѣку, за которою простирается об-

ширѣйшая равнина, покрытая лугами и пашнями, и вдали лѣсомъ. Видъ необыкновенно прекрасный. Царь Алексій Михайловичъ любилъ восхищаться имъ и для него сдѣлано на галлереи родъ каменнаго кресла подъ балдахиномъ. Въ одну линію съ этой галлереею церковною построенъ новый дворецъ, начатый Императоромъ Александромъ. Мы не смотрѣли его, потому что внутри что-то передѣлывали. Кромѣ старыхъ церквей уцѣлѣло еще строеніе, гдѣ вѣроятно нѣкогда жили придворные чиновники. Это продолговатое зданіе съ двумя арками въ срединѣ, которыя отличаются тѣмъ, что одна изъ нихъ гораздо больше другой. Это тѣмъ страннѣе и замѣтнѣе, что онѣ сдѣланы вплоть одна подлѣ другой. Лиза, какъ охотница доискиваться до всего, что происходило въ старину, думаетъ, что эти двѣ арки сдѣланы были вмѣсто воротъ и калитки Одна половина этого разрушающагося строенія уже необитаема: въ другой — живетъ трактирщикъ. За этимъ строеніемъ начинался старый дворецъ, нѣкогда существовавшій тутъ. Теперь не видать и слѣдовъ этого замѣчательнаго зданія, кромѣ полуразвалившейся ограды и примыкающаго къ ней въѣзду, который также состоитъ изъ

двухъ аркъ, — одной по-больше и другой поменьше. Восьмидесяти-лѣтній старикъ-садовникъ * разсказалъ намъ, что до нашествія Французовъ была здѣсь *форма* дворца, т. е. сдѣланъ былъ изъ дерева срубъ, представлявшій въ новомъ видѣ все то, что было здѣсь прежде, но Французы все это разрушили, и потомъ приказано было насадить акацій точно такъ, какъ было расположено строеніе. Теперь тутъ можно видѣть зеленыя стѣнки и родъ корридоровъ изъ акацій, по которымъ можетъ быть какой нибудь искусный архитекторъ, послѣ долгихъ размышленій и наблюденій догадался бы въ какомъ родѣ была архитектура и расположеніе комнатъ прежняго дворца, но мы ничего не поняли, прохаживаясь между этими необыкновенными стѣнами, и не имѣя надежды понять—осматривали съ любопытствомъ только

* Всѣ жители Коломенскіе — садовники. Никто не могъ разсказать намъ съ какого времени эти бывшіе крестьяне сдѣлались исключительно *садовниками*. Такъ какъ ихъ всѣхъ теперь не болѣе восемьнадцати дворовъ, то можно думать, что это потомки нѣсколькихъ садовниковъ, которымъ поручено было смотрѣть за садами Коломенскими, со времени устройства ихъ при дворцѣ.

небольшую колонну изъ кирпича, которая по приказанію Алексія Михаиловича была сдѣлана для того, чтобы ставить на нея тотъ ящикъ, куда каждый день клались просьбы къ нему. Она почти вся упѣлѣла, кромѣ верхняго круглаго камня, неизвѣстно какъ переломленнаго. Колонна поставлена была противъ оконъ той комнаты, въ которой Царь по обыкновенію сидѣлъ утромъ, и потому мы узнали покрайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ была эта комната.

Недалеко отъ дворца показываютъ два огромные дуба на зеленой площадкѣ: подъ тѣнію ихъ Петръ I-й игралъ ребенкомъ съ своими маленькими Потѣшными. Все это чрезвычайно интересно, но невозможно хорошо разсмотрѣть всего въ короткое время прогулки, и потому съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ оставила я и это мѣсто, какъ оставила уже многія другія. Здѣшній садъ долженъ быть огромный, но мы вертѣлись все время только около церквей и дворцевъ.

Возвращаясь домой, мы попались подъ небольшую грозу, для которой должны были закрыть со всѣхъ сторонъ коляску нашу. Мы очень сожалѣли объ этомъ, потому что дорога

въ Коломенское, мѣстами очень хороша, чего мы почти вовсе не видѣли: надъ нами гремѣлъ громъ, сверкали молніи, лилъ дождь. И кромѣ того, насъ тревожила мысль, что дома страдаетъ за насъ добрая и нѣжная Аполлина Ивановна, которая чрезвычайно боится грозы. И въ самомъ дѣлѣ, мы нашли ее въ большемъ страхѣ за насъ, но вскорѣ все забыли за вкуснымъ чаемъ и разными лакомствами, до которыхъ въ Москвѣ, кажется, всѣ большіе охотники. Въ этотъ вечеръ мы наслаждались также удовольствіемъ прекрасной музыки: одинъ молоденькой Англичанинъ, братъ Мери, прекрасно игралъ на фортопьяно въ продолженіи почти цѣлаго часа.

3-го *Августа.* Сегодняшнее утро прошло у насъ въ ученомъ обозрѣніи: Николай Дмитріевичь видѣлся съ однимъ изъ здѣшнихъ первыхъ профессоровъ, который былъ такъ любезенъ, что самъ предложилъ намъ посмотрѣть Университетъ здѣшній. Такъ какъ мы вмѣстѣ съ тобою осматривали назадъ тому три года Университетъ Гельсингфорскій, то я не буду описывать тебѣ всѣхъ видѣнныхъ нами кабинетовъ здѣшняго: всѣ они по моему, такъ сходны между собою, что видѣвъ одинъ, можно уже имѣть понятіе о всѣхъ. Валеріанъ, почти принадлежащій

уже къ Университету Петербургскому, съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ Московскій. Можетъ быть по пристрастію, онъ отдавалъ во многомъ преимущество своему. Въ ту минуту когда мы проходили по залѣ, гдѣ бываютъ торжественныя собранія Университета, и гдѣ теперь читаются обыкновенныя лекціи, — и мы не могли не согласиться съ нимъ, вспомнивъ прекрасную залу Петербургскаго Университета, столь удобную не только для торжественныхъ собраній разнаго рода, но даже и для концертовъ. Въ Московскомъ Университетѣ — это совсѣмъ обыкновенная большая зала, гдѣ всякой день сбираются студенты какъ въ аудиторіи. Когда мы проходили ее въ одномъ уголку, — въ другомъ происходилъ экзаменъ нѣкоторымъ изъ вновь поступающихъ молодыхъ людей Конечно, трудно найти второе такое величественное зданіе въ которомъ помѣщается нашъ Петербургскій Университетъ: одна мысль о Томъ, Кто заложилъ первый камень его, уже придаетъ ему нѣчто особенное, не говоря уже о прекрасномъ устройствѣ его внутри и снаружи. Московскій же Университетъ по недостатку помѣщенія въ главномъ зданіи своемъ раздѣляется еще на нѣсколько другихъ домовъ,

въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ домъ прежде бывшій *Пашкова*. Что это за прелестная архитектура! Жаль, что въ этомъ случаѣ я не могу услужить тебѣ подробнымъ описаніемъ, а этотъ прекрасный домъ стоитъ того, тѣмъ болѣе, что ты такая охотница до хорошей архитектуры, но я, восхищаясь ею точно такъ же какъ ты, не умѣю расказывать о ней. Скажу тебѣ только то, что видъ дома Пашкова извѣстенъ даже въ чужихъ краяхъ, а мы восхищаемся имъ всякой разъ, какъ только случится намъ проѣхать или пройти мимо него. Къ довершенію граціозности постройки этого прелестнаго дома надобно сказать, что онъ стоитъ на горѣ, довольно высокой и окруженъ прекраснымъ садомъ. Говорятъ, что у прежнихъ богатыхъ владѣтелей его были въ этомъ саду и фонтаны и другія рѣдкости разнаго рода, — теперь въ немъ гуляютъ воспитанники Университетскаго пансіона, помѣщеннаго въ этомъ домѣ.

Кромѣ Университета, мы были еще сегодня у одного изъ здѣшнихъ ученыхъ литераторовъ, человѣка вполнѣ Русскаго. Кромѣ сочиненій своихъ, онъ занимается еще собраніемъ рѣдкостей старины нашей. Не считая множества древнихъ церковныхъ книгъ, самыхъ рѣд-

ихъ, у него есть цѣлыя коллекціи древнихъ крестовъ и образовъ, изъ которыхъ иные отрыты въ землѣ, другіе пріобрѣтены имъ за дорогую цѣну. Мы всѣ и особливо Николай Дмитріевичь, не могли не оцѣнить, какъ должно, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древности нашей, но пріятнѣе всѣхъ ихъ показалось намъ его милое семейство, которое съ большимъ радушіемъ приняло и угощало насъ. Жена — молодая и умная женщина, прекрасно воспитывающая дѣтей своихъ. Она знакома съ Марьею Николаевной, которая, кажется, по дружбѣ проговорилась ей о нашемъ собственномъ литераторѣ — и вотъ по этому случаю, мы и попали сегодня къ здѣшнему. Николай Дмитріевичь принятъ былъ съ такимъ уваженіемъ къ таланту его и съ такою благодарностію за удовольствіе, которое сочиненія его доставляютъ читателямъ, что мы не въ состояніи были досадовать на весьма простительную нескромность нашей любезной Марьи Николаевны, и разстались съ нею очень благодаря ее за новое знакомство, которое доставило намъ еще другое: почтенный антикварій познакомилъ насъ съ начальникомъ Института Александринскаго. ко-

торый предложилъ намъ осмотрѣть этотъ Институтъ. Я очень рада этому: часто бывая во всѣхъ Петербургскихъ Институтахъ нашихъ, мнѣ очень хотѣлось имѣть понятіе объ одномъ изъ здѣшнихъ.

Завтра мы отправляемся туда. Прощай, мой милый другъ.

КУНЦОВО. — АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

7-го Августа. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я ошиблась, сказавъ тебѣ, милая сестрица, что мы отправляемся на другой день въ Институтъ Алéксандрінскій. Нѣтъ, это было 6-е Августа, праздникъ Преображенія Господня, въ который не бываетъ классовъ, и потому вмѣсто того, чтобы отправиться туда, мы пошли въ Кремль, къ обѣднѣ. Николай Дмитріевичъ сказалъ намъ, что на паперти главныхъ Соборовъ Кремлевскихъ, бываетъ иногда послѣ обѣдни въ праздники необыкновенное зрѣлище: нѣсколь-

ко человѣкъ изъ старообрядцевъ и нашихъ правовѣрующихъ начинаетъ разговаривать о какомъ нибудь предметѣ, касающемся до религіи или до обрядовъ ея. Такъ какъ у насъ съ старообрядцами есть много различія въ обычаяхъ церковныхъ, то и неудивительно, что эти народные разговоры всегда почти превращаются въ споръ, въ который вступаются и многіе изъ слушателей, окружающихъ спорщиковъ. Эта толпа бываетъ иногда такъ велика, что и не доберешься до средины ея, гдѣ стоятъ зачинщики спора. Николай Дмитріевичь описалъ такъ интересно эти споры, что всѣмъ намъ захотѣлось послушать ихъ. Въ такой большой праздникъ, какъ день Преображенія, мы надѣялись непремѣнно услышать ихъ, и не ошиблись. Отслушавъ обѣдню въ Архангельскомъ Соборѣ, и идучи мимо Успенскаго, мы увидѣли нѣсколько человѣкъ, столпившихся передъ самыми дверьми церковными. Въ серединѣ уже спорили о чемъ-то. Мы подошли ближе, пробрались даже до самыхъ спорщиковъ. Это были два человѣка лѣтъ по 50-ти; одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, дьячокъ, одѣтый точно такъ, какъ одѣваются и наши Петербургскіе дьячки. Здѣсь кстати замѣтить

какою оригинальностію отличается наружность этихъ людей: я всегда съ удивленіемъ вижу что въ каждой церкви есть одинъ дьячокъ который какъ-то особенно походитъ на такого же дьячка другой церкви. Обыкновенно они бываютъ довольно плотны станомъ, круглы лицомъ, одѣты въ темно-синемъ или темно-зеленомъ длинномъ сюртукѣ. Таковъ былъ и Московскій дьячокъ-ораторъ. Въ толпѣ говорили, что онъ любитъ такіе споры, и что его никогда никто не можетъ переспорить. Противникъ его на этотъ разъ былъ, кажется, попроще его, и походилъ на мѣщанина. Въ ту минуту, когда мы подошли — рѣчь шла о томъ: всѣ ли люди видѣли Спасителя во время Его пребыванія на землѣ? Дьячокъ увѣрялъ, что не всѣ, и прибавлялъ, что можно *видѣть* и *не видѣть*, разумѣя не одну наружность Спасителя, но и понятіе о Немъ, и вѣру къ Нему. Противникъ его понималъ все въ буквальномъ смыслѣ, и потому споръ ихъ вѣроятно продолжался очень долго. Мы же постояли подлѣ нихъ съ четверть часа. Признаюсь, если бы я была одна, я прослушала бы ихъ гораздо долѣе: пріятно видѣть между такими простыми людьми это стремленіе духа ихъ дойти до удо-

стовѣренія въ какой-либо истинѣ. Это доказываетъ какую-то дѣятельность ума, а она— хотя бы и не совсѣмъ правильная — для меня лучше, нежели вялость или мертвенная неподвижность его, которую мы, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчаемъ въ необразованномъ классѣ общества.

Мы условились наканунѣ съ друзьями нашими Р* ѣхать сегодня въ 12 часовъ къ сестрѣ того замѣчательнаго купца, котораго ты вѣрно помнишь изъ расказовъ моихъ, и который приглашалъ насъ взглянуть на красоты Московской Швейцаріи въ Кунцовѣ и на бытъ Московскаго купечества. Не смотря на образованность, или, лучше сказать, на его умъ, такъ много превышавшій все окружавшее его, мы все-таки воображали, что насъ встрѣтитъ тамъ та старинная Русская угостительность, которая еще во многихъ ломахъ нашего купечества не даетъ покоя гостямъ, и по этой причинѣ рѣшили, что не нужно завтракать, отправляясь въ Кунцово. Мы думали, что иначе не будемъ въ состояніи отвѣчать на радушное угощеніе нашего привѣтливаго знакомца и сестры его.

Между тѣмъ друзья наши, вмѣсто 12-ти ча-

совъ, пріѣхали почти въ два: они были у обѣдни въ такой церкви, гдѣ былъ храмовой праздникъ, и по этому случаю служилъ Архіерей. Такая служба всегда продолжается гораздо долѣе обыкновенной, и потому набожные Московскіе жители любятъ ее. Итакъ мы отправились въ путь не ранѣе 2-хъ часовъ, а ѣхать надобно было верстъ восемь Дорога была прелестная: чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ гористѣе дѣлалось мѣстоположеніе, и наконецъ въ самомъ Кунцовѣ, домъ помѣщика, одного изъ Нарышкиныхъ, построенъ на горѣ, которая гораздо выше нашего Парнаса въ Парголовѣ. Долины и лѣса, окружающіе этотъ прекрасный домъ, такъ хороши, какъ рѣдко удается видѣть намъ въ нашихъ сѣверныхъ странахъ. Миновавъ великолѣпный домъ хозяина этого маленькаго помѣстья, и много другихъ домиковъ, нанимаемыхъ здѣсь вмѣсто дачь, мы остановились наконецъ противъ дома, довольно краснваго и чистенькаго, съ большимъ балкономъ, походившимъ на галлерею. Увидѣвъ экипажъ нашъ, Константинъ Ивановичь вышелъ встрѣтить насъ на крыльцѣ и тутъ же представилъ намъ и сестру свою, и дѣтей ея: мальчика лѣтъ 15-ти й дѣвочку лѣтъ семи.

Все это семейство имѣетъ въ наружности своей что-то особенно умное отъ природы. Выгодами воспитанія пользуются только дѣти: мать же ихъ и братъ ея, люди вовсе невоспитанные, но если бы ты слышала, сестрица, какъ дѣльно и умно разсуждаютъ они обо всемъ, какъ много читаютъ, какъ хорошо воспитываются у нихъ дѣти, то, право, ты съ трудомъ могла бы повѣрить, что это дѣти простыхъ и даже не очень богатыхъ купцевъ.

Но мнѣ хочется разсказать тебѣ о смѣшной сторонѣ нашего маленькаго путешествія. Войдя въ комнаты Константина Ивановича, мы замѣтили, что хозяева только что встали изъ-за стола. Мы не пришли отъ того въ уныніе, хотя и были очень голодны; напротивъ того, подумали, что вѣроятно для насъ приготовленъ особенный обѣдъ. «Ахъ!» воскликнула Марья Николаевна, когда мы по приглашенію хозяевъ отправлялись гулять по саду — «жаль, что они откладываютъ свое угощеніе часа на полтора: я такъ голодна, что съ радостію припялась бы за обѣдъ теперь же безъ дальнихъ церемоній. За то воображаю, какъ они запотчиваютъ насъ! . . .» Съ такими мыслями, и въ этой пріятной для голодныхъ на-

деждѣ, мы согласились тотчасъ на предложеніе идти гулять въ огромный Кунцовскій садъ. Мы подумали даже, что это предложеніе дѣлается для того, чтобы доставить возможность хозяевамъ угостить насъ какъ можно лучше. Вотъ, разсуждая такъ, пустились мы ходить по аллеямъ прекраснаго сада, и признаюсь, что красоты мѣстоположенія его и очаровательные виды, которые представляются вокругъ него со всѣхъ сторонъ, заставляли Марью Николаевну и всѣхъ насъ не одинъ разъ позабывать о нашемъ голодѣ. Было уже 5 часовъ, когда мы дошли до той высокой горы, на которой построенъ главный домъ,—украшеніе Кунцова. Эта гора такъ крута, что надобно было сдѣлать деревянную лѣстницу по спуску ея, чтобъ доставить гуляющимъ по саду возможность всходить на нее. Кажется, болѣе ста ступеней мы насчитали въ ней. Онѣ такъ высоки и круты, что многія изъ дамъ нашихъ спотыкались и падали отъ усталости. У Марьи Николаевны разболѣлась голова. При этомъ случаѣ насмѣшилъ насъ Лоло. Мучимый голодомъ, онъ безпрестанно подбѣгалъ то къ одной изъ насъ, то къ другой, и шепталъ на ухо Марьѣ Николаевнѣ, что головная боль ея происходитъ

не отъ чего другаго, какъ отъ голода, и что онъ не понимаетъ какъ можно гулять въ 6-мъ часу безъ обѣда. Онъ не раздѣлялъ надежды нашей найти послѣ прогулки накрытый столъ, потому что проходя мимо кухни, не видѣлъ никакихъ приготовленій къ тому, и увѣрялъ насъ, что мы останемся безъ обѣда. Дѣтскому желудку его это казалось еще непріятнѣе, нежели намъ. Къ нему присоединились вскорѣ Валеріанъ, Лиза, Вѣринька, Мери. И вотъ у насъ образовалась цѣлая партія голодныхъ, которые сговорились стараться всѣми возможными средствами дать понять маленькой Катѣ, дочери хозяйки нашей, что мы еще не обѣдали. Но малютка, не смотря на самые прямые вопросы Лоло о времени обѣда ихъ и даже объ ея любимыхъ кушаньяхъ, не понимала намековъ его, и мы пришли домой, прежде нежели кто нибудь изъ хозяевъ нашихъ вообразилъ, чтобы мы могли пріѣхать въ гости въ 4-мъ часу, не отобѣдавъ дома. Тутъ Лоло нашъ по приговору всей голодной партіи отправился въ кухню, и попросилъ кухарку дать ему кусокъ хлѣба. Это имѣло желаемый успѣхъ: хозяева, которымъ тотчасъ же передана была эта просьба, встревожились ею, и началось угощеніе са-

мое радушное какого только можно желать. Оно происходило, — хотя со многими извиненіями за недогадливость — тихо, но не суетливо, усердно но не докучливо. Въ продолженіи обѣда мы много смѣялись вмѣстѣ съ хозяевами нашими надъ смѣлостью Лоло, рѣшившагося во что бы то ни стало накормить себя и товарищей. Послѣ обѣда, мы отправились бродить около домика, расположеннаго на той же высокой горѣ, о которой мы говорили. По всему скату ея росли деревья, постепенно понижаясь. Живописныя группы ихъ были одна красивѣе другой, а за ними вдали простирались обширныя поля, усѣянныя то копнами сѣна, то скирдами хлѣба; пестрѣли деревеньки, окруженныя садиками, огородами, заборчиками, то изъ зелени, то изъ простаго тына. На горизонтѣ небо сливалось съ темною полосою лѣса. Картины въ разныя стороны были такъ прекрасны, что мы не могли противиться желанію набросить на бумагу хотя что нибудь на память о Кунцовѣ, и вотъ Константинъ Ивановичъ, тотчасъ доставилъ намъ все, что было намъ нужно для рисованія. Мы сѣли въ разныхъ мѣстахъ, но недалеко другъ отъ друга, и въ самомъ дѣлѣ успѣли сдѣлать нѣсколько очерковъ, которые бу-

дутъ напоминать намъ прелестныя мѣста Кунцова. Такъ какъ я одна изъ всего нашего кружка запаслась при выѣздѣ изъ Петербурга альбомомъ, но и остаюсь всегда въ выигрышѣ противъ другихъ: всѣ виды, какіе мы снимаемъ въ дорогѣ, остаются у меня, и ты удивишься съ какимъ богатымъ запасомъ воспоминаній о Москвѣ возвращусь я домой. Въ этомъ альбомѣ ты увидишь и строки, написанныя Константиномъ Ивановичемъ. Можно подивиться имъ, когда подумаешь что тотъ, о комъ должны онѣ напоминать, мѣряетъ аршиномъ грубый холстъ и китайку! Прочитай:

La nature est le trône exterieur de la magnificence divine L'homme, qui la contemple, qui l'étudie, s'élève par degrés au trône intérieur de la Toute-Puissance. *

Племянникъ его срисовалъ для меня домикъ ихъ, а сестра написала нѣсколько строкъ стихами собственнаго сочиненія. Это семейство болѣе и болѣе удивляетъ меня. Во все время прогулокъ нашихъ по саду и во время рисованья

* Природа есть видимый престолъ божественнаго величія. Человѣкъ, разсматривающій и изучающій ее, возносится постепенно къ невидимому Престолу Всемогущества.

нашего, Константинъ Ивановичъ разговаривалъ съ Николаемъ Дмитріевичемъ, и въ этихъ разговорахъ было такъ много умныхъ сужденій о литературѣ и о различныхъ журналахъ нашихъ, что я позавидовала не судьбу, посадившую Константина Ивановича въ лавку, а иныхъ — за письменный столъ. Какъ жаль, что эта слѣпая судьба не окружила его покрайней мѣрѣ такимъ обществомъ, которое бы соотвѣтствовало расположенію его ума: онъ не знакомъ ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ литераторовъ, и кажется, кромѣ книгъ своихъ и нѣсколькихъ знакомыхъ студентовъ, не имѣетъ ни души, съ кѣмъ бы могъ обмѣняться мыслями.

Послѣ чаю мы отправились домой. Вечеръ былъ прелестный, но довольно темный, покрайней мѣрѣ для насъ, Петербургскихъ жителей. Пріѣхавъ домой, мы нашли нашу милую Аполлину Ивановну въ ожиданіи насъ за чайнымъ столомъ. Съ любопытствомъ распрашивала она нашъ о Л . . . . и удивлялась, какъ никто въ Москвѣ не знаетъ его и не говоритъ о немъ. Она хотѣла непремѣнно пригласить его къ себѣ, чтобъ разсмотрѣть, какъ рѣдкость

Въ этотъ вечеръ мы опять видѣли у Аполлины Ивановны нѣсколько Московскихъ ламъ.

Между ними была и та Графиня, пріятельница ея, съ которой мы познакомились назадъ тому нѣсколько дней за всенощной. Непритворнымъ добродушіемъ и дружелюбіемъ, и необыкновенною простотою во всемъ, что касается особы ея, эта Графиня представляетъ, кажется, настоящій типъ прежнихъ знатныхъ Московскихъ барынь. Ея незатѣйливый нарядъ и чрезвычайная ласковость въ обращеніи со всѣми, заставляютъ совершенно забывать ея знатность и огромное богатство, которымъ владѣетъ она. Я очень рада, что она пригласила насъ обѣдать къ ней: я думаю все въ ея домѣ такъ же оригинально-просто, какъ и она сама. Я люблю такую простоту, такое добродушіе.

8 *го Августа.* Сегодня мы были въ Институтѣ Александринскомъ Сиротскомъ. Этотъ Институтъ основанъ былъ въ то время, когда въ Москвѣ была холера, въ 1830 году. Онъ назначенъ былъ для пріюта и воспитанія тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя оставались послѣ родителей, умершихъ въ холерѣ. Сначала несчастныя малютки, какъ мальчики, такъ и дѣвочки оставались тутъ только до 13-ти-лѣтняго возраста, но добрый Государь нашъ вско-

рѣ устроилъ это новое заведеніе такъ благодѣтельно для сиротъ, что теперь 150 мальчиковъ и столько же дѣвочекъ оканчиваютъ здѣсь совершенно воспитаніе свое, и первые поступаютъ прямо на службу, или въ Университетъ, а вторыя пріобрѣтаютъ здѣсь всѣ тѣ познанія, какія нужно имѣть классным дамамъ или гувернантамъ. Заботливость Института о воспитанницахъ его простирается даже до того, что начальство его само пріискиваетъ для нихъ мѣста въ казенныхъ и частныхъ домахъ. Мы не могли не порадоваться счастію воспитанниковъ и воспитанницъ: по всему примѣтно, что о нихъ заботятся съ такою попечительностію, какой многіе изъ нихъ не знали и въ домѣ родительскомъ. Прекрасное помѣщеніе, чистота, свѣжій воздухъ въ высокихъ и большихъ комнатахъ, — это ужъ такія обыкновенныя принадлежности всѣхъ Институтовъ нашихъ, что я не буду останавливаться на нихъ: онѣ вѣроятно одинаковы какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, — покрайней мѣрѣ я могу судить такъ по Институту Александрийскому. Кромѣ этихъ общихъ преимуществъ казенныхъ заведеній нашихъ, я замѣтила въ Александрийскомъ еще то, что въ каждой классной комна-

тѣ его помѣщается очень небольшое число воспитанницъ, и отъ того ни въ одной не было душно не смотря на погоду очень теплую.

Въ Институтѣ есть довольно большая библіотека. Въ то время, когда мы были въ ней, воспитанники мужской половины прошли отъ обѣда мимо насъ въ свои классы, и такимъ образомъ мы имѣли случай видѣть все, что составляетъ здѣсь Сиротскій Институтъ. Кромѣ двухъ половинъ: мужской и женской, здѣсь есть еще третье Отдѣленіе воспитанниковъ и воспитанницъ: *Малольтное*. Здѣсь помѣщаются самыя маленькія дѣти и могутъ быть даже грудныя круглыя сироты. Мы видѣли это интересное Отдѣленіе за обѣдомъ. Всѣ малютки очень милы и окружены самыми добрыми дамами классными. Пріятно было видѣть съ какою непритворною радостію эти крошки бросились на встрѣчу начальницы и начальниковъ своихъ которые вмѣстѣ съ нами вошли въ комнату ихъ.

Трогутые всѣмъ тѣмъ, что мы видѣли, и что составляетъ можетъ быть тысячную часть всѣхъ тѣхъ благодѣяній, какія семейство Царское изливаетъ на бѣдный классъ подданныхъ своихъ, мы оставили Александрінскій Инсти-

тутъ съ самыми пріятными ощущеніями въ сердцѣ.

Ты вѣрно очень удивишься, когда узнаешь что мы уже обѣдали сегодня у той доброй Графини, о которой я говорила тебѣ. Это случилось совсѣмъ нечаянно. Аполлина Ивановна должна была обѣдать у ней, такъ какъ у нихъ есть назначенные дни, когда онѣ обѣдаютъ другъ у друга. Вотъ наши дамы, съѣхавшись вмѣстѣ, разсудили, зачѣмъ же насъ нѣтъ съ ними? Графиня не долго думала объ этомъ вопросѣ, но тотчасъ же приказала заложить четверку лошадей въ карету, и отправить къ намъ съ убѣдительною просьбою отобѣдать у ней вмѣстѣ съ друзьями нашими. Р** Помня милое добродушіе и простоту Графини, мы не имѣли духу отказаться. Ожидаемой мною оригинальности, я не нашла въ домѣ ея: богатство и пышность многихъ комнатъ составляютъ разительную противоположность съ простотою собственнаго наряда ея. Все, что живетъ при ней, должно быть очень счастливо. Компаньонка ея и дѣвицы, гостящія иногда у ней, жалуются только на то, что Графиня никакъ не позволяетъ имъ ходить пѣшкомъ, и куда бы ни вздумали онѣ отправиться для мо-

ціона, вездѣ преслѣдуетъ ихъ четверня ея: она никакъ не постигаетъ, чтобы можно было изъ доброй воли ходить пѣшкомъ и удивляется страннымъ прихотямъ молодыхъ собѣсѣдницъ своихъ. Надобно сказать правду, что такое мнѣніе принадлежитъ здѣсь не одной Графинѣ: большая часть здѣшнихъ дамъ никогда не ходитъ пѣшкомъ, и наши Петербургскія ежедневныя прогулки, считающіяся у насъ столь необходимыми для здоровья, для нихъ непонятны.

За пышнымъ обѣдомъ Графини видѣли мы однакоже одну оригинальность: старичка-Француза, бывшаго нѣкогда гувернеромъ ея брата. Уже 40 лѣтъ онъ живетъ въ ея домѣ, и три раза женился въ это время. Послѣдняя жена его — женщина лѣтъ 50-ти, была тутъ же, и была разряжена, какъ молодая. Прошло не болѣе года, какъ онъ женился на ней. Они смѣшили насъ своими нѣжными ласками другъ къ другу. Она выбирала самыя лучшія конфеты и клала ему на тарелку: онъ безпрестанно называлъ ее *ma mie*. У ней страсть къ собакамъ-калѣкамъ: она гдѣ-то нашла простую дворняжку съ переломленною ногою и лѣлѣетъ ее, какъ маленькаго ребенка. Мужъ долженъ безпрестан-

но таскаться съ нею По этому ты можешь судить, что у него дѣла не много. Да и откуда же онъ возьметъ его? и на что? Столъ, квартира, услуга, даже жалованье — идетъ ему въ теченіи сорока лѣтъ отъ доброй Графини. Это истинно по-Русски, и даже болѣе- по-Московски. Прощай, милая сестрица, сбираемся послѣ завтра въ Троицко-Сергіевскую Лавру. Говорятъ, дорога ужасно дурна, но намъ нельзя ждать долѣе: скоро надобно готовиться къ возвращенію въ Петербургъ. Мы ѣдемъ не на почтовыхъ, но наняли здѣсь карету и четырехъ лошадей. Лошади не будутъ перемѣняться, но проѣхавъ первыя 30 верстъ, мы остановимся часа на четыре кормить ихъ, и потомъ опять отправимся на другія 30 верстъ. Такъ почти всѣ здѣсь ѣздятъ къ Троицѣ. Добрая Аполлина Ивановна никакъ не можетъ перенести мысли, чтобы мы поѣхали съ однимъ наемнымъ кучеромъ, и принуждаетъ насъ взять съ собою въ помощники ему, человѣка ея, который бывалъ по всѣмъ окрестностямъ Москвы и вѣроятно будетъ намъ очень полезенъ на той дурной дорогѣ, о которой разсказывали и ей, и намъ столько ужасовъ. Лиза въ восхищеніи отъ этого путешествія: она давно мечтала о сча-

стіи попасть въ Сергіевскую Лавру. Мы, по обыкновенію нашему, достали здѣсь книгу: *Описаніе жизни Св. Сергія Радонежскаго* и принимаемся читать ее, чтобы пріѣхать въ монастырь Троицкій познакомившись нѣсколько съ его знаменитымъ Основателемъ. Еще разъ про-

тяй

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Село Братовщина 10 *е Августа* 1845.

Мы на дорогѣ къ Троицко Сергіевской Лаврѣ, и такъ какъ я уже говорила тебѣ, милая сестрица, остановились на половинѣ этой дороги кормить лошадей нашихъ. Пользуясь этимъ необходимымъ отдыхомъ и небольшимъ дождемъ, непозволяющимъ намъ погулять по замѣчательному селу Братовщинѣ, я сажусь описать тебѣ тѣ любопытныя мѣста, по которымъ мы только что проѣхали Но тебѣ надобно прежде получить понятіе о томъ великомъ человѣкѣ, котораго имя придаетъ такую

важность, можно сказать даже, такую святость здѣшнему краю: я говорю о великомъ Угодникѣ Божіемъ, Св. Сергіи. Вотъ что мы узнали о немъ изъ той книги, о которой я говорила тебѣ.

Въ началѣ XIV-го вѣка, при Великомъ Князѣ Георгіи или Юріи Даніиловичѣ, жилъ въ Ростовѣ боярин Кириллъ, у котораго было три сына: Стефанъ, Варѳоломей и Петръ. Благочестіе — эта отличительная черта нравовъ Русскихъ въ тѣ далекія времена—было такъ глубоко и искренно въ семействѣ боярина Кирилла, что двое старшихъ сыновей его еще въ младенчествѣ любили говорить, что они не останутся въ мірѣ, но пойдутъ въ монахи Особенно второй изъ нихъ, Варѳоломей, отличался такою набожностію, такимъ усердіемъ къ Богу, что безъ удивленія нельзя было смотрѣть на этого младенца, непропускавшаго никогда случая идти въ церковь, съ величайшимъ вниманіемъ молившагося тамъ, и наблюдавшаго съ такою строгостію посты во всѣ назначенные для того дни, что никакими лакомствами нельзя было склонить его къ нарушенію воздержанія, столь необыкновеннаго въ ребенкѣ. Съ нетерпѣніемъ ожи-

далъ благочестивый малютка того времени, когда начнетъ онъ учиться читать, чтобы узнать въ божественныхъ книгахъ о томъ, какъ лучше угодить Богу. Родители обѣщали ему это тогда, когда ему исполнится семь лѣтъ отъ роду. Настало это время: Варѳоломей съ обоими братьями началъ учиться, но какое горе ожидало его при самомъ началѣ этого ученія! Онъ не могъ понимать его такъ хорошо, какъ братья, и сколько самъ онъ ни старался, сколько ни получалъ выговоровъ и отъ учителей, и отъ родителей,—ничто не помогало: онъ отставалъ болѣе и болѣе отъ братьевъ, которые быстро шли впередъ. Казалось, что это было для того, чтобы еще болѣе утвердить набожное дитя въ мысли, такъ рано постигнутой имъ, что никакое знаніе, никакая способность не зависитъ отъ человѣка, но проистекаетъ отъ *Отца свѣта*, и что *Ему* надобно молиться о всякомъ успѣхѣ въ просвѣщеніи. Младенецъ Варѳоломей получилъ священное доказательство въ этой истинѣ.

Однажды, идучи по полю, онъ увидѣлъ подъ дубомъ молящагося монаха. Варѳоломей, не смотря на чрезвычайную молодость свою, не былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ: онъ понималъ уже

сладость молитвы. Безъ всякаго страха, какой, можетъ быть, почувствовали бы другія дѣти въ такомъ случаѣ, малютка остановился, и когда монахъ пересталъ молиться, подошелъ къ нему такъ близко, что тотъ спросилъ: «Что тебѣ надобно, другъ мой?» — Я учусь грамотѣ, отвѣчало дитя, да худо умѣю; помолись за меня Богу, отецъ святой, чтобъ я могъ научиться. — Монахъ поднялъ къ небесамъ глаза и руки, произнесъ молитву, и подавъ мальчику часть просфоры, сказалъ:» Это дается тебѣ въ знакъ благодати Божіей и разумѣнія Св. Писанія.»

Съ этихъ поръ ученіе святаго дитяти пошло со всѣмъ иначе: онъ удивлялъ всѣхъ своими успѣхами, но рѣшительно не хотѣлъ заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ книгъ Священнаго Писанія. Страсть его къ этому изученію вскорѣ дошла до того, что онъ, не имѣя еще и 20 лѣтъ отъ роду, хотѣлъ уже вступить въ монастырь; но просьбы родителей удержали его на нѣсколько времени: разлучась съ двумя другими сыновьями, уже женатыми, они умоляли Варѳоломея не оставлять ихъ однихъ въ старости. Почтительный сынъ согласился; но вскорѣ и родители его избрали себѣ жизнь монастырскую, и поселились въ уѣздѣ города

Радонежа. Когда они скончались, Варѳоломею было 23 года отъ роду. Теперь уже ничто не связывало его съ міромъ, и онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Стефаномъ, въ это время овдовѣвшимъ, отправился въ дремучіе лѣса Радонежскіе искать мѣста для основанія маленькой пустыньки, гдѣ бы они могли жить, какъ отшельники. Въ самой глубинѣ лѣса, далеко отъ всякой проѣзжей дороги, они нашли такое мѣсто. Оно было, не смотря на дикость, прекрасно по возвышенному положенію своему на горѣ, и небольшой рѣчкѣ, протекавшей внизу. Здѣсь-то, на самой вершинѣ этой возвышенности, или какъ сказано въ описаніи, на *маковицѣ горы*, Варѳоломей съ помощію одного Стефана построилъ небольшую церковь во имя Св. Троицы. Но Стефанъ недолго пожилъ въ пустыни, непредставлявшей для жизни ничего кромѣ величайшихъ трудовъ и недостатковъ во всемъ: онъ ушелъ въ Москву, и вступивъ въ Богоявленскій монастырь, сдѣлался товарищемъ и другомъ одного изъ тамошнихъ монаховъ, Алексія, въ послѣдствіи знаменитаго Митрополита Московскаго.

Между тѣмъ, молодой Варѳоломей остался одинъ въ пустыни, испытывать силы свои

на трудномъ пути служенія Богу въ совершенномъ одиночествѣ, и посреди всѣхъ возможныхъ лишеній. Еще онъ не былъ постриженъ, и не спѣшилъ сдѣлать это, не убѣдившись въ душѣ, что онъ уже въ силахъ принять на себя святую обязанность монашества. Однакожъ, на 25-мъ году жизни, онъ принялъ ее: постриженіе его было совершено какимъ-то малоизвѣстнымъ игуменомъ Митрофаномъ. Имя Варѳоломея перемѣнилось съ тѣхъ поръ на имя *Сергія*.

И послѣ постриженія Сергій пользовался еще нѣсколько времени сладостнымъ для него уединеніемъ. Но вскорѣ слухъ о святости жизни пустынника, побѣждавшаго съ неземнымъ терпѣніемъ всѣ трудности жизни одинокой, посреди лѣсовъ почти непроходимыхъ, дошелъ до нѣкоторыхъ избранныхъ душъ, и вотъ начали являться къ молодому отшельнику монахи, просившіе у него позволенія селиться около церкви его. Сперва онъ отказывалъ имъ, представляя всѣ неудобства пустынной жизни его; всю бѣдность мѣста, отдаленнаго отъ всякаго жилья; но пришельцы соглашались на всѣ трудности, обѣщали терпѣть все для имени Божія, и послѣ такихъ обѣщаній, святый пустынникъ не могъ противиться. Такимъ образомъ мало по малу въ цер-

ковь Сергія, бѣдную до того, что часто въ ней, вмѣсто восковыхъ свѣчь горѣла лучина—собралось двѣнадцать братьевъ-монаховъ. Каждый изъ нихъ построилъ себѣ маленькую келью, и всѣ эти строенія общими трудами обнесены были небольшой оградой. Въ церкви читались каждой день часы, служили заутрени, вечерни и молебны. Обѣдни бывали рѣдко, потому что для служенія обѣдни нуженъ священникъ или игуменъ, а въ пустыни Сергія не было ни того, ни другаго; однакожъ изрѣдка братья приглашали ихъ къ себѣ изъ окрестныхъ мѣстъ. Вотъ каково было начало той великолѣпной Лавры Троицко-Сергіевской, которая сдѣлалась въ послѣдствіи столь знаменитою къ нашей исторіи, и которая сокровищами своими превосходитъ теперь всѣ другія богатѣйшія церкви Русскія. Разсматривая необыкновенно-быстрое улучшеніе новаго монастыря, и тихое счастіе, которымъ всегда наслаждались всѣ жившіе въ немъ, нельзя не замѣтить какого-то особеннаго благословенія Божія, какъ бы носящагося надъ обителью. И это благословеніе дѣлается понятнымъ, когда узнаешь подробно жизнь святаго основателя ея. Смиреніе, кротость, терпѣніе его—непостижимы для насъ, дѣтей XIX-го вѣка, такъ гордо-мечтающихъ

о себѣ. Мнѣ хочется разсказать тебѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей о немъ въ этомъ отношеніи. Я знаю, моя добрая, благочестивая сестрица, что ты особенно любишь разсказы такого рода, и потому не боюсь наскучить тебѣ, но желаю раздѣлить съ тобою удивленіе и глубокое благоговѣніе мое къ этому Святителю церкви нашей.

Долго надобно было всѣмъ братьямъ, собравшимся на житье къ нему, умолять его о томъ, чтобы онъ сдѣлался ихъ Игуменомъ, и когда наконецъ неотступныя убѣжденія заставили его согласиться, — ничто не могло сравниться съ его смиреніемъ въ этомъ званіи начальника: нельзя было узнать въ монахѣ, одѣтомъ бѣднѣе всѣхъ другихъ, въ послушникѣ или яснѣе сказать, въ работникѣ, отправлявшемъ самыя грубыя работы для кельи каждаго изъ братій, — того знаменитаго Игумена, котораго святость и всѣ Евангельскія добродѣтели уже извѣстны были не только въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, но даже и въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ для тогдашней Россіи: въ Константинополѣ. Тамошній Патріархъ Филоѳей такъ уважалъ Сергія, что прислалъ къ нему пословъ съ изъявленіями этого уваженія и разными дарами. Эти послы, привыкшіе къ пышности и величію

духовенства Константинопольскаго, поражены были удивленіемъ при видѣ величайшей бѣдности новаго монастыря, глубокаго смиренія благочестиваго настоятеля его и тѣхъ чрезвычайныхъ трудовъ, какіе онъ добровольно налагалъ на себя: они видѣли, какъ онъ исполнялъ должность монастырскаго плотника, дровосѣка, мельника и хлѣбника; какъ онъ самъ же дѣлалъ свѣчи и приготовлялъ просфоры. Однимъ словомъ, смиренный называлъ себя *слугою всѣхъ*, и въ полномъ смыслѣ слова отправлялъ эту должность.

Патріархъ Ѳилоѳей совѣтовалъ черезъ пословъ своихъ Св. Сергію устроить въ новомъ монастырѣ *общее житіе*, т. е. не отказывать въ пріемѣ новыхъ монаховъ и жить не въ отдѣльныхъ кельяхъ, выстроенныхъ каждымъ монахомъ на собственный счетъ, но всѣмъ вмѣстѣ, и все имѣть общее. Сергій принялъ этотъ совѣтъ, и съ того времени число монаховъ начало быстро увеличиваться и монастырь пришелъ въ лучшее состояніе: многіе богатые бояре постригались въ немъ и отдавали во владѣніе монастыря имѣнія свои.

По лучшею эпохою для новаго монастыря при жизни незабвеннаго Основателя его, было конечно то время, когда Великій Князь Ди-

митрій Іоанновичь воевалъ съ Мамаемъ и одержалъ надъ нимъ свою знаменитую побѣду. Извѣстно по исторіи нашей, какое участіе принималъ Св. Сергій во всемъ, что касалось этого похода и этой побѣды. Въ описаніи жизни его расказывается и о томъ, какъ во время самой битвы Куликовской, святый другъ и совѣтникъ Димитрія Донскаго стоялъ со всею братіею на молитвѣ, и исполненный дара пророчества обрадовалъ тогда же всѣхъ вѣстію объ успѣхѣ войска нашего.

Димитрій Донской, приписывая этимъ святымъ молитвамъ побѣду свою, столь важную для отечества нашего, чувствовалъ всю жизнь свою величайшую благодарность и глубокое благоговѣніе къ Преподобному. Пламенно хотѣлось ему видѣть его всегда въ Москвѣ, и послѣ кончины Митрополита Алексія просіяла было надежда на это: Святый служитель Божій назначилъ Сергія преемникомъ своимъ въ Митрополитствѣ, но напрасно были всѣ убѣжденія: смиренный настоятель монастыря Троицкаго никакъ не хотѣлъ принять на себя важнаго званія Митрополита, и посреди необыкновенныхъ трудовъ и лишеній скончался 1392 года Сентября 25, въ тихомъ монастырѣ своемъ. Ему было 78 лѣтъ отъ роду.

Тѣло его еще до погребенія походило уже на тѣло Святаго, и черезъ 30 лѣтъ потомъ найдено въ землѣ нетлѣннымъ.

Св. Сергій во время земной жизни своей дѣлалъ для отечества своего все то добро, какое только можетъ сдѣлать человѣкъ, отказавшійся отъ міра. Это добро не прекратилось и съ смертію его, и въ продолженіи столѣтій, протекшихъ съ того времени, онъ, кажется, присутствуетъ невидимо въ обители своей и проливаетъ оттуда новыя благодѣянія на прежнихъ соотечественниковъ своихъ. Нельзя не признать этого, вспомнивъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ Сергіевская Лавра была спасительною помощницею для Русскихъ.

Во время самозванцевъ, она поддерживала отечество и не допустила его совсѣмъ преклониться подъ чужеземною властію Въ междуцарствіе — изъ Лавры раздались первыя воззванія къ народу о спасеніи родины; въ Лаврѣ жили главные творцы спасенія ея: Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій. Въ первые годы царствованія Петра Великаго, когда непросвѣщенные подданные Его еще не постигали всей цѣны жизни Его, — Онъ не одинъ разъ пріѣзжалъ спасать эту жизнь въ монастырѣ

Троицкомъ Образъ Св. Сергія былъ неразлученъ съ Петромъ во всѣхъ походахъ его войны Шведской.

Во время моровой язвы, опустошавшей Москву и окрестности ея въ 1771 году, въ Троицкой Лаврѣ, ничѣмъ не отдѣленной отъ мѣстъ зараженныхъ, ни одинъ человѣкъ не только не умеръ, но и зараза вовсе не показывалась.

Въ несчастный и знаменитый для отечества нашего 1812 годъ, Троицкая Лавра также чудеснымъ образомъ спаслась отъ всеобщаго разоренія, которому подверглись всѣ окрестности Москвы: повелитель Французовъ, такъ жадно стремившійся завладѣть богатствами Русскихъ, отъ какого-то непонятнаго для него самаго ослѣпленія, въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль своего пребыванія въ Москвѣ, не вздумалъ послать войско свое въ Лавру, наполненную драгоцѣннѣйшими сокровищами нашими, мѣжду тѣмъ какъ посылалъ его въ разные города около Москвы.

Наконецъ въ 1830 году, когда во многихъ городахъ и селеніяхъ нашихъ, и въ томъ числѣ и въ Москвѣ, свирѣпствовала новая заразительная болѣзнь—холера, Троицкая Лавра снова такъ спасена была отъ нея, что въ стѣнахъ ея, всегда от-

крытыхъ для молельщиковъ, приходящихъ со всѣхъ сторонъ, не было ни одного больнаго.

Вотъ тебѣ, милая сестрица, подробное описаніе земной жизни Св. Сергія, и невидимаго но всѣми вѣрующими чувствуемаго присутствія его и донынѣ въ созданной имъ обители. Ты согласишься, что прочитавъ все, что я теперь написала тебѣ, нельзя безъ особеннаго благоговѣнія приближаться къ святымъ стѣнамъ монастыря Троицкаго. Всѣ мы чувствуемъ это, и вѣроятно, этому чувству ты обязана подробнымъ описаніемъ моимъ, къ которому я прибавлю теперь нѣсколько словъ и о дорогѣ, по которой мы проѣхали до села Братовщины.

Первая примѣчательность, представившаяся намъ тотчасъ по выѣздѣ изъ Крестовской заставы была Марьина роща, подлѣ которой, въ 1675 году, Царь Алексій Михаиловичь съ Царицею Натальею Кириловною, останавливались на возвратномъ пути своимъ изъ *похода Троицкаго*,— такъ назывались въ тѣ времена путешествія Царскія въ Троицкую Лавру, совершаемыя по большой части пѣшкомъ. Есть описаніе одного очевидца, Австрійскаго посланника Лизека, о томъ, какъ великолѣпно устроенъ былъ этотъ кратковременный отдыхъ Царя и Царицы: три

богатѣйшіе шатра представляли видъ четвероугольной крѣпости, окруженной рвами, окопами и башенками. Отсюда Ихъ Величества, отдохнувъ и переодѣвшись, въѣзжали въ столицу.

Послѣ Марьиной рощи, перенесшей насъ на минуту въ XVII столѣтіе, мы могли еще нѣсколько времени остаться въ немъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ одномъ изъ любимыхъ Государей нашихъ, о Царѣ Алексіи Михаиловичѣ, потому что проѣзжали мимо остатковъ дворцоваго *Села* его *Алексѣевскаго*. Здѣсь мы могли вспомнить и о Великомъ Сынѣ его, потому что, когда онъ вмѣстѣ съ Родительницею своею возвращался изъ Троицы послѣ стрѣлецкаго бунта, — въ Алексѣевскомъ селѣ встрѣтили его стрѣльцы съ повинною головою, и лежа по дорогѣ на плахахъ, просили себѣ помилованія.

Подлѣ остатковъ села Алексѣевскаго лежитъ село Ростокино, также примѣчательное по историческимъ воспоминаніямъ, еще отдаленнѣйшимъ: здѣсь въ 1552 году встрѣченъ былъ Іоаннъ IV, еще тогда не Грозный, но обожаемый народомъ побѣдитель Казанскаго Царства. Ростокино принадлежало тогда Троицкому монастырю, и Царь, отслуживъ благодарственный молебенъ Преподобному Сергію, обѣдалъ здѣсь

съ Троицкими монахами. Вѣроятно, ты не удивляешься вѣрности нашей исторической памяти: ты помнишь, что мы путешествуемъ съ *живою исторіею* — нашимъ неоцѣненнымъ въ такихъ случаяхъ Николаемъ Дмитріевичемъ. Мы всѣ, благодаря ему, сдѣлались такими любительницами исторіи Русской, что у насъ во время путешествія нашего въ Троицу, почти нѣтъ другаго разговора, какъ о томъ, что происходило нѣкогда на этой любопытной для Русскихъ дорогѣ. Проѣзжая мимо Ростокино, Николай Дмитріевичъ попугалъ насъ разсказомъ о какой-то *Танькѣ Ростокинской*, которая такъ разбойничала нѣкогда съ своею шайкою въ окрестныхъ лѣсахъ, что и до сихъ поръ существуютъ какіе-то слѣды ея разбоевъ по дорогѣ Троицкой: кучеръ нашъ говорилъ что и теперь не совсѣмъ спокойно около этого мѣста, и случается иногда одинокимъ прохожимъ и проѣзжимъ пропадать безъ вѣсти. Не знаю, справедливо ли это дополненіе къ разсказу Николая Дмитріевича, только оно такъ напугало нашу трусливую Лизу, что она начала бояться не только нынѣшнихъ опасностей этого мѣста, но даже и той старинной Таньки, которая, Богъ знаетъ, когда существовала здѣсь.

Около Ростокино было нѣкогда и дворцовое село *Тайнинское,* главное мѣсто соколиной охоты Царя Алексѣя Михайловича и внуки Его Императрицы Елисаветы Петровны. Мы не видѣли однакожъ и развалинъ его, извѣстныхъ изъ писемъ Карамзина, но это, вѣрно, потому, что она лежала не на большой дорогѣ, но нѣсколько влѣво.

Но вотъ *Мытищи*, — село напоминающее именемъ своимъ прошедшіе вѣка, но примѣчательное еще болѣе въ нынѣшнемъ: здѣсь открыты громовымъ ударомъ въ концѣ 18-го столѣтія 48 ключей, протекающихъ на 102 фута выше Москвы-рѣки. По приказанію Императрицы Екатерины Великой прекрасное открытіе превратилось въ истинное благодѣяніе для Московскихъ жителей: вода изъ новыхъ ключей проведена трубами въ Москву, которая, какъ извѣстно въ отношеніи воды не то, что нашъ великолѣпный Петербургъ, почти погруженный въ свѣтлыя волны Невы. Москва, можно сказать, ожила съ того времени, какъ оросили ее фонтаны этихъ благодатныхъ ключей.

Проѣхавъ 25 верстъ, мы увидѣли огромное село, выгорѣвшее недѣли двѣ тому назадъ. Оно называется *Пушкино*, принадлежало прежн-

де Патріархамъ, теперь казенное, и примѣчательно только тѣмъ, что въ 1812 году было послѣднимъ предѣломъ, до котораго доходили Французскіе мародеры, т. е. бѣглые солдаты. Они сожгли его, и не встрѣтивъ никакого сопротивленія ни отъ кого по Троицкой дорогѣ, сами вздумали воротиться назадъ. Какъ не признать здѣсь какой-то высшей силы, остановившей ихъ на этомъ мѣстѣ, для спасенія Лавры?

Въ 8 ми верстахъ отъ Пушкина,—и село Братовщина, гдѣ мы теперь. Оно также называлось нѣкогда *дворцовымъ*, потому что и въ немъ останавливались для отдыха Государи наши во время путешествій ихъ къ Троицкому монастырю. Здѣсь былъ нѣкогда и дворецъ: мы видѣли влѣво отъ дороги остатокъ березовой аллеи, которая вѣроятно вела къ терему Царицы, потому что называется *Царицыною аллеею*. Впрочемъ и здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ примѣчательныхъ остатковъ: село походитъ во всемъ на наши обыкновенныя деревни: только старинное кладбище его не походитъ на деревенское: на немъ видны старинные надгробные камни, съ надписями почти истертыми. Лиза, не смотря на маленькій дождь, ходила смотрѣть ихъ, и срисовала на память

Братовщины одну изъ развалившихся гробницъ стараго кладбища. На ней еще можно было прочитать надпись: *Князь Михаилъ Голицынъ, 80 лѣтъ отъ рожденія.* Вѣроятно старичокъ застигнутъ былъ смертію во время благочестиваго путешествія къ Троицѣ.

Николай Дмитріевичъ сказалъ намъ еще объ одной примѣчательности Братовщины: здѣсь была первая встрѣча ѣхавшему на Царство молодому Царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову: здѣсь ожидало Его Московское духовенство, бояре, и можно сказать, почти весь народъ столицы, такъ усердно молившей Его принять престолъ ея. Какой интересъ получаетъ неважная теперь Братовщина при этимъ трогательномъ воспоминаніи о юношѣ-Царѣ и Его благочестивой матери, такъ долго медлившей дать свое согласіе на то, чтобы сынъ ея возведенъ былъ на верхъ земнаго величія. Какъ счастливъ и какъ достоинъ уваженія народъ, котораго Исторія можетъ представить такой рѣдкой примѣръ истиннаго смиренія!

Но довольно о Братовщинѣ. Мы уже оставляемъ ее, и хозяева того дома, гдѣ мы обѣдали, пугаютъ насъ, что мы не пріѣдемъ сего-

дня въ Лавру, потому что дорога ужасно дурна. До сихъ поръ мы ѣхали хорошо по шоссе, но здѣсь порядочное состояніе его уже кончилось, и теперь оно продолжается до Троицы въ самомъ жалкомъ положеніи: средина испорчена невѣроятнымъ образомъ, а по сторонамъ приготовлены груды матеріаловъ для поправки. Путешественники должны своротить съ него и ѣхать вдоль протяженія его просто по полямъ, усѣяннымъ и кочками, и ямами, и лужами, и даже въ иныхъ мѣстахъ канавками, вырываемыми для осушенія полей. Можно вообразить себѣ пріятности такого пути! Съ большимъ страхомъ садимся мы т. е. Ольга Дмитріевна Лиза и я — въ карету. Николай Дмитріевичь и Валеріянъ смѣются надъ нами.

Троицкая Лавра 11-*е Августа*. Наконецъ мы здѣсь, милая сестрица! Признаюсь, я уже не думала, чтобы мы всѣ доѣхали сюда живые: дорога — ужасъ! Все, что разсказывали намъ о ней въ Братовщинѣ, ничего не значило въ сравненіи съ дѣйствительностію. Чтобы въ короткихъ словахъ дать тебѣ понятіе о всемъ томъ, что мы должны были вытерпѣть, скажу, что мы ѣхали *восемь* верстъ

пять часовъ! Темнота вечера увеличивала и ужасы дороги, и страхъ нашъ, но по крайней мѣрѣ уменьшала досаду, которую мы чувствовали при свѣтѣ дня, проѣзжая по рвамъ и буграмъ полей подлѣ самаго того шоссе, которое, будучи назначено для наслажденія путешественниковъ, и тянувшись передъ глазами ихъ въ самомъ безпорядкомъ состояніи, какъ будто дразнитъ ихъ своимъ существованіемъ! Не знаю, что было бы съ нами на этихъ первыхъ восьми верстахъ отъ Братовщины, если бы не привычка кучера нашего ѣздить по такимъ дорогамъ, не искуство и знаніе провожатаго, даннаго намъ Марьею Николаевною и наконецъ не прочность кареты Московскихъ извощиковъ, безвредно опускавшейся въ огромныя ямы, поднимавшейся на всѣ возможные бугры и кочки, и купавшейся въ лужахъ, похожихъ на цѣлыя стоки водъ. Въ 9 часовъ вечера мы дотащились такимъ образомъ до какой то дрянной деревеньки, но она всѣмъ намъ показалась прелестнѣйшимъ мѣстомъ на землѣ, и Ольга Дмитріевна, погруженная въ паническої страхъ отъ дороги нашей, объявила, что она ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ далѣе до утра; кучеръ подтвердилъ тоже и мы къ общей радости вы-

шли въ первый домикъ, подлѣ котораго остановились. Напившись чаю, мы тотчасъ легли отдыхать и отъ страха, который вытерпѣли, и отъ тѣхъ ужасныхъ толчковъ которые въ самомъ дѣлѣ утомили насъ хуже, нежели бы мы прошли пѣшкомъ верстъ пятнадцать. Рано утромъ, въ 4 часа, мы выѣхали и снова началось мученіе наше, но по крайней мѣрѣ оно было сноснѣе при свѣтѣ дня и довольно хорошей погодѣ.

На переѣздѣ 20 остальныхъ верстъ до Троицы, дорога раздѣляется на двѣ: одна идетъ къ Лаврѣ, мимо Хотькова монастыря, гдѣ погребены родители Св. Сергія, другая на село Воздвиженское, прямо къ Лаврѣ Большая часть богомольцевъ и особливо пѣшеходныхъ, обыкновенно отправляется прежде въ Хотьковъ монастырь: разсказывается по преданію, что Преподобный, бывшій на землѣ самымъ почтительнымъ сыномъ, и на небесахъ—особенно благоволитъ къ тѣмъ изъ благочестивыхъ молельщиковъ, которые прежде его гроба, придутъ поклониться гробу родителей его. И мы хотѣли сдѣлать тоже, но ужасная дорога остановила насъ: лошади наши ужасно утомились, а проѣхавъ на Хотьковъ монастырь, надобно было сдѣлать лишнихъ верстъ 7 или 8 Итакъ, мы

поѣхали прямо на Воздвиженское, замѣчательное нѣкогда тѣмъ, что Царевна Софія останавливалась въ немъ съ сестрами въ то время, когда ѣздила умолять о прощеніи Царственныхъ братьевъ своихъ, принужденныхъ замыслами ея удалиться въ Троицкій монастырь. Но признаюсь, намъ было уже не до историческихъ воспоминаній: каждую минуту мы должны были бояться, что карета наша или разлетится въ дребезги, или засядетъ въ яму, такъ что намъ и не выйти изъ нея. Съ такими ощущеніями проѣхали мы и мимо послѣдней деревни въ 8 ми верстахъ отъ Троицы, *Рязанцы*, гдѣ видѣли издали старинную каменную часовню, въ которой монахи Троицкіе встрѣчали Преподобнаго Сергія, когда онъ возвращался изъ Москвы, или изъ монастырей, основанныхъ имъ въ окрестностяхъ ея. Онъ совершалъ эти путешествія всегда пѣшкомъ. Въ часовнѣ, еще съ тѣхъ временъ стоитъ деревянный крестъ, которому молятся теперь всѣ ѣдущіе и идущіе въ Лавру Троицкую. Здѣсь также молились нѣкогда Пожарскій и Мининъ, отправляясь изъ Троицкаго монастыря въ знаменитый походъ ихъ на избавленіе отечества.

Наконецъ въ 9 часовъ мы доѣхали до Тро-

цы. Еще за нѣсколько верстъ мы увидѣли высокую колокольню монастыря, потомъ постепенно его золотые куполы и башни, и наконецъ самую ограду, особенно примѣчательную по толщинѣ стѣнъ своихъ. Вообрази, *три* сажени! Вышиною же она не вездѣ одинакова: въ иныхъ мѣстахъ сажени четыре, а въ другихъ доходитъ и до семи. Эти стѣны началъ строить еще Великій Князь Василій Іоанновичь, а кончилъ Грозный сынъ его. Толщина ихъ напомнила мнѣ церкви въ Коломенскомъ, построенныя въ томъ же вѣкѣ и тѣми же Государями.

Всѣ богомольцы, пріѣзжающіе и приходящіе поклониться Св. Сергію, останавливаются внѣ стѣнъ монастырскихъ въ двухъ гостинницахъ, принадлежащихъ монастырю Кромѣ этихъ домовъ, очень хорошихъ каменныхъ, около стѣнъ построено еще множество лавокъ, богадѣльня, а противъ самыхъ воротъ — очень красивая и большая часовня.

Въ главномъ Троицкомъ Соборѣ уже благовѣстили къ обѣднѣ, когда мы пріѣхали. Мы поспѣшили туда. Вообрази себѣ удивленіе наше при самомъ входѣ въ церковь: она была такъ полна народомъ, какъ у насъ бываетъ только въ заутреню праздника Воскресенія Христова! Между тѣмъ

это былъ простой день, и весь этотъ народъ пришельцы съ разныхъ сторонъ! И это бываетъ каждый день въ продолженіи всего лѣта. Мы едва могли съ помощію Николая Дмитріевича сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, и должны были остановиться. Правда, церковь не такъ велика, какъ она кажется снаружи, по причинѣ необыкновенно-толстыхъ стѣнъ своихъ, но за то къ ней пристроена еще каменная часовня, довольно большая на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была нѣкогда келья Св. Сергія, въ которой онъ удостоился видѣнія Божіей Матери. Эта часовня бываетъ также всегда полна молящимися. Въ ней находится великолѣпный образъ этого видѣнія. Послѣ обѣдни съ трудомъ дойдя до гроба Св. Сергія, мы служили молебенъ Ему. И тутъ тоже удивленіе поразило насъ: представь себѣ, что эта служба молебновъ не прерывается ни на минуту: едва успѣютъ отслужить одинъ, какъ уже просятъ о другомъ, и такъ продолжается въ теченіи нѣсколькихъ часовъ дня, а иногда и цѣлый день. Это такъ какъ въ часовнѣ Иверской Божіей Матери въ Москвѣ. Когда послѣ обѣдни, народъ началъ расходиться – что впрочемъ продолжалось очень долго: всѣмъ какъ будто не хотѣлось выйти,—

мы осмотрѣли Соборъ. Я уже сказала тебѣ, что стѣнами онъ принадлежитъ также къ тѣмъ вѣкамъ, когда думали болѣе о прочности, нежели о красотѣ зданій. Великій Князь Василій Димитріевичь и сынъ его Василій Темный построили этотъ богатый храмъ. Еще въ то время стѣны его расписаны были живописью, нѣсколько разъ возобновляемою и существующею теперь. Великолѣпный иконостасъ покрытъ чеканнымъ и вызолоченнымъ серебромъ. Послѣднія улучшенія здѣсь сдѣланы были Митрополитомъ Платономъ. Серебряная рака или гробъ Святаго есть приношеніе Царя Іоанна Грознаго; серебряный балдахинъ надъ нимъ Императрицы Анны Іоанновны. Какъ чудно это столкновеніе двухъ царствованій, похожихъ въ нѣкоторомъ отношеніи одно на другое: и царствованіе Анны Іоанновны можно было назвать грознымъ, хотя конечно, не по ея собственнымъ дѣламъ.

На другой сторонѣ иконостаса, мы видѣли за стекляннною рамою крашенинную ризу Св. Сергія и разныя вещи изъ его кельи. Смотря на эти доказательства добровольной бѣдности, на какую осуждалъ себя этотъ великій человѣкъ, нельзя безъ страха и сожалѣнія думать о

тѣхъ излишествахъ, которыя мы считаемъ теперь необходимостями, и безъ которыхъ грустимъ и жалуемся на судьбу! Какъ ничтожны мы съ великою образованностію нашего вѣка передъ этимъ святымъ мужемъ, возведшимъ въ простотѣ души природу человѣческую до такой высокости.

Въ числѣ образовъ иконостаса есть одинъ изображающій Св. Сергія, и замѣчательный потому что былъ во всѣхъ походахъ съ Царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ въ войнѣ Польской, потомъ съ Петромъ Великимъ въ Шведской, и наконецъ съ Императоромъ Александромъ въ 1812 году. Драгоцѣнная святыня была предвѣстницей побѣдъ для каждаго изъ этихъ Государей.

Жизнь Св. Сергія такъ тѣсно соединена съ исторіей отечества и Царей нашихъ, участіе Его въ судьбѣ ихъ было такъ очевидно и тогда, какъ Онъ былъ на землѣ, и тогда, когда уже перешелъ на небо, святость Его была всегда такъ велика, такъ необыкновенна, что нельзя безъ какого-то легкаго трепета подходить къ священной гробницѣ Его: думаешь, что стоишь передъ живымъ Свидѣтелемъ пяти столѣтій, протекшихъ съ того времени какъ въ дремучемъ лѣсу Радонежскомъ поселился Святой

пустынникъ. Но этотъ невольный трепетъ продолжается недолго: это только дань слабаго человѣчества — существу уже прославленному небесною славою: минуту спустя мысль объ ангельской кротости и добротѣ Его успокоиваетъ подходящихъ, и прикладываешься къ Нему съ такою довѣренностію, съ такимъ спокойствіемъ, что съ той же минуты почувствуешь даже какую-то радость и счастіе, которыя уже не покидаютъ тебя во все время пребыванія въ монастырѣ Его. Я испытала это сама, и никогда не забуду тѣхъ отрадныхъ часовъ, какіе я провела въ Лаврѣ Сергіевской. Передъ гробницею святыни теплится, никогда не угасая, золотая лампада, и стоитъ большой серебряной подсвѣчникъ съ множествомъ свѣчей.

Осмотрѣвъ все примѣчательное въ Соборѣ, мы отправились домой пить чай. Это уже было около 12 часовъ. Послѣ чаю и небольшаго отдыха мы пошли взглянуть на рядъ лавокъ, выстроенныхъ на площади противъ и подлѣ стѣнъ монастырскихъ. Въ нихъ продаютъ товары самые простые, можно сказать деревенскіе, и по большой части дѣтскія игрушки разнаго рода и вида, но всѣ очень дурной работы и величайшаго безвкусія: наши второстепенныя ве-

щи для дѣтей, выставляющіяся вмѣстѣ съ вербами на Вербной недѣлѣ, гораздо лучше всѣхъ Троицкихъ въ этомъ родѣ. Есть нѣсколько лавокъ съ хрустальными и фаянсовыми вещицами, также по большой части, дѣтскими. Мы накупили ихъ нѣсколько, вѣроятно для того, чтобы разбить дорогой.

Видя что въ Троицкомъ Гостиномъ дворѣ, смотрѣть вовсе нечего, мы разсматривали гораздо болѣе стѣну монастырскую, возвышающуюся на той же площади. Для Лизы нашей, эта стѣна и вообще вся наружность монастыря представляла еще болѣе интереса, нежели для всѣхъ насъ. Ты знаешь съ какою заботливостію она бережетъ одну изъ любимыхъ игрушекъ дѣтскихъ лѣтъ ея: Троицкую Лавру въ маленькихъ отдѣльныхъ кусочкахъ, которые она такъ любила нѣкогда разставлять на листѣ, представляющемъ планъ Лавры Я видѣла, какъ она дѣлала это еще не далѣе, какъ нынѣшнею весною. И вотъ теперь ей чрезвычайно любопытно сравнивать свои миніатюрныя церкви, ограду и башни, съ дѣйствительными. Зная наизусть каждый кусочекъ, она съ удивленіемъ находитъ, что игрушка ея очень вѣрно сдѣлана. Изъ восьми башенъ ограды — самая при-

мѣчательная *Красная*. Она построена при Царѣ Алексіи Михайловичѣ и вѣроятно въ честь маленькаго въ то время сына его - Петра: на самой верхушкѣ ея, поставлена каменная утка въ память того, какъ *говорятъ* здѣсь, что Петръ I й стрѣлялъ подлѣ нея, на Красномъ прудѣ, утокъ.

Осмотрѣвъ ограду, мы отправились смотрѣть все, что находится внутри нея. Это почти цѣлый, самый крѣпкій городокъ: въ немъ десять церквей, Дворецъ или какъ называютъ здѣсь *Царскіе чертоги*, Митрополичій домъ, отдѣльныя комнаты гдѣ сохраняется драгоцѣннѣйшая ризница, келліи Архимандрита и монаховъ, больница ихъ, домы, принадлежащіе къ Духовной Академіи, находящейся въ Царскихъ чертогахъ, и кромѣ всего этого — въ оградѣ же, есть садъ монастырскій. О соборѣ Троицкомъ, гдѣ почиваютъ мощи Св. Сергія, я уже говорила тебѣ, и потому къ описанію моему о немъ прибавлю только то, что къ нему ведетъ прямо изъ Святыхъ воротъ ограды, липовая аллея, въ которой всегда сидятъ и лежатъ нищіе, такіе изувѣченные, какихъ я еще никогда не видывала у насъ въ Петербургѣ. Страшно смотрѣть на нихъ! Своимъ, почти всегда лежачимъ поло-

женіемъ на каменной мостовой и разными кривляньями и настоятельными требованіями милостыни, они напомнили мнѣ Неаполитанскихъ лаззарони.

По правую сторону Троицкаго Собора, противъ той палатки видѣнія Св. Сергія, о которой я говорила тебѣ, находится церковь Преподобнаго Никона, ученика его, которому онъ передалъ начальство надъ монастыремъ, за 6 мѣсяцевъ до кончины своей, предвидѣнной имъ въ то время. Мощи Св. Никона почиваютъ въ этой церкви.

Посреднѣ Лавры и всѣхъ церквей ея находится Соборъ Успенской, построенный по образцу Московскаго. Троицкая Лавра со времени основанія своего можетъ назваться нѣкотораго рода *историческими записками* Отечества нашего: не было царствованія, которое бы не внесло въ нее чего нибудь на память о себѣ. Такъ и здѣшній соборъ Успенской передалъ намъ трогательное воспоминаніе о добромъ и умномъ Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и супругѣ его Иринѣ Ѳеодоровнѣ: они строили этотъ соборъ и въ присутствіи ихъ освятили два придѣла его во имя Ангеловъ ихъ Ѳеодора и Ирины. Нѣкогда при этой церкви была паперть и въ

ней погребенъ былъ Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ со всѣмъ семействомъ своимъ, но въ концѣ XVIII вѣка ветхую паперть надобно было сломать и тѣла несчастнаго семейства перенесены въ низенькую каменную палатку подлѣ Собора.

Но великолѣпнѣйшій памятникъ здѣсь принадлежитъ царствованію Царей Іоанна и Петра Алексіевичей: это трапезная церковь Преподобнаго Сергія, строившаяся шесть лѣтъ и освященная въ 1692 году въ присутствіи всего Царскаго Дома, послѣднимъ Патріархомъ *Адріаномъ*. Это прекрасное зданіе очень велико: оно имѣетъ въ длину, помнится, около 34 сажень, отличается необыкновенною архитектурою, расписано снаружи также необыкновенно: какими-то узорами похожими на шахматы: украшено разными фигурами изъ бѣлаго камня; у оконъ рѣзныя колонны; кругомъ всей церкви открытая галлерея. Желѣзная кровля, надъ самою трапезою, гдѣ каждый день обѣдаютъ монахи, еще болѣе примѣчательна: она поддерживается однимъ равновѣсіемъ и сдѣлала въ половинѣ прошедшаго столѣтія артиллерійскомъ кузнецомъ *Василіемъ Еремѣевымъ*. Мы видѣли здѣсь и обѣдъ монаховъ, безмолвный и болѣе обы-

кновеннаго постный по случаю общаго поста нашего въ Августѣ мѣсяцѣ. Во время обѣда одинъ изъ монаховъ читаетъ житіе какого нибудь Святаго или другую священную книгу. И это чтеніе, и обѣдъ показались Лизѣ очень мрачными: она говоритъ, что первое напоминаетъ ей чтеніе псалтири надъ покойниками, а самый обѣдъ—отъ черной одежды монаховъ—походитъ на похоронный столъ. Такое впечатлѣніе на шестнадцатилѣтнее воображеніе понятно. Мы удивлены были однимъ обрядомъ въ серединѣ обѣда: вдругъ раздался звукъ колокола всѣ сидѣвшіе за столомъ встали, перекрестились и сказали: *Аминь*. На распросы наши объ этомъ необыкновенномъ обычаѣ, намъ отвѣчали, что это дѣлается въ воспоминаніе того, какъ Св. Сергій однажды во время обѣда всталъ и поклонился Св. Стефану Великопермскому, проходившему въ 8-ми верстахъ отъ Лавры, въ Москву Въ описаніи жизни Св. Сергія разсказывается не одинъ такой случай, доказывающій сверхъ-естественный даръ Преподобнаго предузнавать происшествія и чудесно видѣть невидимое для другихъ. Въ этомъ же зданіи трапезной церкви, внизу, устроена съ 1834 года Странно-пріимная палата, гдѣ каждый день кормятъ бѣдныхъ странниковъ.

Кромѣ этихъ главныхъ храмовъ въ монастырѣ Троицкомъ, есть еще нѣсколько небольшихъ церквей: Преподобнаго Михея, — построена Императрицею Анною Іоанновною; Церковь Рождества Предтечи была нѣкогда построена Строгоновыми, и церковь Смоленскія Божіей Матери—Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Императрица Елисавета Петровна присутствовала на освященіи этой церкви. Такъ проходя по всѣмъ церквамъ Лавры, мы безпрестанно переходили отъ одного историческаго воспоминанія къ другому. Въ Ризницѣ все это снова повторилось, потому что въ ней собраны всѣ благочестивыя приношенія Государей нашихъ святой обители небеснаго Друга и Помощника ихъ. Съ удивленіемъ видишь, что между всѣми именами ихъ нѣтъ только имени Димитрія Донскаго; но Ризничій и помощникъ его, показывавшіе намъ это собраніе сокровищъ, говорятъ, что дары Донскаго вѣроятно пропали во время нашествія Эдигея, истребившаго почти до основанія всѣ церкви и строенія монастырскія. Съ удивленіемъ смотрѣли мы на простые, деревянные сосуды для Св. Причастія, употребляемые первыми Игуменами Лавры: Св Сергіемъ и Никономъ, и на

драгоцѣнныя золотыя чаши послѣдующихъ преемниковъ ихъ въ игуменствѣ. Ту же непомѣрную разницу видишь и въ одеждахъ ихъ: подлѣ холстинныхъ ризъ Св. Сергія висятъ ризы, украшенныя алмазами, изумрудами и жемчугами: особенно великолѣпны тѣ, въ которыхъ Митрополитъ Платонъ вѣнчалъ на царство Императора Александра I-го. Здѣсь есть одинъ покровъ на престолъ въ полтора милліона! Послѣ этого, ты можешь представить тебѣ, милая сестрица, сколько сокровищъ сохраняется тутъ, и какъ чудно могли они уцѣлѣть здѣсь въ 1812 году. Нѣсколько драгоцѣнныхъ Евангелій принесено въ даръ Царями: нѣсколько покрововъ вышито собственными руками Царицъ и Царевенъ нашихъ. На бумажномъ ярлычкѣ одного изъ нихъ, мы прочитали слѣдующую надпись руки Митрополита Платона: «Сія пелена къ нынѣшнему 1793 безъ 5, «триста лѣтъ Вкладу Великія Княгини Софьи «Ѳоминичны, бабки Царя Ивана Васильевича: «примѣчательна и по древности, и что Великая Княгиня, на подписи именовала себя Ца«ревною Царегородскою.» Еще примѣчательнѣе по моему, другой покровъ, вышитый Великою Княжною Ксеніею, или монахинею Ольгою,

дочерью Бориса Годунова, столь извѣстною и красотою, и несчастіями своими. Трогательно говоритъ она объ этихъ несчастіяхъ въ надписи, вышитой золотомъ вокругъ всего покрова.

Кромѣ всѣхъ этихъ Царственныхъ даровъ, и сама природа принесла обители Св. Сергія одно изъ непостижимыхъ чудесъ своихъ: это камень-агатъ, въ срединѣ котораго обыкновенныя черныя жилки и пятнышки, какіе бываютъ въ агатѣ расположились такъ по свѣтлому и прозрачному грунту камня, что изъ нихъ составился цѣлый рисунокъ, представляющій въ совершенствѣ крестъ съ Распятымъ на немъ Человѣкомъ, и передъ нимъ другимъ, стоящимъ на колѣняхъ и молящимся Ему. Монахъ Ризничій разсказывалъ намъ, какъ этотъ камень вовсе необдѣланный куплешъ былъ Митрополитомъ Платономъ, у одного бѣднаго человѣка за 30 руб. и отданъ въ отдѣлку золотыхъ дѣлъ мастеру. Распиливая его на нѣсколько пластинокъ, нашли въ средней—чудное изображеніе. Митрополитъ представилъ его Императрицѣ Екатеринѣ, Которая, приказавъ сдѣлать изъ этой драгоцѣнности, панагію осыпанную бриллiантами, возвратила ее, какъ подарокъ свой, Митрополиту.

Послѣ Ризницы мы смотрѣли *Домъ Митрополичій* или *Архіерейскій*, одно изъ лучшихъ украшеній Лавры. Здѣсь живетъ Митрополитъ Московскій, когда пріѣзжаетъ уединиться на нѣсколько времени отъ шума столицы въ здѣшнее прекрасное и святое убѣжище. Тутъ же останавливаются и особы Императорскаго семейства. Іоаннъ Грозный былъ основателемъ этого дома. Въ великолѣпныхъ компатахъ, возобновленныхъ и украшенныхъ Митрополитомъ Платономъ есть много самой старинной мебели, которая фасономъ своимъ сдѣлалась въ нашемъ вѣкѣ снова модною.

Въ особенномъ домѣ, называвшемся прежде *Царскими чертогами* и построенномъ при Петрѣ I-мъ, помѣщена уже болѣе 30 лѣтъ тому назадъ Духовная Академія Московская. Мы не смотрѣли ее, и потому не могу ничего сказать тебѣ о ней. Знаю только, что она должна быть очень велика, потому, что кромѣ Царскихъ чертоговъ занимаетъ еще два дома, пристроенные къ нимъ.

Вотъ, милая сестрица, все что мы видѣли сегодня въ знаменитой Троицкой Лаврѣ. Ты вѣрно удивишься, какъ успѣла я сдѣлать въ тотъ же день мое длинное описаніе. Вечеръ и ночь

такъ необыкновенно хороши при лунѣ, тихо сіяющей надъ высокими куполами Лавры, что я не могла отойти отъ окна комнаты нашей въ гостинницѣ, выходящей прямо на огромную площадь передъ оградой монастырской, и смотря на эту необыкновенную картину для меня, Петербургской жительницы, не могла заснуть, и долго просидѣла за этимъ описаніемъ. Я не сожалѣю, что мнѣ осталось мало уже спать нынѣшнюю ночь: если бы я не писала подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня священнымъ видомъ Троицкаго монастыря, ты не получила бы описанія моего такимъ подробнымъ, какъ ты желала Прощай.

ХОТЬКОВЪ МОНАСТЫРЬ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

Москва 13-*е Августа*. Прелестнѣйшее утро сіяло надъ Лаврою Троицкою, когда мы вчера, поклонившись въ послѣдній разъ гробу Св. Сергія, выѣхали изъ этого священнаго и прекраснаго мѣста. Мы поѣхали, не прямо по Московской дорогѣ, но на Хотьковъ монастырь, и были очень рады этому: мѣста, лежащія на лишнихъ верстахъ, которыя надобно проѣхать въ сторону для того, чтобы попасть въ Хотьковъ, такъ необыкновенно-хороши, что мы восхищались безпрестанно самыми прелестными

видами, какихъ нѣтъ на всемъ переѣздѣ отъ Москвы до Петербурга. Какіе живописные лѣсочки, возвышенности, долины, лужки! Жаль, что все это заключено только въ семи верстахъ, и мы еще не успѣли въ полной мѣрѣ налюбоваться на эти неожиданныя красоты, какъ уже показались зданія монастырскія. Это монастырь женскій. Мы пріѣхали туда во время обѣдни. Мы видѣли здѣсь много монахинь, которыя пѣли во время обѣдни, но пѣніе это было совсѣмъ не такъ хорошо, какъ я воображала. Уже второй разъ случилось мнѣ быть въ женскомъ монастырѣ, и не быть довольной пѣніемъ монахинь. Можетъ быть это отъ того, что отъ женскихъ голосовъ ожидаешь услышать что нибудь особенно-хорошее и трогательное, а гдѣ же этимъ бѣдняжкамъ научиться искусному пѣнію безъ всякаго учителя, и даже безъ всякихъ наставленій въ этомъ искуствѣ, особливо если монастырь находится въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, какъ Хотьковъ? Церковь вѣроятно не такъ давно построена или возобновлена здѣсь: все въ ней не такое старинное, какъ въ Троицкомъ Соборѣ Лавры, хотя основаніе монастырей принадлежитъ къ одному времени. Надъ гробницами отца

и матери Св. Сергія, погребенныхъ въ церкви другъ подлѣ друга, богомольцы служатъ панихиды. При выходѣ изъ церкви, насъ остановила одна монахиня, предлагая намъ зайти къ затворницѣ, у которой обыкновенно бываютъ всѣ богомольцы. Никто изъ насъ никогда не видалъ затворницъ, и потому мы всѣ обрадовались этому случаю и отправились за монахинею, которая шла очень скоро: кажется, она радовалась случаю быть нашей путеводительницей, и не хотѣла подѣлиться этою честью, или этою маленькою выгодою ни съ одной изъ другихъ монахинь, которыхъ по обыкновенію много сходится около пріѣзжихъ дамъ. Пройдя за проводницею нашею черезъ разные монастырскіе дворики и переулочки, мы очутились передъ маленькимъ окошкомъ въ каменномъ домикѣ или лучше сказать въ стѣнѣ какой-то постройки монастырской. Въ окошкѣ, состоявшемъ изъ четырехъ стеколъ, была отворена форточка, и передъ этою форточкою за подушкой съ коклюшками и толстыми кружевами, сидѣло что-то похожее на женское существо, но право, съ трудомъ можно было повѣрить, чтобъ это была женщина! Вообрази себѣ худой и сухой скелетъ лѣтъ семидесяти, съ по-

висшею на костяхъ кожею, въ бѣлой обыкновенной рубашкѣ съ короткими рукавами! Истинно-страшно было смотрѣть на эти голыя по локоть руки, и шею, ничѣмъ покрытую! На головѣ шапочка изъ чернаго коленкора, съ четырьмя нашитыми на ней крестами изъ бѣлаго полотна. Изъ-подъ этого мрачнаго головнаго убора торчали мѣстами клочки волосъ, то черныхъ, какъ смоль, то бѣлыхъ, какъ серебро. Такой костюмъ уже одинъ доказывалъ какое-то отсутствіе разсудка, а окружавшіе насъ богомольцы пріѣзжіе и тамъ живущіе, шептали намъ: «Подойдите къ окошечку, спросите что-нибудь у ней!» Мнѣ, признаюсь, не хотѣлось сдѣлать этого, особливо, когда я почувствовала, что рука Лизы такъ и дрожитъ въ моей: я боялась, что какая нибудь безсмысленность, сказанная этой безумной, заставитъ можетъ быть грустить мою молоденькую пріятельницу, но въ тоже время и хотѣлось вылечить ее отъ этого неосновательнаго страха. Вотъ я рѣшилась подойти съ нею вмѣстѣ къ окошку, шепнувъ ей напередъ, что тутъ вовсе нѣтъ ничего страшнаго, но напротивъ, много любопытнаго: костюмъ старой затворницы и еще болѣе вся наружность ея напоминали намъ

что-то похожее на страшныхъ Шотландскихъ вѣщуней Валтеръ-Скотта. Я подстрекнула любопытство Лизы разсмотрѣть ее поближе, а между тѣмъ подошли къ намъ и всѣ остальные спутники наши, неуспѣвавшіе идти такъ скоро, какъ шли мы за нашей услужливой монашенкой. Николай Дмитріевичъ тотчасъ поспѣшилъ подойти къ окошку затворницы; Ольга Дмитріевна послала туда же и насъ съ Лизой. Провожатая наша все еще не оставляла насъ, и стоя вмѣстѣ съ нами у окошка, начала говорить: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Здравствуй, матушка, помолись за пріѣзжихъ: вотъ пришли тебя попросить. Помолись, голубушка!» Страшная кружевница такъ прилежно занималась работой своей, что, казалось, не замѣчала ничего происходившаго вокругъ нея. Не поворачивая головы ни въ которую сторону, она угрюмо вертѣла коклюшки, поправляла огромныя булавки, которыми прикрѣплено было къ подушкѣ грубое плетенье ея и сердито бормотала про себя что-то несвязное, непонятное ни для кого изъ насъ. Изъ дикихъ звуковъ, вылетавшихъ изъ синихъ губъ ея, мы слышали только нѣкоторые: «Богомольщики пришли . . . а на елей, да на масло . . . что принесли? . . Прочь подите . . .

не хочу . . .» Другихъ словъ мы не слыхали, хотя и простояли минутъ пять передъ окошкомъ, проговорили нѣсколько разъ: «Помолись за насъ, матушка!» — и даже положили нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ на окошко ея. Она не сбросила ихъ оттуда, и окружавшіе насъ сказали, что мы можемъ принять это за особенный знакъ благоволенія къ намъ затворницы: за полчаса до насъ она выбросила изъ окошка десяти-рублевую бумажку какого-то господина, подходившаго къ ней точно такъ же, какъ подходили и мы.

Я съ сожалѣніемъ слушала какъ простодушные вѣрили мнимой святости сердитой старухи, которой ворчанье и досада увеличивались съ каждою минутою и наконецъ дошли до того, что она соскочила съ своего мѣста и дрожа отъ гнѣва, съ выраженіями настоящей брани задернула занавѣску окошка своего. При этой неожиданной вспышкѣ, всѣ стоявшіе у окна вздрогнули и отскочили въ разныя стороны. Лиза рада была, что мы отошли еще прежде, но Николай Дмитріевичъ и Валеріанъ не испугались этого гнѣва, и осмѣлились вступить въ разговоръ съ старухой въ отворенную форточку, не смотря на задернутую занавѣс-

ку. Но на всѣ просьбы и вопросы ихъ не было дано никакого отвѣта: за занавѣской было безмолвно, какъ въ могилѣ. Намъ сказали, что теперь ужъ никто не рѣшится подойти къ окну, пока она сама снова не отдернетъ занавѣски. Подлѣ маленькой кельи этой страшной хозяйки, мы видѣли небольшія сѣни, а подлѣ нихъ еще кельи, гдѣ живутъ монахини, прислуживающія ей.

Изъ Хотькова мы поѣхали опять по той же ужасной дорогѣ, по которой ѣхали назадъ тому два дня, но прекрасная погода подсушила ее такъ, что мы гораздо сноснѣе совершили путешествіе наше назадъ; однакожъ все-таки лошади наши такъ замучились ямами и грязью, что мы не могли дотащиться до Братовщины къ обѣду, и принуждены были остановиться въ дряпной деревушкѣ, гдѣ ничего нельзя было достать кромѣ не-слишкомъ вкусныхъ блиновъ, которые пекутся во многихъ деревняхъ по Троицкой дорогѣ, для проходящихъ мимо пѣшеходныхъ богомольцевъ. Для этого блино-печенья устроены особенные домики, или лучше сказать, шалаши, гдѣ кромѣ печки и той женщины или дѣвушки, которая печетъ блины, могутъ помѣ-

ститься, можетъ быть, еще человѣка два или три. Въ этой скромной пекарни, нѣтъ ни пола, ни стола, ни стула. Какъ не сказать, смотря на это жалкое устройство, что Русской народъ не любитъ баловать себя: кажется, онъ никогда и не думалъ, чтобы можно было заботиться о какихъ нибудь удобствахъ и во всей жизни вообще, а не только что во время работы.

Однакожъ нѣкоторые изъ насъ поѣли этихъ блиновъ, другіе же напились только чаю во время отдыха лошадей, и потомъ отправились безъ всякихъ остановокъ до Москвы, куда пріѣхали не прежде втораго часа ночи. При этомъ случаѣ мы замѣтили, что шумъ на улицахъ Московскихъ утихаетъ гораздо ранѣе, нежели на нашихъ Петербургскихъ: почти на всѣхъ тѣхъ, которыя мы проѣхали отъ заставы Троицкой до Большой Дмитровки была совершеннѣйшая тишина. Съ наслажденіемъ бросились мы на постели наши, послѣ трехъ безпокойныхъ ночей въ дорогѣ.

16-*е Августа*. Уже мы наняли дилижансъ, и завтра отправляемся въ возвратный путь въ нашъ милый Петербургъ, любезная сестрица. Хочу описать тебѣ, какъ провели мы послѣдній день нашъ въ Москвѣ, т. е. сегодня. Ут-

ромъ мы были у обѣдни въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ Лизѣ очень хотѣлось еще разъ поклониться мощамъ Св. Царевича Димитрія. Здѣсь случилось съ нами маленькое приключеніе, которое впрочемъ, не было для насъ совсѣмъ неожиданно. Насъ предостерегали давно, что въ церквахъ здѣшнихъ во время большаго стеченія народа надобно быть осторожнѣе, нежели у насъ въ Петербургѣ; надобно покрѣпче держать карманы и ридикюли, кошельки и портфели, и особенно стараться не дѣлать никакихъ денежныхъ распоряженій, стоя посреди толпы народа. Но мы не обращали много вниманія на эти предостереженія, считая ихъ нѣсколько преувеличенными, можетъ быть, потому что во все время пребыванія нашего въ Москвѣ съ нами не случилось ничего такого, что могло бы подтвердить намъ основательность расказовъ, слышанныхъ нами. Мы уже были совершенно спокойны въ этомъ отношеніи, и Ольга Дмитріевна вчера даже похвастала, что мы выѣдемъ изъ Москвы не заплативъ дани, которую пріѣзжіе во всякой огромной столицѣ обыкновенно платятъ ея искуснымъ *рыцарямъ кармановъ*. И чтожъ? именно съ нею случилась сегодня эта бѣда: во время обѣдни, ей вздумалось

малось достать кошелекъ свой, чтобы положить нѣсколько серебряныхъ монетъ на блюдья сборщиковъ, проходившихъ мимо нея по церквѣ. Сдѣлавъ это, она вспомнила, о предостереженіяхъ, и чтобъ не положить при окружавшихъ ее кошелекъ свой назадъ въ карманъ, откуда легче было вытащить, она оставила его въ рукѣ, завернувъ въ платокъ, и была совершенно спокойна. Не прошло одной минуты, въ рукахъ ея былъ уже одинъ платокъ, а кошелекъ исчезъ какъ будто бы волшебною силою! Напрасный трудъ былъ бы искать его, или спрашивать о немъ: всѣ окружавшіе насъ искренно раздѣляли нашу досаду, и всѣ подтвердили что никогда не должно здѣсь въ толпѣ вынимать изъ кармановъ — кошельки; что однажды вынутый всегда уже исчезалъ у хозяина, если не въ ту же минуту, какъ у нашей Ольги Дмитріевны, то черезъ нѣсколько часовъ, и если не въ той же самой церкви, то въ другой или въ третьей. Ходить по церквамъ— это здѣсь одно изъ главныхъ занятій для пріѣзжихъ. Погоревавъ о маленькой непріятности доброй Ольги Дмитріевны и пожалѣвъ, что и древняя столица славнаго и честнаго народа Русскаго не избавилась отъ испорченности, непазлучной

съ многолюдствомъ большихъ городовъ, — мы отправились домой, гдѣ уже ожидали насъ милая Марья Николаевна съ Вѣренькой. Мы уговорились съ ними съѣздить сегодня въ *Городъ* за послѣдними покупками, какія оставалось намъ сдѣлать передъ отъѣздомъ. Но къ сожалѣнію мы забыли, что сегодня большой церковный праздникъ Образа Нерукотворенаго Спаса, и что купцы Московскіе набожнѣе нашихъ Петербургскихъ, которые въ сравненіи съ Московскими, могутъ назваться полу-иностранцами: мы нашли огромный *Городъ* или Гостиный дворъ Московскій—почти пустымъ. Въ высокихъ крытыхъ галлереяхъ его можно было прогуливаться какъ будто въ какихъ-то безконечныхъ залахъ: онѣ казались огромными, потому что были пусты и безмолвны. Правда, въ нѣкоторыхъ мы видѣли человѣка по два или по три вмѣстѣ, но это были сидѣльцы, которые или разговаривали между собою передъ закрытыми лавками, или убирали въ нихъ что нибудь. Одного изъ послѣднихъ мы уговорили продать намъ нѣсколько нужныхъ для насъ вещей. Онъ согласился съ большею вѣжливостью, и тѣмъ избавилъ насъ отъ досады возвратиться въ Петербургъ безъ тѣхъ Московскихъ

рѣдкостей, которыми мы сбираемся удивить Петербургскихъ друзей нашихъ. Въ самомъ дѣлѣ, милая сестрица, ты, вѣрно, не воображаешь какія мы привеземъ съ собою тафты, ленты, барежи, холстинку, почтовую бумагу, разныя щетки и щёточки, подносы и корзинки, и множество другихъ вещей здѣшнихъ фабрикъ. Я восхищаюсь всѣмъ этимъ и въ то же время чрезвычайно досадую, что почти всѣ эти вещи имѣютъ необходимую надобность прикрыться иностраннымъ именемъ, чтобы получить доступъ въ знатный Русскій домъ. Не смѣшно ли и не грустно ли это? Прекрасная лента, выработанная на Русской фабрикѣ, должна непремѣнно назваться Ліонскою, чтобъ имѣть, счастіе обвить стройный станъ Русской красавицы-аристократки, или ввиться въ ея густые свѣтлорусые локоны! Тонкій листокъ атласистой бумаги Московской долженъ непремѣнно оттиснуть иностранный штемпель на одномъ изъ уголковъ въ своихъ, чтобъ имѣть честь явиться на письменномъ столѣ Русскаго важнаго барина! Долго ли будетъ существовать такое ослѣпленіе, заставляющее насъ быть такъ несправедливыми къ нашимъ собственнымъ произведеніемъ? Какой благодѣтельный перево-

ротъ сдѣлался бы въ фабрикахъ нашихъ и вообще во всей промышленности ихъ, если бы вдругъ эта завѣса свалилась съ глазъ Русскихъ, и они увидѣли бы сколько хорошаго имѣетъ отечество ихъ, и какъ благородно, какъ сладостно прологать путь этому хорошему; облегчать затрудненія, окружающія его; заботиться объ его успѣхахъ! Надѣюсь, что это время настанетъ когда нибудь для Россіи, и что по мѣрѣ образованности нашей, оно приближается къ намъ. Мы долго говорили объ этомъ сегодня за обѣдомъ у друзей нашихъ Р.* Они, такъ какъ и большая часть Москвичей, обвиняютъ въ этомъ нашъ Петербургъ, и говорятъ, что оттуда долженъ быть поданъ примѣръ въ привязанности ко всему національному. Это правда,—и потому я не только не спорила, но и сама думаю, что у насъ явились бы такія же фабрики, какъ и въ иностранныхъ государствахъ, если бы высшій кругъ нашего общества, и особенно дамы, принадлежащія къ нему, и нуждающіяся въ такомъ безконечномъ множествѣ вещей и вещицъ иностранныхъ, рѣшились употреблять для туалета своего, только то, что сдѣлано въ Россіи. Какую волшебную перемѣну сдѣлала бы такая рѣшимость! Какую по-

вую прелесть придала бы она увлекательнымъ красавицамъ Сѣвера! Счастливой организаціи нашей недостаетъ болѣе всего этой образованной горделивости, которую справедливѣе было бы назвать чувствомъ собственнаго достоинства. Главное основаніе этого чувства заключается въ привязанности къ родинѣ и языку своему, въ убѣжденіи, что мы принадлежимъ къ народу, достойному уваженія, — и именно этого-то и нѣтъ у насъ! По какому-то несчастному заблужденію, мы вѣчно стремимся ко всему чужому, отворачиваемся отъ всего своего, ищемъ и возвышенныхъ чувствъ, и поэзіи, и всего хорошаго только у иностранцевъ, а себя какъ будто-бы считаемъ какими-то уродами, которымъ не дано природою достичь до того, до чего достигаютъ другіе люди. И поступая такимъ образомъ мы нисколько не думаемъ, что тѣмъ безжалостно унижаемъ себя; что пренебрегая соотечественниками своими, мы преклоняемъ подъ это пренебреженіе и свою собственную голову. Удивительно, какъ можетъ существовать при настоящей образованности Русскихъ, такое унижающее ихъ заблужденіе, и какъ не излѣчили насъ насмѣшки, сыплющіяся на насъ за это отъ тѣхъ самыхъ иностранцовъ, кото-

рымъ мы покланяемся съ такимъ подобострастіемъ! Много говорятъ и пишутъ они объ этой смѣшной сторонѣ нашей, а мы читаемъ, да похваливаемъ ихъ остроты, и при всемъ томъ не думаемъ исправляться. Если бы покрайней мѣрѣ въ пылу страсти нашей къ подражанію, мы скопировали бы съ иностранцевъ привязанность ихъ ко всему своему, эту отличительную, природную черту почти всѣхъ націй вообще, и каждой въ особенности — такъ нѣтъ! Именно того-то мы и не замѣчаемъ, или и замѣчаемъ, да не допускаемъ этого замѣчанія до сердца своего. Ахъ! бѣдные, бѣдные Русскіе! Я не могу безъ жалости думать объ этомъ униженіи ихъ передъ другими народами, не могу не пожелать имъ не только благородной горделивости, но даже настоящей гордости, чтобъ только избавить ихъ отъ этого несноснаго порабощенія. Да, я восхищалась бы такою гордостью, особливо если бы женщины первыя показали ее. Онѣ часто бывали виновницами важныхъ перемѣнъ въ обществахъ человѣческихъ, и можетъ быть имъ назначаетъ судьба произвести и въ Россіи первое движеніе того великаго переворота мнѣній, который бы вдругъ показалъ соотечественникамъ ихъ, что у нихъ есть и

собственный языкъ, и собственная поэзія, и собственныя искуства; что все это, свѣжее, полное молодости и силы, ждетъ только пробужденія народа своего, чтобы заструиться волною жизни, и облить восторгомъ сердца, такъ долго непонимавшія ихъ въ какомъ-то летаргическомъ снѣ. О! какъ бы весело было дожить до такого переворота; посмотрѣть на новую жизнь общества подъ вліяніемъ его; послушать какъ смѣнился бы нынѣшній, чужой и неестественный разговоръ Русскихъ—на живую рѣчь роднаго языка ихъ; насладиться этою рѣчью, какъ неожиданнымъ благомъ, и уже безъ горестнаго ощущенія прочитать нынѣшнія печальныя слова поэта:

Родной языкъ, языкъ баяновъ давныхъ,
Боярскихъ Думъ и Княжескихъ пировъ,
Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
Родной языкъ, богатый какъ природа,
Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
Чѣмъ сталъ ты? Чѣмъ? Невѣжества клеймомъ
И рѣчью черни; баринъ именитый,
Увы! теперь съ тобою незнакомъ,
И Русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты;
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, какъ позора убѣгая,
Что-жь будешь ты, о рѣчь моя родная,
Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

Вотъ каковы были, милая сестрица, разсужденія наши въ послѣдній вечеръ, проведенный нами въ Москвѣ. Патріотизмъ, которому такъ хорошо спится въ душѣ Русскаго, пробудясь, дѣлаетъ обыкновенно чудеса въ этой душѣ отъ природы пылкой и нелюбящей ничего соннаго. Такъ было и съ нами: оживленные этимъ пробужденіемъ, мы всѣ страшно возстали противъ деспота общества нашего—языка Французскаго; съ жаромъ истинной любви заговорили о своемъ собственномъ; начали отыскивать все, что бывало сказано въ похвалу его нашими лучшими поэтами, и по этому случаю порядочно разрыли Русское отдѣленіе библіотеки Аполлины Ивановны, довольно рѣдко-тревожимое—по обыкновенію Русскихъ образованныхъ дамъ—и въ этомъ возбужденномъ состояніи духа узнали, что не нужно чрезвычайныхъ усилій, чтобы сдѣлать желанный переворотъ въ бо́льшей части нашего общества: многіе почти готовы уже почувствовать нелѣпость заблужденія своего, и идутъ по старой избитой дорогѣ, потому только что нѣтъ смѣлаго путеводителя, который бы рѣшился повести ихъ по новой. Чтобы вызвать появленіе этого благодѣтельнаго существа, долженствующаго примирить насъ

со всѣмъ Русскимъ, надобно приготовиться къ принятію его; надобно каждому изъ насъ стараться о томъ, чтобы облегчить будущее дѣло его и вотъ мы рѣшились съ Московскими друзьями нашими, показать съ своей стороны всю готовность къ этому старанію. Какъ ни ничтожны эти усилія маленькаго общества нашего въ сравненіи съ массою, на которую надобно дѣйствовать, но мы не унываемъ: говорятъ, что и капля воды, капая на одно мѣсто, пробиваетъ камень. Какъ знать, можетъ быть и наше ничтожное намѣреніе защищать Русское слово отъ иностранной власти—найдетъ себѣ откликъ въ нѣсколькихъ сердцахъ истинно-Русскихъ и истинно-образованныхъ; они, также приложатъ свои старанія къ общему дѣлу, и такъ мало по малу капли—усилій нашихъ пробьютъ каменную кору, которою Французское воспитаніе наше обложило насъ. Пожалуста, раздѣли наши надежды, милая сестрица, и присоединись также къ нашему союзу противо-французія. Тебѣ надобно сдѣлать это тѣмъ скорѣе, что у тебя есть дѣти: ихъ-то и надобно сколько можно предохранить отъ дурнаго вліянія космополитизма; имъ-то и надобно внушить всего

дѣюсь, тебѣ не нужно объяснять, что союзъ нашъ не есть заговоръ противъ всего иностраннаго. Къ чему это преувеличеніе? Къ чему отказываться отъ наслажденій, какія могутъ доставить намъ литературы и языки иностранцевъ? Нѣтъ, мы готовы съ радостію принять и перенять отъ нихъ все хорошее; мы не хотимъ лишить себя того упоенія, какое находитъ душа человѣческая во всемъ прекрасномъ одинаково-принадлежащемъ всѣмъ народамъ и языкамъ, но мы отдадимъ искреннѣйшія желанія сердца и лучшія усилія ума — нашему милому отечеству и родному языку. Я рада, что этотъ торжественный обѣтъ и вообще весь восторженный разговоръ нашъ вчера случился почти въ минуты отъѣзда нашего изъ Москвы. Если бы прошло еще нѣсколько дней, мы опомнились бы на какой трудный подвигъ рѣшились, и можетъ быть твердая рѣшимость наша поколебалась бы; но теперь мы еще не успѣли сдѣлать этого, и разстаемся съ тѣмъ самымъ жаромъ, который одушевлялъ насъ въ рѣшительныя минуты. Не вздумай шутить надъ несбыточностію предпріятія нашего: ты этимъ испортишь дѣло, особливо въ глазахъ младшихъ членовъ нашего общества: Лизы и Валеріана. Нѣтъ, вѣрь нашей надеждѣ!

Прощай до радостнаго свиданія дней черезъ пять!

Конецъ.